

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№1 (ТОМ 3)
2024

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2024. Том 3. № 1
2024. Volume 3. Number 1

Екатеринбург 2024 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2024. VOLUME 3. NUMBER 1

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

EDITOR

Mikhail V. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Ekaterina A. Bulakova, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Andrey S. Mikhaylov, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Elena K. Sozina, Vladinir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

EDITORIAL COUNCIL

Nikolay N. Baranov, Vladimir N. Zemtsov, Aleksandr I. Zyrianov, Vladimir A. Ivanov, Iskander L. Izmailov, Aleksandr A. Korablev, Marina Ch. Larionova, Sergey Z. Chernov, Larisa G. Shepko, Andrey N. Shikhov

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

© Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2024. Том 3. № 1

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к. и. н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к. и. н. Е. В. Бородина, Е. А. Булакова, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатьева, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. г. н. А. С. Михайлов, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. филол. н. Е. К. Созина, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, к. и. н. С. Н. Темушев

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д. и. н. Н. Н. Баранов, д. и. н. В. Н. Земцов, д. г. н. А. И. Зырянов, д. и. н. В. А. Иванов, д. и. н. И. Л. Измайлов, д. филол. н. А. А. Кораблёв, д. филол. н. М. Ч. Ларионова, д. и. н. С. З. Чернов, д. и. н. Л. Г. Шепко, д. г. н. А. Н. Шихов

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

Гришин Е. С. Семантика исторической карты. Вопросы построения и использования условных обозначений для исторических карт 6

Баклыков М. С. Опыт применения ГИС для анализа конфликтного потенциала территории: на примере вооруженного конфликта в Южном Судане после провозглашения им независимости (2011–2022 гг.) 22

РЕГИОНАЛИСТИКА

Беляев А. Г. Иван Дмитриевич Попов и его экспедиция 1806–1808 гг. по изысканию пути соединения Оби с Печорой 36

Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х—1930-х гг. (начало) 46

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Дирин Д. А., Балюк Н. А. Этноэкосистемы Тобольского Заболотья: пространственно-временная организация и факторы устойчивости (к постановке проблемы) 64

ИСТОЧНИКИ

Шумкин Г. Н. Документы о подготовке к путешествию Александра I на Урал в 1824 г. (к 200-летию события) 86

Холматов Т. К. «В Историко-архивном институте историческая география еще не совсем исчезла»: письма О. М. Медушевской В. К. Яцунскому (1956—1966 гг.) 98

СООБЩЕНИЯ

V открытый доклад Центра исторической картографии и историко-пространственных исследований 108

Выставочный проект «Все идет по плану. Город на картах и схемах» 112

Call for Papers: XII Международный симпозиум по исторической демографии в Сыктывкаре 116

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL CARTOGRAPHY

- Grishin E. S.* Semantics of the Historical Map. Constructing and Using Symbols for Historical Maps6
- Baklykov M. S.* Using GIS to Analyze a Conflict Area: The Example of the Armed Conflict in South Sudan after the Declaration of Independence (2011–2022) 22

REGIONAL STUDIES

- Belyaev A. G.* Ivan Dmitrievich Popov and His 1806–1808 Expedition to Find a Way to Connect the Ob and Pechora 36
- Mikheev M. V.* The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s – 1930s (Part 1) 46

ETHNIC ECOLOGY

- Dirin D. A., Balyuk N. A.* Ethnoecosystems of the Tobolsk Zabolotye: Spatio-Temporal Organization and Sustainability Factors (To a Problem Statement) 64

SOURCES

- Shumkin G. N.* Documents on the Preparation for Alexander I’s Trip to the Urals in 1824 (To the 200th Anniversary of the Event) 86
- Kholmatov T. K.* «In Institute for History and Archives Historical Geography Hasn’t Disappeared Yet»: The Letters of O. M. Medushevskaya to V.K. Yatsunskiy (1956–1966)98

INFORMATION

- V Open Report of the Center for Historical Cartography and Historical-Spatial Research108
- Exhibition “Everything Goes as Planned. The City on Maps and Diagrams” 112
- Call for Papers: XII International Symposium on Historical Demography in Syktyvkar 116

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

УДК 528.96

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-6-21

Гришин Евгений Сергеевич

старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Семантика исторической карты. Вопросы построения и использования условных обозначений для исторических карт*

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена методическим и редакционным вопросам формирования и применения условных знаков при проведении историко-картографических работ. Обозначена актуальность темы историко-картографической семантики, которая обычно не получает должного отражения в работах по методике подготовки исторических карт. Автор формулирует основные требования, предъявляемые к графическим средствам исторической карты в отношении их синтаксиса, семантического соответствия и общей читаемости; приводит методологические основы построения и использования условных обозначений. Уделено внимание структуре исторической семантики и ее отдельным блокам. Отдельный блок статьи отведен классификации знаков и области их применения. Дано описание ресурсов условных обозначений. Приведены источники пополнения знаков и механизмы формирования новых символов. По каждому геометрическому типу условных обозначений представлен разбор различных ситуаций, в которых он может быть использован; приведены примеры, раскрывающие информационный и методический потенциал различных приемов по использованию условных знаков. В статье уточнена концепция эталонной базы условных обозначений, которая представляет собой совокупность всех доступных знаков, сгруппированных по тематическим рубрикам. Методические положения статьи базируются на практике общего и тематического картографирования, а также на профессиональном опыте автора. К статье добавлены графические приложения с примерами оформления тематических легенд, которые могут быть использованы как ориентир дальнейшего накопления эталонной базы условных знаков или для прямого использования при работе с историческими картами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: условные обозначения, историческая картография, семантика

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159. Ввиду научной значимости поднятой темы, редакция приглашает заинтересованных исследователей к дискуссии.

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL CARTOGRAPHY

UDC 528.96

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-6-21

Evgeniy S. Grishin

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Semantics of the Historical Map. Constructing and Using Symbols for Historical Maps

ABSTRACT. This article is devoted to the methodological and editorial issues of the formation and use of conventional signs when carrying out historical and cartographic work. It indicates the relevance of historical cartographic semantics, which usually does not receive proper reflection in works on the methodology for preparing historical maps. The author formulates the basic requirements for graphical means of the historical map in relation to their syntax, semantic compliance and general readability; provides the methodological basis for constructing and using symbols. Attention is paid to the structure of historical semantics and its individual blocks. A separate block of the article is devoted to the classification of signs and their areas of application. A description of the symbol resources is given. Sources of replenishment of symbols and mechanisms for the formation of new symbols are given. For each geometric type of symbol, an analysis of the various situations in which it can be used is presented; examples are given that reveal the informational and methodological potential of various techniques for using conventional signs. The article clarifies the concept of a reference base of symbols, which is a set of all available signs, grouped by thematic headings. The methodological provisions of the article are based on the practice of general and thematic mapping, as well as on the author's personal professional experience. The article is supplemented with examples of the thematic legends design, which can be used as a guide for the further accumulation of a reference base of symbols or for direct use when working with historical maps.

KEYWORDS: symbols, historical cartography, semantics

АКТУАЛЬНОСТЬ

Выбор условных знаков картографируемых объектов и формирование легенды карты являются обязательными этапами построения исторической карты (или атласов¹), а семантика относится к важнейшим направлениям исторического картоведения. Однако проблемы проработки графических средств моделирования исторического пространства и происходящих в нем процессов обычно не получают должного освещения, причем даже в тех работах, где авторы наиболее обстоятельно раскрывают ход своих действий. Подобное игнорирование вполне объяснимо. На первый взгляд, значимость условных обозначений для исторического картографирования лежит в плоскости дизайна, оформления и читаемости карт, не затрагивая научный сектор и содержательную работу исследователя. Казалось бы, основные усилия при построении исторической карты состоят в проработке ее содержания, а выбор условных знаков может быть вынесен за пределы основной авторской работы. Тем не менее пренебрежение методической проработкой языка исторической карты, включая обозначения, символы и надписи, приводит к существенному проседанию эффективности исторического картографирования, создает затруднения при работе и пользовании над картой.

Так, отсутствие унификации условных обозначений для карт различных тематик заставляет авторов заново формировать свой символичный язык, который отличается от одного исполнителя к другому. Это заметно разнится от ситуации с общим и естественнонаучным картографированием, где наблюдается стандартизация и строгий характер использования условных обозначений². Конечно, обратной стороной этой ситуации является то, что при работе над исторической картой у историка сохраняется свобода выбора: он не связан никакими установленными стандартами и может использовать собственные решения. Однако тенденция развития картографических дисциплин демонстрирует вполне определенную закономерность: чем выше уровень развития той или иной тематической картографии, тем заметнее проработанность ее языка, семантического ядра и условных знаков³.

Говоря об отрицательных сторонах пренебрежения темой условных обозначений, стоит указать на следующее явление: автор, не использующий наработанные приемы графического отображения картографируемых объектов, будет ожидаемо выбирать наиболее простые решения. Соответственно, каждый знак будет указывать лишь на одно из свойств объектов (типологическая принадлежность или статус), все остальные характеристики либо будут не задействованы, либо получат отображения на других картах. Таким образом, неэффективное использование картографического языка приводит к ненужным изменениям в структуре результатов работы: вместо того, чтобы объемно показать необходимые для выбранной тематики характеристики объектов на одной, целостной карте, автор будет дробить свои материалы, что затруднит их комплексное восприятие.

Сформулируем основное назначение условных обозначений: отображение графическими средствами на карте объектов и их свойств: типологических, числовых показателей и качественных характеристик. По сути, это соответствует определению, приведенному К. А. Салищевым: «Картографическими условными знаками называют графические символы, применяемые на картах для обозначения различных объектов и их характеристик... эти знаки и их системы образуют особый искусственный язык — язык карт; они передают содержание карт, то есть знания о реальной действительности, заключенные в картах»⁴. Сама формулировка этого определения с особым акцентом на объекты реального познаваемого пространства ориентируется прежде всего на специфику общей и естественнонаучной картографии. Между тем знаки указывают не только на реально существовавшие объекты, но и на проявления процессов и явлений, связи между объектами, направленность их изменений в пространстве и атрибутах. В историческом картографировании все это усложняется дополнительными уточнениями, так как через условные обозначения автор карты может показывать не только все перечисленное, но и представления о картографируемом пространстве в исторических источниках, поведенческие модели, контакты разного порядка и динамику процессов.

¹ Гришин Е. С., Крутов Д. А. Практика построения региональных комплексных исторических атласов // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 1. С. 56.

² Типовые условные обозначения для тектонических карт. М., 1997. С. 6.

³ Гришин Е. С. Эталонная база условных обозначений для исторических карт: общая концепция, методические основы и пути применения // Историческая информатика. 2018. № 1 (23). С. 40.

⁴ Салищев К. А. Картоведение. М., 1990. С. 45.

Среди требований, выдвигаемых к условному обозначению, могут быть названы четкая локализация объекта на карте, наличие отличительных признаков и достаточная узнаваемость знака; графическая и содержательная связанность с другими объектами на карте.

Тема условных знаков не исчерпывается задачей графического отображения картографируемых объектов и процессов; через нее мы вплотную подходим к проблеме информативности исторических карт, точнее — к их возможностям компактной подачи пространственной информации.

Важность разработки темы условных обозначений для исторических карт не относится к очевидным и интуитивно понятным. Недостаточная проработка этого ресурса приводит к ряду проблем, которые возникают перед автором исторической карты: как показать то или иное картографируемое явление, процесс; как совместить данные различного формата, связанные общей темой и набором объектов? Эти вопросы, имеющие прежде всего методический характер, получают свое решение в виде особого массива условных обозначений, которые, в свою очередь, опираются на ряд других опорных материалов: типологические справочники, графические переменные, атрибуцию объектов и многое другое.

При отсутствии развитой базы условных знаков автор всякий раз вынужден заново проходить через этап проработки семантики своей карты практически с нуля. Нужно ли говорить, что это отрицательно сказывается как на самой графической реализации карты, так и на ее структуре: незнание того, как компактно и оптимизированно подать историко-картографическую информацию, приводит к тому, что исследователь либо намеренно усложняет группировку картографируемых объектов, либо, напротив, жертвует информативностью своей карты за счет отказа от графического отображения различных характеристик объектов.

К недостаткам практики, когда семантическое ядро карты каждый раз создается заново, импровизированно, без опоры на уже имеющиеся массивы условных обозначений и графических средств, относится также снижение читаемости карты. Если принятый набор знаков резко отличается от уже используемых в практике исторического картографирования, карта будет резко выбиваться из общего вида других карт подобной тематики. Конечно, наличие легенды частично исправляет эту ситуацию, однако это снимает вопрос о совместимости карт, относящихся к одной общей теме. Например, историко-демографические карты, выполненные различными графическими и семантическими средствами, будет затруднительно использовать для сравнения изучаемых процессов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы по работе с условными обозначениями преимущественно развивались в методических пособиях по общему и тематическому картографированию. Так, в пособии Ю. С. Билич и А. С. Васмута «Проектирование и составление карт» раскрыты базовые теоретические положения по работе с картографической семиотикой, дана ее структура и охарактеризованы отдельные разделы, без углубления в вопросы построения знаков⁵. В классической работе К. А. Салищева «Картоведение» вопросы⁶, связанные с условными обозначениями, рассмотрены в разделе, совмещенном со способами картографического изображения, где каждая глава посвящена тому или иному геометрическому типу или приему картографирования. Этот раздел достаточен для обзорного ознакомления с общей типологией знаков, однако он минимально затрагивает вопросы семантики карты и более продвинутые способы графического отображения информации. Более обстоятельно эти темы рассматриваются в пособии А. В. Востоковой «Оформление карт», особенно во второй главе «Картографические знаки, методы их построения»⁷: дана типология знаков, приведены и приемы их построения, рассмотрены ситуации с размещением знаков относительно друг друга; уделено внимание проблеме узнаваемости знаков на печатном листе. В «Оформлении карт» много внимания уделено сугубо технической стороне отображения знаков на карте, что уже не представляется актуальным для современного этапа развития картографии, однако многие ценные наблюдения и советы в ней могут помочь картографу и сейчас.

⁵ Билич Ю. С., Васмут А. С. Проектирование и составление карт. М., 1984. С. 10–12.

⁶ Салищев К. А. Указ. соч.

⁷ Востокова А. В. Оформление карт. М., 1985. С. 18–40.

В пособиях по тематическому картографированию, как правило, фиксируется сложившаяся практика использования установленных условных знаков путем добавления отдельных с наборами обозначений или текстовыми пояснениями по работе с легендой карты⁸.

Можно без особых оговорок отметить, что историческая картография фактически изолирована от теоретических основ картографической семантики. Безусловно, последняя присутствует в исторических картах как некая сложившаяся практика, но при этом лишенная осмысления, собственной теоретической базы или хотя бы опоры на другие картографические дисциплины. Историк, выступающий в роли картографа при выборе графических средств, почти всегда импровизирует, что, с одной стороны, оставляет ему право на собственные творческие решения; с другой – обедняет его арсенал, поскольку многие приемы картографирования и использования условных обозначений останутся для него недоступными.

Попытка обратить внимание на это направление была предпринята автором данной статьи в 2018 г. в работе об эталонной базе условных обозначений для исторических карт⁹. Помимо самой концепции эталонной базы как основного ресурса и инструмента для формирования легенд к историческим картам, в статье были сформулированы различные методические рекомендации, которые в настоящей статье найдут свое продолжение и развитие.

СТРУКТУРА ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Любой условный знак, даже в своей простейшей реализации, является результатом совмещения более базовых графических элементов, которые могут быть обозначены как «графические переменные», по формулировке Ж. Бертнея¹⁰. К ним относятся: наборы цветов для площадных, линейных и точечных объектов; паттерны штриховых обозначений для площадных объектов, в которых фиксируется ширина штриховых линий и дистанции между ними; наборы крапа или используемых для крапа маркеров; различные шаблоны линейных объектов, включая паттерны штриховых, пунктирных линий и других их вариаций; наборы геометрических, пиктографических и художественных символов для точечных (внемасштабных) условных знаков; наконец, наборы используемых шрифтов (*см. цв. вклейку, рис. 1*)¹¹. Все перечисленные ресурсы сами по себе еще не несут никакой семантической нагрузки и являются лишь исходным материалом для построения полноценных обозначений. При этом многие графические переменные служат основой для построения нескольких знаков, особенно близких по тематике или типологии.

По сложности и структуре условные знаки могут быть простые, составные и комплексные.

Простые используют одну графическую переменную, оперируя разве что ее размерами и цветом.

Составные знаки строят с помощью нескольких графических переменных и часто имеют многослойный вид. Составные знаки создаются для типологического уточнения объектов, чтобы с помощью добавочных элементов отличать объекты одних групп от других; в то же время составные знаки могут составляться для решения задач по пространственной ориентации объектов, их совмещения с элементами картографической основы и в других ситуациях. Например, оборонительные рубежи и фортификационные линии обычно показываются линиями с бергштрихами с направленностью в сторону противника.

Комплексные знаки состоят из нескольких отдельных знаков, ассоциированных с общим местоположением или приуроченных к одному объекту более высокого порядка. Этот прием сравнительно редко используется, однако может быть эффективно применен, если необходимо отобразить несколько объектов, расположенных рядом внутри другого объекта, например, населенного пункта. Так, наличие крепости, монетного двора, резиденции правителя, центра епархии могут быть обозначены близко расположенными знаками, связанными с главными знаками населенного пункта. В подобной ситуации комплексные знаки позволяют совместить на одной карте множество объектов, без построения дискретных карт.

⁸ Тимофеев В. А. Каталог условных знаков для составления картографической документации при поисках, разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений. М., 1996. С. 5.

⁹ Гришин Е. С. Указ. соч. С. 38–62.

¹⁰ Берлянт А. М. Картография: учебник для вузов. М., 2002. С. 76.

¹¹ Гришин Е. С. Указ. соч. С. 38–62.

Обратим внимание на структуру знаков, примененную на карте «Варварских миграций» в «Атласе средневековой Европы»¹²: в качестве главного показателя населенных пунктов выбрано их отношение к вторжениям «варварских» народов в провинции Римской империи; выделены следующие группы: разоренные (разрушенные) города; города, подвергнутые нападению, но не захваченные; города, занятые без явных разрушений и насилия; прочие города. Иерархия знаков указывает на то, что в качестве базового признака авторы карты выделяли не факт занятия городов, а степень понесенного ими ущерба; в этом смысле цель была достигнута, однако другой важный признак, сам факт взятия города, остался на периферии. Попробуем предложить более оптимизированный вариант, с учетом того, что карта строилась в черно-белом варианте, то есть цветовая нагрузка на маркеры использоваться не может. Фактически мы имеем дело с классификацией объектов по нескольким атрибутам. Базовый тип объекта (город) показывается простым круговым пунсоном. Признак захвата города указывается с помощью точки внутри пунсона; наконец, наличие факта осады и разрушений фиксируется добавлением квадратной обводки вокруг базового знака. В результате мы получаем вполне согласованный между собой набор знаков, и, что особенно важно, сочетание всех признаков имеет выраженный графический акцент и легко считывается на карте. На оригинальном варианте авторы пытались достигнуть этого с помощью выбора более броского знака в виде звезды.

Похожая последовательность действий рекомендуется и в остальных подобных случаях: на первом этапе отбирается базовый знак для основного объекта выбранного типа; затем составляется перечень признаков, которые нуждаются в отображении; наконец, из библиотеки графических переменных отбираются подходящие средства. Главные типологические признаки предпочтительно показывать цветом знака; вспомогательные — дополнительными графическими элементами к базовому знаку; количественные показатели и положение объекта в иерархии общего — размером знака; качественные характеристики — различными дополнениями к знаку, в том числе внешними обводками; бинарные характеристики — внутренним символом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМАНТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Укажем два основных положения относительно применимости знаков на различных тематических картах исторической направленности.

1. Для одних и тех же объектов на разных тематических картах могут использоваться различные знаки, но с общими графическими переменными.
2. Один и тот же знак или графическая переменная могут быть использованы для картографирования разных знаков на различных тематических картах. Так, квадратный символ на карте материальной культуры обозначает городище, а на карте по военной истории — форт или аналогичное фортификационное сооружение.

Условный знак обычно отражает несколько характеристик картографируемого объекта, однако большинство из них может быть отнесено к определенным установленным группам.

1. **Принадлежность к группам объектов, типологические и качественные характеристики.** Сюда относятся индикация государственных образований и административных регионов, типы населенных пунктов, границ, группы природных ресурсов, виды путей сообщений и многое другое.
2. **Числовые показатели:** численность населения городов, плотность населения территорий, количество дворов сельских поселений, объемы промышленного производства и торговли.
3. **Динамика пространственных и атрибутивных изменений:** прирост и убывание территории, изменение локализации объекта, смена типологических характеристик, динамика численности и других количественных показателей.
4. **Наличие, достоверность и точность данных, а также их обеспеченность источниками.** Здесь имеются в виду ситуации, когда картографу необходимо указать отсутствие сведения о картографированных объектах или подчеркнуть предполагаемый характер локализации или приведенных характеристик.

Последние две группы представляют особый интерес, как наиболее специфичные с точки зрения практики исторического картографирования, так как именно в них отражается хронологическое измерение исторического пространства и опора на источниковую базу. Особая сложность

¹² Atlas of Medieval Europe. London; New York, 1997. P. 8.

возникает в том, чтобы через семантику карты совместить сразу несколько показателей, включая базовые, тематические, и их возможную динамику.

Тема условных обозначений в исторических картах теснейшим образом прилегает к вопросам методики исторического картографирования, так как задачи, которые ставятся перед семантикой, исходят как раз из выбранных методов. Условные знаки и сопутствующие средства графического языка являются внешней оболочкой по отношению к выбранному способу картографирования изучаемых объектов.

Нельзя также упускать из виду и то, что разработка легенды карты фактически соответствует определению ее структуры, а классификация картографируемых объектов происходит параллельно с подбором обозначений для них. Другими словами, построение легенды и проработка семантики является важнейшим этапом работы над картой, в ходе которого определяется не только ее структура, но и информативность, возможности отображения доступной информации.

Конечно, это все относится прежде всего для тех карт, которые ориентированы на повышенную содержательную нагрузку, сложные и разнообразные данные. Чем сложнее картографический материал, тем большие требования предъявляются к семантике карты.

Представим в общих чертах эти требования:

- соответствие средств графического языка выбранной тематике;
- согласованность с уже наработанной базой условных обозначений, как общегеографических, так и тематических;
- общая читаемость карты с учетом выбранных графических средств;
- возможность указать с помощью знака локализацию объекта и его морфологию (для линейных и площадных объектов).

Все перечисленные требования решаются с помощью соответствующих разделов исторической семиотики, приведенных в таблице 1.

Таблица 1

Структура историко-картографической семиотики

Семиотика исторической картографии		
Синтактика	Семантика	Прагматика
Характеризует отношение между знаками при их функционировании на карте безотносительно и к передаваемому ими содержанию	Устанавливает отношение знаков к обозначаемым объектам	Рассматривает восприятие знаков читателем

Разработка эталонной базы условных обозначений для исторических карт требует соблюдения определенных принципов, на которых основывается общая картография:

- принцип унификации: объекты одного типа показываются одним условным знаком; условные знаки для карт общей тематики должны иметь один общий вид;
- принцип преемственности: формирование новых условных знаков должно осуществляться с учетом уже имеющихся картографических материалов;
- принцип наследования: условные знаки для объектов, которые являются производными от других объектов, должны оформляться с учетом их связей;
- принцип уникальности: знак должен графически идентифицировать тип объекта и отличаться от всех прочих;
- принцип графической простоты: вид условного знака должен быть реализован любыми доступными графическими способами, без привязки к конкретной технологической базе.

Общая классификация условных обозначений

По геометрическому типу и графическим средствам условные знаки делятся на следующие группы.

1. Площадные объекты

1.1. Со сплошной цветовой заливкой; отражают главный качественный или количественный показатель, который соответствует основной теме карты.

1.2. С заливкой площадной штриховкой; фиксируют вспомогательные характеристики площадных объектов или их динамику.

1.3. С заливкой линейной штриховкой; могут использоваться для дополнительных характеристик или отображения дополнительных территорий.

1.4. С заливкой крапом; задействуются для отображения различных процессов, например, территории восстания, распространения эпидемии и прочего.

1.5. Без заливки с обводкой; используются для оконтуривания полигонов более высокого или низкого порядка по отношению к площадям со сплошной заливкой. Этот способ оправдан в тех ситуациях, когда нужно показать общую территорию государственного образования, состоящего из полигонов с различными характеристиками. Таким образом, обводка позволяет сделать особый графический акцент на основном объекте картографирования.

1.6. Служебные полигональные объекты (обводки информационных колонок); используются редко, но могут быть применены при составлении картограмм для их дополнения. Подобные полигоны не несут пространственной информации.

2. Линейные объекты

2.1. Простые линейные объекты: сплошные, штриховые, пунктирные линии; очевидно, используются для обозначения границ, объектов линейного распространения (дороги, фортификации); штриховой или пунктирный характер позволяет внести дополнительные характеристики в картографируемый объект, указав, например, на его незавершенность или недостаточную изученность. Толщина линий применяется либо для указания ранга объектов (как в случае с административными границами), либо для отображения числовых показателей, например, объем экспорта или величина миграционных потоков.

2.2. Продольно направленные линейные объекты (векторы): направления движения подземных вод; применяются для картографирования перемещений или для фиксирования направления процессов или явлений. Сюда относятся построение маршрутов, векторы миграций этнических групп; подобно простым линейным, к векторам могут быть применены те же графические средства, позволяющие отразить точность построения маршрута и другие возможные уточнения.

2.3. Поперечно направленные линейные объекты (с бергштрихами); используются для отображения ориентированных линейных объектов, например, положение частей вооруженных сил, укреплений.

2.4. Линии равных значений (изолинии); применяются для построения изохронов, дазиметрических карт и на других картах, где необходимо отобразить линии равных значений.

2.5. Служебные линии связей между объектами (линии выносок, линии разрезов, эпюры).

3. Точечные объекты (маркеры)

3.1. Геометрические знаки; соответствуют геометрическим фигурам или их комбинациям. Наиболее просты с точки зрения воспроизведения и читаемости; среди графических ресурсов маркеров стоит назвать цвет символа, размер, сочетание с дополнительными графическими элементами.

3.2. Пиктографические и символные знаки; семантически более приближены к картографируемым объектам или понятиям о последних. Так, для картографирования религиозных центров могут использоваться те символы, которые ассоциируются с конкретными религиозными верованиями.

3.3. Художественные знаки; максимально приближены по своему виду к картографируемым объектам. Наиболее типичный пример — обозначение аэропортов в виде самолета, морского порта, в виде якоря и пр. Сильная сторона художественных знаков состоит в их наглядности, слабая — в сложности точного воспроизведения и ограниченности средств по дополнению информационной нагрузки.

4. Надписи: номера объектов, индексы, числовые параметры

Подписи. Соотношение надписей к знакам и графическим элементам; средства форматирования: размер кегля — ранг объекта; цвет — типологическая принадлежность объекта; использование буквенных индексов.

Полигональные объекты со сплошной заливкой предназначены для картографирования главных тематических объектов площадного распространения, например, государственных образований и административных областей для политико-административных карт. Заливка площадной

штриховкой обычно применяется для картографирования показателей или процессов, связанных с полигональными объектами со сплошной заливкой: включение одной территории в состав другого объекта, совмещение или наложение двух полигонов с разными характеристиками. Заливка с площадной штриховкой в отличие от сплошной уже имеет три инструмента графической индикации объекта: цвета линий штриховки, толщина линий (или интервал между ними) и наклон. Если цвета определяют принадлежность к соответствующим объектам, которые фигурируют среди объектов со сплошной заливкой, то соотношение сторон указывает на их взаимное соотношение: различная толщина означает преобладание одного процесса или явления над другим, одинаковая — на относительную сбалансированность. Наклон штриховки может быть использован как дополнительный показатель, например, направленности процесса. Линейная штриховка в основном оперирует наклоном и дистанцией и обозначает либо дополнительные признаки картографируемой территории, либо объекты, перекрывающие полигоны со сплошной заливкой. Заливка крапом эффективна для картографирования ареалов без твердо установленных контуров, для распространения различных явлений. На картах военной истории крап применяется для обозначения районов партизанской войны. На отдельных тематических картах крап может служить для картографирования распространения объектов с более сложной атрибуцией; в этом случае крап может быть уточнен с помощью использования различных маркеров, паттернов и цвета крапа. Заливка без обводки является способом дополнительно показать принадлежность полигональных объектов или их частей к той или иной группе, а также совместить несколько нескладываемых полигонов.

Разнообразие графических средств полигональных объектов дает возможность отобразить большой объем совмещенной пространственной информации, однако при этом совмещении стоит учитывать опасность конфликта различных типов знаков. Так, линейная штриховка при наложении на площадную штриховку может совпадать с ее паттерном и практически сливаться с ней. Полигональные объекты с крапом при неудачной графической реализации нередко конфликтуют с точечными знаками.

Простые линейные объекты могут быть как самостоятельными объектами (пути сообщений, линейные водотоки), так и границами полигональных образований.

Направленные линии (векторы) могут отображать как детальный контур маршрута, так и общее направление движения. Графические ресурсы векторов: цвет и толщина линий, паттерн линии (штриховой, пунктирный, смешанный), форма указателя стрелки. Цвет используется для указания ассоциирования вектора с определенной группой объектов; толщина линий может быть задействована для указания ранга перемещаемых объектов, а также для численных показателей процессов, приуроченных к вектору. Паттерн линии помимо дополнительной дифференциации объектов пригоден для указания дополнительных признаков: достоверность маршрута, характер перемещения. Например, тонкие штриховые векторы на картах по военной истории обычно применяются для обозначения линий отступления. Форма стрелки уточняет тип объекта в рамках заданной группы; например, асимметричная, односторонняя стрелка показывает перемещение кавалерийской группы; в отдельных случаях этот прием может дополняться использованием дополнительных маркеров в начале вектора или в его разрывах.

Линии равных значений (изолинии) часто совмещаются с бергштрихами, чтобы обозначить направленность площадного процесса. Кроме того, в силу замкнутости изолинии их можно интерпретировать как границы полигональных объектов, однако специфика их оформления и возможность использовать отдельно от полигонов выделяет их в особый вид линейных объектов. Типичные случаи применения изолиний — картографирование плотности населения на дазиметрических картах, изотермов на климатических картах. Особый случай изолинии — линии равного по хронологии распространения процессов или явления (изохроны). Изохроны эффективны для графического отображения динамических процессов, при картографировании которых необходимо отразить синхронизированные по дате значения и границы распространения. Среди удачных примеров использования изохрон стоит указать карты распространения эпидемий, а также карты прироста территорий государственных образований. В области общегеографического исторического картографирования изолинии применяются для картографирования динамики береговой линии. Также изохроны являются важным исследовательским инструментом решения логистических задач при оценке освоенности и связанности пространства: на подобных картах показателем изохрона является период преодоления дистанций территории от заданной точки.

Точечные знаки составляют особый класс объектов: их геометрия сводится к паре координат, однако атрибутивная нагрузка обычно на них гораздо выше, чем на площадные и линейные объекты. По графическому отображению точечные знаки делятся на следующие виды: геометрические, символные, пиктографические, текстовые.

Геометрические знаки являются наиболее распространенным типом маркеров в тематическом картографировании. К их преимуществам можно отнести простоту графической реализации, точность локализации картографируемых объектов; большой информационный потенциал, заложенный геометрический знак: с его помощью можно отразить разнообразные сведения об объекте, включая числовые данные, бинарные характеристики, связь и ассоциирование с площадными объектами и многое другое. Вместе с тем геометрические знаки имеют ограниченный набор символов и не могут охватить весь набор картографируемых объектов. Обычно эта группа используется для основных объектов карты. Попытка использовать геометрические символы повсеместно, для многих типов объектов, приводит к смешению и конфликтам знаков. Что касается графических ресурсов геометрических знаков, к ним относятся: вид символа (круг, квадрат, треугольник и другие), размер (передает ранг объекта или числовую нагрузку), цвет заливки символа (показывает подтип объекта или его принадлежность к определенной группе), цвет обводки (дополнительное уточнение по типологии объекта). Кроме того, если геометрический знак носит составной характер, к нему могут быть добавлены внешние обводки и внутренние маркеры. Еще один способ передачи информации с помощью геометрического знака — изменение его наклона.

Символьные знаки по своему виду могут быть ассоциированы с картографируемыми объектами. Они отличаются высоким уровнем узнаваемости, однако менее информативны по своим графическим возможностям. Среди типичных примеров подобных знаков можно назвать якорь для обозначения портов, иконку самолета для аэропортов и прочие. Часто символные знаки совмещаются с геометрическими, дополняя и конкретизируя последние. Так, комбинация пунсона населенного пункта с крестом используется для обозначения центра епархии. Точно так же другие религиозные символы могут быть задействованы для картографирования прочих религиозных и церковных центров.

Пиктографические знаки своим рисунком уже прямо отображают картографируемый объект и приближены к его виду в реальности. Это облегчает дифференциацию знаков и их читаемость, однако может негативно сказываться на локализации объекта и его информативности. По сути, графические ресурсы пиктографического знака исчерпываются его рисунком и цветом. К пиктографическим прибегают при построении учебных и иллюстративных карт; на исследовательских и справочных картах их использование должно быть ограничено объектами, для которых не требуется развернутая атрибуция. Также стоит иметь в виду, что пиктографические знаки гораздо хуже поддаются единообразию; их реализация зависит от используемых программных средств и предпочтений автора.

Текстовые символы фактически являются буквенными комбинациями, которые имеют одномерную характеристику. Их отличие от надписей к объектам состоит в том, что надписи предназначены для идентификации объектов, и, соответственно, они носят уникальный характер, в то время как текстовые символы передают одинаковые типы объектов. Нередко можно встретить текстовые символы при обозначении природных ресурсов (например, Al — алюминий). Особенно эффективно использование текстовых символов в сочетании с геометрическими: буква А, размещенная внутри знака электростанции, обозначает атомную электростанцию; аббревиатура ГСМ внутри прямоугольника — склад горюче-смазочных материалов.

В плане соотношения текста и графики на карте предпочтительно не использовать текстовый способ подачи информации там, где это доступно для графических средств. К подписям и текстовым пояснениям стоит прибегать в тех ситуациях, когда необходимо обосновать и уточнить используемые условные знаки.

Источники построения условных обозначений и формирования эталонной базы

Несмотря на отсутствие выраженной унификации, условные обозначения для исторических карт и их общий массив формируются с опорой на определенные информационные и методические ресурсы.

Условные знаки, фигурирующие в составе общей картографической основы, представляют собой наиболее устойчивую группу, которая может быть как адаптирована под специфику карты, так и использована без особых изменений. В эту группу входят объекты гидрографии, рельефа,

ландшафта, пути сообщений, населенные пункты, границы административно-территориального деления. Очевидно, что чем более объекты подвержены изменениям с учетом картографируемого периода, тем большего уточнения потребует их отображение на карте; особенно это касается населенных пунктов и путей сообщений. Кроме того, для этих объектов применяется другая классификация, отличная от современных общегеографических карт. Наконец, даже элементы гидрографии также подвергаются уточнениям, особенно если составляют часть тематической нагрузки на карту (например, если автору необходимо отобразить судоходные участки рек). Между тем солончаки, пустыни, болота, лесные массивы обычно показываются с помощью уже применяемых знаков.

Источники пополнения базы условных обозначений для исторических карт следующие: уже используемые условные обозначения при работе с историческими картами; условные обозначения объектов картографической основы; условные обозначения, применяемые в смежных картографических дисциплинах; условные обозначения, которые используются в ретроспективных картографических источниках.

Условные знаки, применяемые на исторических картах, составляют наименее стабильную группу из перечисленных, так как однородность и относительная унификация обозначений обычно сохраняется в рамках одного картографического издания или работы авторского коллектива. Другими словами, обозначения для объектов при подготовке историко-картографических материалов, как правило, формируются на усмотрение авторов, без твердой опоры на действия предшественников. Отчасти это положение дает некоторую гибкость, так как не связывает картографа конкретным вариантом исполнения, однако оно же приводит к разнородности и к игнорированию удачных картографических решений, которые были достигнуты предшественниками. Конечно, некоторый объем условных знаков уже имеет достаточно устойчивый вид в плане оформления, однако это большей частью относится к картам военной истории и археологии, которые по ряду причин демонстрируют наибольшие успехи в унификации своей семантики и графического оформления. Исторические карты других тематик демонстрируют значительное разнообразие используемых знаков по одинаковым типам объектов. Тем не менее это обстоятельство не означает, что историко-картографические работы не дают материал для пополнения единого массива знаков; напротив, эта разнородность дает богатый материал для выборки наиболее оптимальных картографических решений по отображению тех или иных объектов. Сложность здесь состоит разве что в самом поиске и в выявлении подходящих вариантов.

При этом есть по меньшей мере два тематических направления, в которых условные обозначения имеют сравнительно унифицированный вид. Это знаки для военной истории и для карт материальной культуры. Прилагаемая иллюстрация демонстрирует примерный вид обозначений для археологических карт, которые обычно используются в практике отечественной археологии (см. цв. вклейку, рис. 2).

Еще один важный источник исторической эталонной базы условных обозначений — знаки, используемые в современных картах соответствующей тематики, например в экономической картографии, картах населения и других. Заимствование условных обозначений может быть осуществлено в той же степени, в какой методика исторической ретроспективной карты будет соответствовать карте современного вида. Приведем пример подобных знаков в виде набора обозначений карты природных ресурсов (см. цв. вклейку, рис. 3).

Опора на уже имеющуюся семантическую базу **тематических карт** не может исчерпать специфику исторического картографирования. Исторические карты помимо тематического и регионального определения имеют также хронологическое: объекты и их характеристики могут иметь различную хронологическую атрибуцию, динамика рассматриваемых процессов сама по себе может составлять основное содержание карты. Наконец, нельзя упускать из виду специально-исторические карты, которые вовсе не характерны для современного тематического картографирования: карты формирования государственных образований и административных регионов, карты материальных культур; карты по военной истории и прочие темы. Здесь автор уже не может механически использовать знаки, привнесенные из других дисциплин.

Цель построения общей базы условных обозначений для исторических карт наталкивается на ожидаемое возражение: как подобная база может быть сформирована, если мы даже не знаем и не можем четко определить объекты исторического картографирования; к тому же эти объекты резко отличаются от одной темы к другой, равно как их показатели. Действительно, карта по одной

теме по определенному периоду и региону может быть мало совместима по структуре и, соответственно, по семантике с картой другого периода и региона. Однако посмотрим на значимость базы условных знаков с обратной позиции: как быть, если исследователь располагает достаточным массивом информативных источников, которые позволяют построить объемную, информативную карту, но при этом наталкивается на полное отсутствие готовых приемов, как именно эту карту реализовать; какие применить графические средства, чтобы выполнить и исследовательские задачи, и представить карту как наглядный результат своей работы?

Потребность в формировании массива условных обозначений и эталонных решений по его применению прямо связана со структурной сложностью исторической карты: чем больше типов объектов фигурирует на карте, чем разнообразнее их характеристики, требующие графического отображения, тем острее стоит вопрос о том, какими средствами реализовать их визуализацию и взаимное сочетание на карте. Очевидно, что если карта оперирует несколькими простыми типами объектов с одномерными атрибутами, а геометрия площадных и линейных объектов не создает пересечений и наложений, проработка условных обозначений не составляет сложную задачу. Первые карты исторической тематики, вроде исторического атласа Лас-Касаса, Тальберта, Шеперда, Дройзена и других авторов, хотя и были тщательно проработаны содержательно, редко имели сложную легенду. Во многом это объясняется тем, что историческое картографирование в первую очередь было посвящено политической и военной истории, соответственно, картографируемые объекты, как правило, исчерпывались государственными и административными образованиями, населенными пунктами и дополнительной военно-политической фактографией. Расширение предмета исторического картографирования, выделение историко-экономических, этнографических карт, исторических карт населения, повлекло за собой усложнение структуры картографируемых объектов, потребность в структурированной легенде карты.

Кроме того, нередки ситуации, когда исследователь располагает нужным набором данных и мог бы показать на своей карте определенные характеристики и процессы, однако не располагает готовыми решениями для их визуализации. Соответственно, возникает потребность в подборе наиболее удачных решений по использованию тех или иных графических средств для отображения объектов и их характеристик. Конечно, подобный перечень не может носить завершённый характер и представить рецепты на все возможные ситуации в историческом картографировании.

ОСНОВЫ СЕМАНТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Проработка условных знаков осуществляется исходя из выбранного способа картографического изображения. Среди последних выделяют: способ локализованных значков, линейных объектов, изолиний, качественного фона, количественного фона, локализованных диаграмм, точечный способ, способ ареалов, способ знаков движения, картограмм, картодиаграмм¹³. При выборе того или иного способа картограф определяет, каким образом будет показана основная тематическая нагрузка карты и какими графическими средствами он сможет воспользоваться для решения своих задач. В то же время графические средства в большей степени связаны с геометрическими типами условных знаков.

Ниже, в таблице 2, показаны графические средства, которые могут быть задействованы в различных типах условных обозначений.

Таблица 2

Графические средства различных типов знаков

Тип знака	Графические средства
Внемасштабные знаки	Вид знака (форма), цвет, размер, ориентация, внешние и внутренние графические элементы
Простые маркеры, составные маркеры, ориентированные маркеры	
Линейные знаки	Цвет линии, толщина, паттерн (штрихи, штрих-пунктир),

¹³ Салищев К. А. Указ. соч. С. 45–104.

Простые линии, продольно направленные линии, поперечно направленные линии, изолинии	маркеры и вспомогательные символы для направленных линий, дополнительные элементы
Площадные знаки	Цвет полигона, интервал штриховых линий, цвет штриховых линий, толщина штриховых линий, наклон штриховых линий, цвет, размер и размещение крапа
Знаки со сплошной цветовой заливкой, со штриховой заливкой, с заливкой крапом, с контуром без заливки	

В свою очередь, графические средства имеют своеобразную специализацию в плане отображения тех или иных показателей, что показано в таблице 3.

Таблица 3

Использование графических средств при отображении картографируемых показателей

Графическое средство	Основные виды показателей
Цвет точечного знака, линии, полигона	Принадлежность к группе объектов, типологическая принадлежность, количественные
Форма внесмасштабных знаков	Вид объекта, разнообразные типологические показатели
Ориентация маркеров	Пространственная ориентация объекта или указание на показатели циклического характера, например месяц проведения ярмарки
Размер маркера	Числовые показатели, ранг объекта, его положение в иерархии объектов группы
Внешние графические элементы маркера	Качественные характеристики объекта, указания на процессы или дополнительные сведения, характеризующие объекты
Внутренние графические элементы маркера	
Паттерн линии	Ранг линии (более сложный паттерн указывает на более высокий ранг контура), точность или предполагаемый характер линии
Толщина линии	Ранг объекта, числовые показатели
Элементы бергштриховых линий	Направленность явления, процессов или положения объектов
Форма направленной линии (вектора)	Принадлежность к группе, типологические характеристики
Интервал штриховых линий полигонального объекта	Толщина и интервал штриховых линий полигонального объекта указывают на соотношение объектов или явлений внутри полигона: более широкие линии с плотным интервалом демонстрируют преобладание показателя с соответствующим цветом над фоновым
Цвет штриховых линий полигонального объекта	
Толщина штриховых линий полигонального объекта	
Наклон штриховых линий	Направленность процессов, общая динамика изменения показателей
Форма, размер и размещение крапа	Вид, характер распространения и плотность картографируемых объектов или явлений

Попробуем дать описание того, как все перечисленные компоненты — графические средства, картографируемые показатели и различные типы условных обозначений — могут быть реализованы в различных ситуациях при решении конкретных задач.

Начнем с простейшей задачи по конструированию знака населенного пункта с дополнительной атрибутивной нагрузкой. В качестве графической основы используем базовую переменную в виде пустого пунсона, который указывает на видовую принадлежность знака («населенные пункты»). Затем с помощью внутреннего графического элемента в виде точки и увеличения размера пунсона мы можем указать на его административный статус, например, что это городское поселение или даже центр административного региона. Если на карте необходимо указать укрепленность города, то к его базовому знаку добавляется внешний элемент в виде штрихов, ориентированных на внешнюю сторону. С помощью внешних элементов можно указать также и на то, что город являлся центром епархии: сверху его пунсона добавляется символ церковного института — крест. Здесь, однако, мы подходим к ситуации, когда может понадобиться показать разнонаправленные процессы — учреждение центра епархии и его упразднение. В первом случае к знаку креста может быть добавлена дата учреждения. В свою очередь, упразднение епархии семантически правильно будет показать тем же графическим элементом — крестом, но уже внизу знака, также указав рядом дату. События, ассоциированные с объектом, показываются другими знаками, которые синтаксически опираются на него: знак осады, знак заключения договора или подписания важного документа. Тем самым у нас формируется уже комплексный знак с общей локализацией. Индикация передачи населенного пункта от одного государственного образования другому или, например, участие городского поселения в восстании может быть указано не только с помощью дополнительного знака, но и через цвет пунсона. Кроме того, у нас остается еще такой важный ресурс, как шрифт названия населенного пункта. Размер и толщина шрифта могут усилить ранг объекта в иерархии других поселений; цвет и подчеркивание названия позволяют дать дополнительные сведения о принадлежности к локальным тематическим группам. Через дополнительные знаки, построение комплексных обозначений и использование внутренних и внешних графических элементов можно передать не только объемную информацию об основном объекте и происходящих с ним событиях, но и раскрыть внутреннюю структуру: указать на наличие монетного двора, университета, резиденции правителя, скриптория, памятников монументальной архитектуры. Стоит также отметить, что к внешним графическим элементам могут использоваться те же приемы, что и к основному знаку. Так, если наличие городских укреплений можно будет показать с помощью внешнего квадрата по отношению к пунсону города, то размер квадрата может быть использован как показатель площади укрепленной части города.

Некоторые описанные ситуации можно проследить на прилагаемом материале (см. цв. вклейку, рис. 4).

Как видно, здесь приведены лишь примерные направления возможных решений; их строгая последовательность зависит от конкретной тематики карты, возможностей донесения информации при наличных источниках, поэтому конкретизация отдельных обозначений — дело развития той или иной тематической исторической картографии.

Разберем другой случай: картографирование ярмарок. Традиционно на картах торговли ярмарки отображаются простыми знаками, которые не несут дополнительной нагрузки. Однако если мы зададимся целью построить целевую карту ярмарок и отразить на ней максимум доступных сведений, объем торгов ожидаемо отображается через размер знака. Цвет используется для указания группы преобладающих групп товаров, которые продаются на ярмарке. Остается вопрос, каким же образом можно передать информацию о длительности и месяце проведения ярмарок. Казалось бы, наиболее очевидный вариант — предоставить эту информацию в виде подписей. Однако использование текста в подобных ситуациях затрудняет анализ и сопоставление информации на карте, текстовые числовые показатели не дают материала для наблюдений или же ограничивают их возможности. Здесь можно предложить использование добавления графического элемента в виде направленной оси, начало которой будет находиться в центре пунсона ярмарки, а направление будет указывать на угловую величину, соответствующую месяцу проведения ярмарки: январь — 0 градусов, февраль — 30, март — 60, апрель — 90 и т. д. Длина оси может быть использована для указания длительности ярмарки в днях. Таким образом, через сравнительно несложный двухсоставный знак можно передать достаточно большой набор атрибутов, которые существенно расширяют аналитические возможности карты.

Цвет как графическая переменная и средство передачи информации в исторических картах заслуживает особого внимания. Цвет является способом подачи основной темы карты: если она посвящена политико-административному делению, то цвета полигонов будут указывать на принадлежность

территорий государственным образованиям и регионам; на карте по военной истории цвета индицируют противоборствующие стороны; в историко-экономической картографии цвета указывают экономические регионы. Мало того, цвета условных обозначений являются способом семантического объединения объектов разных типов, которые имеют содержательные связи. Так, цвета точечных знаков и цвета полигонов могут показывать их смысловое единство, подчеркивая тем самым, что принадлежность внескальных знаков той или иной группе обосновывает выделение и типологию полигонов.

Также цвет является эффективным способом отображения динамики изменений исторического пространства. Если он используется как индикатор хронологической шкалы, то таким образом можно зафиксировать период возникновения картографируемых объектов. Такой подход является привычным для карт материальных культур и освоения территорий. Для отображения атрибутивных изменений через цвет показывается прирост или убывание показателей. Не менее важна его роль и в картах формирования территории исторических областей и государств. На картах подобного рода полигоны определенных цветов фактически являются изохронами, которые фиксируют ареал государственных образований на конкретные даты. Наиболее емкий пример представляет собой карта разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), которая в разных своих модификациях публикуется во многих изданиях с конца XIX в. На ней через разные оттенки цветов общего цветового диапазона показываются территории, присоединенные к европейским державам, участвовавшим в разделах. Причем прием с оттенками позволяет наглядно проследить, какая из держав приобрела те или иные территории: для Пруссии даны серые цвета, для России — красные, для Австрии — оранжевые. В итоге и динамика, и семантическое единство эффективно дополняют друг друга.

Цветовые решения, как видно из приведенных материалов ЭБЗ для исторических карт, не имеют универсальных значений и привязаны прежде всего к тематике карты. Так, красный цвет семантически используется как показатель негативных процессов, происходящих с картографируемой территорией, или же как индикация отрицательных значений, если речь идет о картограмме; для карт по военной истории красный цвет обозначает одну из воюющих сторон; на политической карте красный цвет и его оттенки могут использоваться для государственных образований. Соответственно, универсального семантического значения знака или его исходной графической переменной не существует и многое зависит от основной тематики карты.

Аналогичная ситуация со штриховыми линиями. В ряде случаев они могут использоваться как границы территорий, например, феодальных владений или административных единиц (см. *цв. вклейку, рис. 5*); однако вместе с тем штриховой вид линии семантически может указывать на предполагаемый характер локализации линейного объекта. Так, при построении маршрута штриховая линия является обычным способом указать на вероятностный характер картографируемого пути.

Здесь мы подходим к еще одной важной функции условных обозначений — индикации установленного и предполагаемого исторического знания на карте. Самая распространенная ситуация, связанная с тем, что на карте необходимо отразить уровень достоверности локализации объекта: например, населенный пункт, упомянутый в письменном источнике, не может быть точно локализован, но на карте могут быть указаны вероятные места его расположения. Чаще всего в подобных случаях к названию объекта добавляют вопросительный знак. Это решение не представляется оптимальным, так как вопросительный знак скорее относится к топониму, чем к самому объекту; поэтому подобный подход логичнее применять для других ситуаций, когда объект может быть точно локализован, например как памятник археологии, не поддаваясь точно идентификации — тогда действительно вопросительный знак возле топонима мог бы указывать на предполагаемый характер названия. Если объектов с неустановленной локализацией достаточно много, то выделение для их обозначения отдельным знаком могут указать некоторые наблюдения, сделанные на основе карты.

Если же речь идет не о пространственных характеристиках, а о типологических или числовых атрибутах, недостаточность или отсутствие последних также нуждается в отображении на карте. Так, при картографировании городов, которые были участниками городского союза, если на карте фигурируют те города, статус которых в отношении союза был неизвестен, то это стоит отразить, например, цветовой индикацией знака: участники союза показываются цветным пунсоном; города вне союза — серым; а те города, об отношении которых к союзу нет информации, — белым цветом. Аналогичным образом может быть решена проблема отсутствия данных о полигональных объектах, будь то их принадлежность к определенным группам, статус или числовые характеристики.

При выборе внесштабных (точечных) знаков авторы исторических карт нередко отдают предпочтение художественным обозначениям вместо геометрических или символьных. Там для обозначений монастыря используется стилизованное изображение церкви, для укрепленного объекта — иконка башни, для мест заключений мирных соглашений — изображение свитка. Подобный выбор обычно обосновывается большей наглядностью и связанностью выбранного знака с его реальным воплощением. В случае с учебными картами, например в школьных атласах или учебниках, подобный подход действительно имеет смысл. Однако в справочных и научных картографических материалах эта практика вызывает ряд возражений. Первое из них состоит в невозможности унифицировать подобные знаки. В силу своей уникальности их очень сложно воспроизвести и повторить при построении других картографических работ, соответственно, приходится создавать их аналоги, не повторяющие в точности оригинальный знак. В итоге один и тот же класс объектов будет по-разному отображаться. Далее возникает проблема с точностью локализации. Художественный знак может быть асимметричным или не иметь выраженного центра. Так, обозначение в виде строения создает проблемы с тем, как понимать расположение самого объекта на местности: оно соответствует основанию знака или его геометрическому центру? Наконец, делая выбор в пользу художественных знаков, автор существенно ограничивает информационный потенциал картографируемых объектов, так как выбранный вариант обозначений сильно ограничен в форме донесения различной информации. Фактически своей уникальностью знак подобного рода расплачивается за отсутствие графических средств для визуализации дополнительных характеристик и вся его информативность заключается лишь в принадлежности к тому или иному классу объектов. В отдельных случаях имеется возможность использования различных цветов для заливки объекта, но их читаемость все равно заметно ниже, чем при использовании объектов других типов. И последнее: совмещая художественные знаки с геометрическими, автор вносит некоторую разнородность в оформление и семантику своей карты. Это, пожалуй, наименее существенное возражение, но оно также играет заметную роль, если имеет значение то, как конечный результат будет воспринят коллегами и читателями.

Подведем некоторые итоги. Условные обозначения для исторических карт представляют собой важный компонент моделирования исторического пространства. Их формирование и использование должно основываться на методических началах общего и тематического картографирования с максимальным учетом специфики историко-картографических работ. Развитие семантики исторического картографирования может осуществляться через накопление массива условных обозначений для карт исторической тематики. Эффективное использование графических средств позволяет повысить информативность исторических карт, задействовать больше сведений из источников и применять более продвинутые приемы по анализу их содержания.

References

- Atlas of Medieval Europe*. London; New York: Routledge, 1997. (In English).
- Berlyant A. M. *Kartografiya* [Cartography]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2002. (In Russian).
- Bilich Yu. S., Vasmut A. S. *Proyektirovaniye i sostavleniye kart* [Design and mapping]. Moscow: Nedra Publ., 1984. (In Russian).
- Grishin E. S. [The Reference Database of Symbols for Historical Maps: General Concept, Methodology and Application]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics], 2018, no. 1 (23), pp. 38–62. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.1.25698 (In Russian).
- Grishin E. S., Krutov D. A. [The Practice of Composing Regional Complex Historical Atlases]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 1, pp. 44–59. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-1-44-59 (In Russian).
- Salishchen K. A. *Kartovedeniye* [Cartology]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1990. (In Russian).
- Timofeev V. A. *Katalog uslovnykh znakov dlya sostavleniya kartograficheskoy dokumentatsii pri poiskakh, razvedke i razrabotke neftyanykh i gazovykh mestorozhdeniy* [Catalog of Symbols for Compiling Cartographic Documentation for Searching, Exploration and Development of Oil and Gas Deposits]. Moscow: AO "TVANT" Publ., 1996. (In Russian).
- Tipovyye uslovnyye oboznacheniya dlya tektonicheskikh kart* [Typical Symbols for Tectonic Maps]. Moscow: S. n., 1997. (In Russian).
- Vostokova A. V. *Oformleniye kart* [Maps Design]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1985. (In Russian).

УДК 94(624)“2011/2022”:004

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-22-35

Баклыков Михаил Сергеевич

студент департамента международных отношений, Уральский федеральный университет
(Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0009-0001-1974-4267

E-mail: mikhail_baklykov@mail.ru

**Опыт применения ГИС для анализа конфликтного потенциала территории:
на примере вооруженного конфликта в Южном Судане
после провозглашения им независимости (2011–2022 гг.)**

АННОТАЦИЯ. Целью исследования является выделение ключевых факторов, объясняющих природу и причины перманентных межрелигиозных и межэтнических конфликтов в Южном Судане в 2011–2022 гг. и классификация с их помощью территорий Южного Судана по уровню конфликтного потенциала. В статье описан опыт применения геоинформационных систем для анализа ключевых факторов (этнический состав населения, количество размещенных беженцев, индекс продовольственной безопасности и нефтяная инфраструктура), составляющих конфликтогенный потенциал территории (на примере вооруженного конфликта в Южном Судане после провозглашения им независимости). Всеобъемлющее исследование исторических, демографических, этнических, религиозных, экономических и социальных факторов, которые стали причинами конфликта, позволит понять динамику политических процессов на территории Судана, а также применить полученный опыт при исследовании других конфликтов региона, включая новые потенциально возможные конфликты на территории Судана и Южного Судана. В работе идентифицированы наиболее конфликтогенные районы Южного Судана — Маньо, Майвут, Мелут и Байлей штата Верхний Нил, в которых наблюдаются межэтнические конфликты между племенами нуэр и шиллук, отмечается низкий уровень продовольственной безопасности, а также находятся разрабатываемые месторождения нефти и нефтепроводы. Результаты исследования могут применяться в процессе оперативной реакции и упреждающих действий, направленных на предотвращение кризисов в тех районах Южного Судана, где риск вспыхивания новых конфликтов наиболее высок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вооруженный конфликт, Судан, Южный Судан, гражданская война в Южном Судане, геоинформационная система

UDC 94(624)“2011/2022”:004

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-22-35

Mikhail S. Baklykov

Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0009-0001-1974-4267

E-mail: mikhail_baklykov@mail.ru

Using GIS to Analyze a Conflict Area: The Example of the Armed Conflict in South Sudan after the Declaration of Independence (2011–2022)

ABSTRACT. The purpose of the study is to highlight the key factors that explain the nature and causes of permanent interreligious and interethnic conflicts in South Sudan in 2011–2022 and using them to classify the territories of South Sudan according to conflict potential. The article describes the experience of using geographic information systems to analyze key factors (ethnic composition of the population, number of refugees, food security index and oil infrastructure) that make up the territory’s conflict potential (in connection with the armed conflict in South Sudan after its declaration of independence). A comprehensive study of historical, demographic, ethnic, religious, economic and social factors that became the causes of the conflict, allows understanding the dynamics of economic processes in Sudan, and applying the experience gained when taking into account other conflicts in the region, including new possible options in Sudan and South Sudan. The author identifies the most conflict-prone areas of South Sudan — Manyo, Maiwut, Melut and Bayley in the Upper Nile states, in which there are interethnic conflicts between the Nuer and Shilluk tribes, low levels of food security, as well as developing oil reserves and oil pipelines. The results of the study can be used in the process of rapid response and proactive actions aimed at preventing crisis situations in those regions of South Sudan where the risk of emerging more complex problems is high.

KEYWORDS: armed conflict, Sudan, South Sudan, civil war in South Sudan, geographic information system

Одними из наиболее продолжительных и кровопролитных конфликтов Африки постколониальной эпохи являются войны на территории Судана и Южного Судана. Несмотря на некоторые схожие черты, эти войны правильнее рассматривать как череду последовательных конфликтов из-за различий в вызвавших их причинах. Конфликты в Южном Судане различаются по своей природе — если первый (1955–2005 гг.) можно охарактеризовать как борьбу нилотских народов и народов манде, исповедующих христианство и язычество, за независимость от Судана, где проживают арабские племена, исповедующие ислам, то второй конфликт (2013–2020 гг.) является вооруженной фазой борьбы за власть в Южном Судане. Оба данных конфликта мало известны общественности из-за специфики Африканского региона, когда переход любой страны к гражданской войне или начало межгосударственной войны без участия внерегиональных игроков зачастую приводят к превращению конфликтной территории в т. н. «серую зону», что означает отсутствие достаточного освещения в СМИ данного конфликта, которое приводит к практически полному отсутствию информации о происходящем в стране¹.

Глубокое, всеобъемлющее и систематизирующее изучение тех демографических, этнических, религиозных, экономических и социальных факторов, которые стали причинами данных конфликтов, позволит понять динамику политических процессов на территории Судана, а также применить полученный опыт при исследовании других конфликтов региона, включая новые потенциально возможные конфликты на территории Судана и Южного Судана. В конечном итоге это может дать возможность для оперативной реакции и упреждающих действий, направленных на предотвращение кризисов в тех районах, где риск вспышек новых конфликтов наиболее высок.

История борьбы Южного Судана за независимость берет свое начало еще во время восстания махдистов в конце XIX в., когда арабские племена Судана попытались отвоевать независимость от Египта. В ходе данного конфликта восставшие также заняли и значительную часть Южного Судана, главным образом вдоль реки Нил, чему сопротивлялось местное население. В итоге восстание было подавлено войсками Великобритании. Впоследствии, после установления протектората Великобритании над Египтом, территория Судана не была разделена по этническому или религиозному признаку, хотя британская администрация всячески противилась усилению элит из северной части колонии в Южном Судане².

В августе 1955 г., еще до предоставления независимости Судану, которое состоялось 1 января 1956 г., началось вооруженное противостояние в южных провинциях Судана. Местное население опасалось ужесточения политики, которую проводила мусульманская администрация в отношении религиозных меньшинств, доминировавших на юге Судана.

Первая гражданская война (1955–1972 гг.) в Судане имела разрушительные последствия для региона. Оценки жертв конфликта колеблются от 500 000³ до 1 000 000⁴ человек, подавляющее большинство которых приходится на гражданское население, в то время как потери воюющих сторон исчисляются приблизительно 100 000 человек. Основным политическим итогом стала автономизация Юга, что воспринималось наиболее исламизированной частью северных элит как проявление слабости. При этом слабое экономическое развитие региона, усугубленное боевыми действиями, позволяло более развитому Северу контролировать развитие Юга путем бюджетных ограничений для южной администрации, что вызывало недовольство отдельных лидеров сепаратистов на юге. Фактически конфликт не был разрешен, а перешел в замороженную стадию, так как сложившееся положение не устраивало радикальные силы с двух сторон.

Вторая гражданская война в Судане (1983–2002 гг.) стала куда более разрушительной, чем первая. Число жертв оценивается от 1,5 до 2 млн человек, значительная часть из которых была

¹ См. подробнее: Alley S. War and Genocide in the Sudan. URL: <http://web.archive.org/web/20051221045218/http://www.iabolish.com/today/features/sudan/overview1.htm> (дата обращения: 09.27.2021); LeBrun E. Policing in South Sudan: transformation changes and priorities // HSBA Issue brief 26. March 2017. URL: <https://smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-IB26-Policing-in-South-Sudan.pdf> (дата обращения: 09.29.2021).

² Thyne C. Sudan Civil War. P. 2. URL: <http://www.uky.edu/~clthyn2/Thyne-Sudan.pdf> (дата обращения: 09.18.2021).

³ Mamodu S. First Sudanese Civil War (1955–1972) // Black Past. 2020. URL: <https://www.blackpast.org/global-african-history/events-global-african-history/first-sudanese-civil-war-1955-1972/> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ Martell P. First Raise a Flag: How Sudan Won the Longest War but Lost the Peace. Oxford University Press, 2018. P. 14.

вызвана голодом и болезнями⁵. Южный Судан по итогам референдума января 2011 г. стал независимым государством. При этом разрешение межсуданского конфликта не привело к установлению мира в регионе и давало слабый импульс для мирного разрешения прочих конфликтов (в Дарфуре, Южном Кордофане, Голубом Ниле), а в некоторых случаях после исчезновения общего врага в виде Судана, который объединял население, наоборот, обострило имевшиеся межэтнические противоречия. Кроме того, сохранился и сам межсуданский конфликт, представленный рядом пограничных споров между двумя государствами.

Новый конфликт в Южном Судане начался в декабре 2013 г., когда президент Южного Судана Салва Киир (Salva Kiir), этнический представитель доминирующей нилотской народности динка, отстранил от службы премьер-министра Риека Мачара (Riek Machar), который является представителем другого нилотского народа нуэр. Премьер-министр отказался подчиняться президенту и возглавил антиправительственные силы. Конфликт продолжался вплоть до 22 февраля 2020 г., когда было заключено мирное соглашение между противоборствующими сторонами, которые сформировали коалиционное правительство. При этом некоторые малочисленные группировки продолжают свое сопротивление в отдельных районах вплоть до настоящего времени.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА К ИССЛЕДОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ В ЮЖНОМ СУДАНЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крайняя пестрота населения Южного Судана по многим показателям превращает страну в благоприятный регион для развития межрелигиозных, межэтнических и прочих конфликтов. Для понимания складывающейся ситуации необходимо выделить основные факторы, которые объясняют природу исследуемого конфликта и могут привести к появлению новых конфликтов, дальнейшей эскалации уже имеющихся. В связи с этим целью данного исследования является выделение подобных факторов и классификация с их помощью территорий Южного Судана по уровню конфликтного потенциала.

Для проведения данного исследования применялась технология геоинформационных систем, позволяющих оценить основные показатели в каждом из регионов государства, а значит, и выделить основные факторы, которые способствуют развитию конфликтов⁶. Верификация полученных результатов может быть осуществлена при помощи отчетов международных организаций, которые фиксировали положение дел на фронтах гражданской войны⁷. Наиболее важные факторы должны были лежать в основе гражданской войны, а также и более мелких конфликтов, возникших на данной почве.

Для поиска необходимой информации использовались данные статистики, отчеты международных организаций. Для оценки процесса мирного урегулирования и написания исторической справки применялись тексты различных соглашений, заключенных в ходе конфликтов, а также историографическая литература.

В ходе данного исследования изучались следующие факторы, систематизированные в несколько групп:

- 1) демографические (численность населения в штатах и округах на различных этапах конфликта; плотность населения в указанных типах административно-территориальных единиц; количество беженцев, размещенных в определенном регионе, и количество беженцев из данного региона, которые вернулись);
- 2) этнорелигиозный состав;
- 3) внешние факторы (наличие пограничных конфликтов с соседними государствами и причины данных межгосударственных споров);
- 4) экономические показатели (индекс продовольственной безопасности, развитость сети инфраструктуры, подушевой ВВП).

⁵ Sudan: Nearly 2 million dead as a result of the world's longest running civil war // U.S. Committee for Refugees. URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/26/world/africa/south-sudan-civil-war-deaths.html> (дата обращения: 30.09.2021).

⁶ Berehovich A. Here's how GIS tackles conflicts, crises, and fake news // Geospatial World. URL: <https://www.geospatialworld.net/blogs/heres-how-gis-tackles-conflicts-crises-and-fake-news/> (дата обращения: 22.09.2021).

⁷ McCrone F. War Crimes and Punishment: The Terrain Compound Attack and Military Accountability in South Sudan, 2016–18 // HSBA August 2019. URL: <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-BP-Terrain.pdf> (дата обращения: 30.09.2021); Annual brief on violence affecting civilians January—December 2020 // Human Rights Division United Nations Mission in South Sudan. March 31, 2021. URL: https://unmiss.unmissions.org/sites/default/files/unmiss_annual_brief_violence_against_civilians_2020_final_for_publication.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

Для построения геоинформационной системы были построены картоосновы Южного Судана и окружающих его государств. Впоследствии были созданы слои, отражающие административное деление, этнорелигиозный состав населения, местоположение крупных населенных пунктов, плотность населения, относительное количество размещенных беженцев и беженцев из данного района, которые вернулись; уровень продовольственной безопасности, карту дорожной сети. Большинству факторов придавалось числовое значение, на основании которого слои карты показывали различную степень представленности данных факторов в различных административно-территориальных образованиях Южного Судана и окружающих его стран. Наличие приграничных конфликтов устанавливалось главным образом на основании наложения друг на друга карт административно-территориального деления Южного Судана и соседних ему государств.

В конечном итоге для подробного анализа были выбраны следующие факторы: этнический состав населения, количество размещенных на территории районов беженцев, уровень продовольственной безопасности и наличие нефтяных ресурсов. Этнический фактор был выбран в качестве одного из основных в связи с наличием продолжительных межплеменных конфликтов на территории Южного Судана. Количество размещенных в административных единицах беженцев было выбрано с целью определить уровень безопасности различных типов в тех районах Южного Судана, где размещаются беженцы. В свою очередь, уровень продовольственной безопасности мог быть одной из основных причин, подталкивающих местное население к насилию. Точно такую же роль в конфликтах могут играть нефтяные ресурсы и нефтяная инфраструктура, контроль над которыми может сулить значительные экономические выгоды.

Также опосредованно в исследовании ГИС использовались основные демографические данные о численности населения в Судане на основе переписи 2008 г. и официальной оценки населения специальным центром переписи населения Южного Судана, а также известная численность некоторых этнических групп населения⁸. Применение этой информации ограничено как ее неактуальностью в случае с переписью населения, так и ее недостатком в случае с количеством представителей того или иного этноса в отдельных административно-территориальных единицах Южного Судана разного уровня.

В то же время целый ряд крайне важных показателей не был рассмотрен в исследовании по причине отсутствия статистических данных. В частности, неизвестен ВВП на душу населения в субъектах Южного Судана и их районах, отсутствует информация о количестве беженцев, не вернувшихся из районов Судана. Внешние факторы не рассматривались в данном исследовании при помощи ГИС, так как данные конфликты носят строго межгосударственный характер, а поэтому спонтанная эскалация данных конфликтов маловероятна, в отличие от внутренних конфликтов в Южном Судане.

В результате работы с отчетами международных организаций, в первую очередь ООН и ее дочерних организаций, например The Human Security Baseline Assessment, основными местами боестолкновений в ходе конфликта были определены отдельные районы штатов Юнити, Джонглии, Верхнего Нила, Западного Бахр-эль-Газала и столичного региона Центральной Экватории⁹. Впоследствии эти данные будут применяться для проверки установленного путем анализа значения рассматриваемых факторов.

Таким образом, была подготовлена достаточная база для исследования с применением пространственного анализа при использовании метода построения ГИС, создана геоинформационная система, в которую были внесены известные статистические и картографические данные.

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС

Этнический состав населения Южного Судана. Для изучения роли этнического состава населения Южного Судана в конфликте посредством пространственного анализа применялись картографические данные. В основу исследования легла карта Майкла Изади (см. цв. вклейку, рис. 6), отражающая долю различных этнических групп в населении Южного Судана и их географические границы расселения на территории Южного Судана и его макрорегионов Бахр-эль-Газаль, Верхний Нил

⁸ Statistical Yearbook for Southern Sudan 2009. Juba: Southern Sudan Centre for Census Statistics and evaluation, 2009.

⁹ McCrone F. Op. cit.

и Экватория¹⁰. Для более подробного изучения отдельных народов применялся этнографический справочник организации Joshua Project, который содержит информацию о приблизительной численности различных этнических групп населения, их вероисповедании, истории и особенностях¹¹.

Опираясь на информацию из отчета HSBA, можно заметить, что гражданская война в Южном Судане охватила в первую очередь районы, в которых проживают несколько нилотских народов, одним из которых в большинстве случаев является народ динка, а его противниками стали народы нуэр, шиллук, луо и бари. В то же время народы манде не проявили четкой позиции, не только присоединяясь к правительству и объединенной оппозиции, но и создавая свои собственные группировки. Арабское же население в большинстве своем сохранило верность правительству, но также организовывая свои повстанческие формирования.

Количество размещенных беженцев. Одним из следствий гражданской войны в Южном Судане стало появление большого количества внутренних беженцев в Южном Судане, которые стали концентрироваться в определенных районах. Поиск закономерностей в расположении этих районов может помочь в определении роли данного фактора в конфликтности районов Южного Судана. Для исследования данного показателя применялся слой карты с административным делением Южного Судана с субъектами второго порядка (районы отдельных штатов), в таблицу с атрибутами которой были внесены сведения о количестве размещенных беженцев в каждом из районов Южного Судана (см. Приложение 1). Источником информации для данного атрибута послужил ресурс Conflict Sensitivity Resource Facility¹². Итоговый результат представлен на *цв. вклейке, рис. 7*, где красным цветом отражено число беженцев в районах Южного Судана.

В результате переноса данных о количестве размещенных беженцев на карту можно наблюдать резкий контраст в концентрации районов размещения беженцев. Так, наибольшее количество беженцев размещается в районе Рубкона, относящемся к штату Джонглия. В этом районе размещается 140 000 внутренних южносуданских беженцев, которые в основном представлены народом нуэр.

Еще одним районом, где количество беженцев превышает 100 000 человек, является район Вулу, который смог избежать серьезных потрясений во время гражданской войны и тем самым привлекал беженцев со всех близлежащих штатов, что в конечном итоге привело к тому, что на 2020 г. количество перемещенных лиц в Вулу превышает число местного населения, которое оценивается в 82 000 человек, в то время как в лагерях беженцев в этом районе находится 114 000 человек.

Также большое количество внутренних беженцев размещается в районе Северный Тонж в провинции Варраб, где не был зафиксировано крупномасштабных столкновений. Этот район является прибежищем для 80 000 беженцев. Кроме того, 77 000 внутренне перемещенных лиц располагаются в столичном районе Джуба, с которого началась гражданская война.

Таким образом, можно заметить, что большинство беженцев размещается либо возле крупных городов, либо в безопасных районах вдали от боевых действий. При этом внутренние беженцы стараются не перемещаться слишком далеко от родных районов, располагаясь обычно в своем регионе, меняя лишь штат или район, что может говорить о наличии обратной зависимости между конфликтностью и числом беженцев в малонаселенных районах, что, однако, не исключает насилия в отношении беженцев.

Индекс продовольственной безопасности. Для оценки уровня продовольственной безопасности было выбрано определение данного явления, разработанное Всемирной продовольственной организацией, которое гласит, что человек находится в условиях продовольственной безопасности тогда, когда он обеспечен достаточным количеством здоровой пищи, достаточной для удовлетворения потребностей¹³. В ходе работы был разработан индекс продовольственной безопасности на основании отчета Министерства сельского хозяйства, лесного хозяйства, кооперативов и развития

¹⁰ Izady M. South Sudan, Ethnic Subdivision // Gulf2000 project. URL: https://gulf2000.columbia.edu/images/maps/South_Sudan_Ethnic_Ig.png (дата обращения: 07.05.2021).

¹¹ South Sudan // Joshua Project. URL: <http://joshuaproject.net/countries/OD> (дата обращения: 14.05.2022).

¹² South Sudan County Profiles // CSRF. URL: <https://www.csrf-southsudan.org/county-profiles/> (дата обращения: 13.06.2021).

¹³ Er M. The 5 steps from food security to famine // World Food Programme. URL: <https://www.wfp.org/stories/5-steps-food-security-famine> (дата обращения: 23.05.2022).

сельских районов и Министерства скотоводства и рыбной ловли от 2015 г.¹⁴ Данный отчет содержит статистику обеспеченности населения Южного Судана продовольствием по районам страны, ссылаясь на статистику Всемирной продовольственной организации 2013 г. Этот документ подразделяет население каждого района Южного Судана на три категории: не испытывающих недостатка в продовольствии, недоедающих и голодающих. Отчет предоставляет информацию о доле той или иной категории в населении района (см. Приложение 2). Информация о всех трех категориях была внесена в базу данных. С целью объединения информации из всех трех категорий был создан индекс продовольственной безопасности, который рассчитывается по следующей формуле: $K=N1*100+N2*200+N3*300$, где K — коэффициент продовольственной безопасности, $N1$ — процент достаточно питающегося населения; $N2$ — процент недоедающего населения, $N3$ — процент голодающего населения. Полученный результат представлен на следующей карте (см. *цв. вклейку, рис. 8*).

Таким образом, полученный коэффициент позволил выявить наиболее голодающие районы Южного Судана, которыми оказались районы Южный Тонж штата Варраб, Урор штата Джонглей; Майбут штата Верхний Нил и Икотос штата Восточная Экватория. Индекс продовольственной безопасности данных районов превышает 200 из 300 возможных пунктов, что говорит о глубоко продовольственном кризисе в регионе. Кроме того, в этих районах в ходе гражданской войны шло не только противостояние войск правительства и оппозиции, но и отмечался всплеск межэтнического насилия.

Также высокое значение индекса было зафиксировано в районах Раджа и Реки Джур штата Западный Бахр-эль-Газаль; Маньо, Мелут и Байлей штата Верхний Нил и Почалла штата Джонглей. Данные районы тоже были театром боевых действий как между основными сторонами конфликта, так и между местными племенами, борющимися за продовольствие, которое в данном регионе представлено скотом. Факт наличия таких конфликтов говорит о том, что боевые действия между различными племенными группами на голодающей территории могут привести к ухудшению показателей продовольственной безопасности.

В то же время штат Западная Экватория, испытывавший наименьшие проблемы с продовольственной безопасностью, меньше всего пострадал от военных действий и межэтнического насилия, что может говорить о наличии зависимости между конфликтогенностью региона и его уровнем продовольственной безопасности.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что низкий уровень продовольственной безопасности может являться одной из причин для возникновения конфликтов, но в то же время он может быть и следствием ведущихся конфликтов. Однако в регионах с высоким уровнем продовольственной безопасности не наблюдается масштабных конфликтов.

Запасы нефти и нефтяная инфраструктура. Продажа нефти составляет основу южносуданской экономики, а значит, контроль над нефтяными месторождениями и нефтепроводами позволит той или иной стороне конфликта получить источник дохода или оставить без нефтяных доходов своих оппонентов. На основании отчета U. S. Energy Information Administration был создан слой карты, отражающий расположение разведанных нефтяных полей и нефтяной инфраструктуры в Южном Судане¹⁵. Данная карта позволяет сделать вывод о том, что запасы нефти присутствуют в основном на востоке Южного Судана. При этом вся добыча нефти в Южном Судане сконцентрирована на севере страны, там же располагаются и имеющиеся нефтепроводы, по которым нефть поступает в Судан.

Таким образом, фактор наличия запасов нефти и нефтяной инфраструктуры в Южном Судане можно рассматривать как катализатор конфликтогенности, который усугубляет уже имеющиеся конфликты, что видно на примерах штатов Верхний Нил и Юнити, нефтяные объекты которых были приоритетной целью каждой из сторон, так как позволяли либо заполучить доступ к новому источнику доходов в случае правительства, либо перекрыть оппонентам доступ к нефтяным доходам в случае оппозиции.

¹⁴ Comprehensive Agricultural Development Master Plan: Annex VI: State Report 2013 / Japan International Cooperation Agency—JIN Corporation, 2015. Pp. 1–3, 2–3, 3–3, 4–3, 5–3, 6–3, 7–3, 8–3, 9–3, 10–3.

¹⁵ Background Reference: Sudan and South Sudan // U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Sudan_and_South_Sudan/background.htm (дата обращения: 23.02.2022).

Выводы

Таким образом, по совокупности показателей межэтнической напряженности, уровня продовольственной безопасности и присутствия объектов нефтяной промышленности представляется возможным выделить наиболее конфликтогенные районы Южного Судана, которыми становятся районы Маньо, Майвут, Мелут и Байлей штата Верхний Нил, в которых наблюдаются межэтнические конфликты между племенами нуэр и шиллук, отмечается низкий уровень продовольственной безопасности и находятся разрабатываемые месторождения нефти и нефтепроводы. Также высокий риск возникновения конфликтов можно наблюдать в районах Икотос штата Восточная Экватория; Южный Тонж штата Варраб и Урор штата Джонглей. В этих районах показатель индекса продовольственной безопасности является минимальным, а также фиксируются межэтнические столкновения. Заключительная группа территорий с высокой конфликтогенностью представлена округами Паньиджар, Леер, Майендит штата Юнити и Ренк Мабан, Фашода штата Верхний Нил. Это районы со средними по стране показателями продовольственной безопасности. Однако в данных районах находятся объекты нефтяной инфраструктуры и имеются неразрешенные межэтнические конфликты. В итоге методика построения геоинформационных систем показала свою эффективность в пространственной локализации потенциальных конфликтов в Южном Судане.

Приложение 1

Количество населения и размещенных беженцев в районах Южного Судана

Район	Численность населения по результатам референдума (2008 г.)	Численность населения в 2020 г. (оценка)	Число размещенных беженцев
Штат Западный Бахр-эль-Газаль			
Вау	151 320	314 949	46 555
Рага	54 340	58 178	7 766
Река Джур	127 771	273 118	16 838
Штат Северный Бахр-эль-Газаль			
Восточный Авейль	309 921	335 201	5 491
Западный Авейль	166 217	235 304	37 522
Северный Авейль	129 127	158 880	4 103
Центральный Авейль	41 827	79 060	14 805
Южный Авейль	73 806	138 460	14 466
Штат Варраб			
Восточный Гогриаль	103 283	126 978	21 363
Западный Гогриаль	243 921	314 363	41 914
Восточный Тондж	116 122	146 892	36 771
Северный Тондж	165 222	262 302	81 614
Южный Тондж	86 592	109 316	36 807
Твик	204 905	262 546	28 228
Штат Верхний Нил			
Бальет	48 010	54 058	5 747

Лонгечук	63 166	57 301	4 301
Майвуг	79 462	121 986	6 069
Мабан	45 238	55 177	51 923
Малакаль	126 483	183 476	37 787
Маньо	38 010	76 283	10 374
Мелут	49 242	125 533	30 697
Насир	210 002	260 703	4 636
Паньиканг	45 427	64 879	5 514
Ренк	137 751	188 564	17 721
Уланг	85 044	115 640	17 619
Фашода	36 518	73 476	23 500
Штат Джонглей			
Айод	139 282	181 868	19 031
Акобо	136 210	225 439	16 948
Южный Бор	221 106	327 583	29 063
Дук	65 588	189 958	22 191
Канал-Пиги	99 068	99 781	6 836
Ньироль	108 674	132 312	28 184
Район Пибор	148 475	204 879	30 166
Почалла	66 201	75 210	2 806
Восточный Твик	85 349	118 957	1 508
Урор	178 519	182 012	13 993
Фангак	110 130	193 053	36 428
Штат Озерный			
Авериал	47 041	132 875	51 410
Вулу	40 550	82 446	112 006
Восточный Йироль	67 402	150 222	22 299
Западный Йироль	103 190	157 655	21 658
Куэйбет	117 755	173 715	19 348
Восточный Румбек	122 832	167 548	2 251
Северный Румбек	43 410	70 174	53 349
Центральный Румбек	153 550	203 118	4 920
Штат Восточная Экватория			
Буди	99 199	99 242	3 314
Восточная Капоэта	163 997	161 014	10 297

Северная Капоэта	103 084	153 352	5 948
Южная Капоэта	79 470	96 033	6 863
Икотос	84 649	101 982	519
Лафон	106 161	149 788	14 874
Магви	169 826	248 107	15 312
Торит	99 740	58 644	2 499
Штат Западная Экватория			
Ибба	41 869	62 878	8 755
Мариди	82 461	92 205	15 932
Мволо	48 134	71 586	2 451
Восточный Мундри	48 318	95 873	21 856
Западный Мундри	33 975	46 760	6 269
Нагеро	10 077	22 072	205
Нзара	65 712	81 075	6 130
Тамбура	55 365	110 431	803
Эзо	80 861	119 490	5 155
Ямбио	152 257	158 961	3 360
Штат Центральная Экватория			
Джуба	372 413	499 538	75 365
Ей	201 443	271 197	67 511
Каджо-Каджи	196 422	221 902	17 273
Лайнья	89 315	110 282	35 038
Моробо	103 603	104 106	2 495
Теракека	140 396	246 483	23 165
Штат Юнити			
Абьемном	17 012	54 238	17 697
Гуит	33 004	66 324	2 650
Кох	74 863	105 543	13 380
Леер	53 022	59 120	12 376
Майендит	53 783	66 015	7 576
Майом	120 715	151 690	21 196
Паньиджар	50 723	109 541	10 684
Парьянг	82 443	127 465	21 467
Рубкона	100 236	319 746	141 488

Источник: South Sudan County Profiles // CSRF. URL: <https://www.csrf-southsudan.org/county-profiles/> (дата обращения: 13.06.2021).

Приложение 2

Уровень продовольственной безопасности в районах Южного Судана

Район	Население, обеспеченное продовольствием (%)	Недоедающее население (%)	Голодающее население (%)	Кэфф. прод. безопасности (пункты)
Штат Западный Бахр-эль-Газаль				
Вау	81	17	2	121
Рага	37	36	27	190
Река Джур	35	40	25	190
Штат Северный Бахр-эль-Газаль				
Восточный Авейль	89	10	1	112
Западный Авейль	36	49	15	179
Северный Авейль	89	8	3	114
Центральный Авейль	48	52	0	152
Южный Авейль	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Штат Вараб				
Восточный Гогриаль	59	24	17	158
Западный Гогриаль	74	24	2	128
Восточный Тондж	66	29	5	139
Северный Тондж	47	36	17	170
Южный Тондж	4	73	23	219
Твик	80	16	4	124
Штат Верхний Нил				
Бальет	23	58	19	196
Лонгечук	84	16	0	116
Майвут	11	62	27	216
Мабан	68	32	0	132
Малакаль	93	7	0	107
Маньо	4	96	0	196
Мелут	34	46	20	186
Насир	92	6	2	110
Паньиканг	49	46	5	156

Ренк	37	63	0	163
Уланг	60	38	2	142
Фашода	49	51	0	151
Штат Джонглей				
Айод	67	25	8	141
Акобо	82	18	0	118
Южный Бор	95	5	0	105
Дук	75	25	0	125
Канал-Пиги	43	57	0	157
Ньируль	79	21	0	121
Район Пибор	61	15	24	163
Почалла	37	35	28	191
Восточный Твик	44	38	18	174
Урор	24	24	52	228
Фангак	59	41	0	141
Штат Озерный				
Авериал	48	37	15	167
Вулу	72	28	0	128
Восточный Йироль	35	47	18	183
Западный Йироль	59	31	10	151
Куэйбет	90	5	5	115
Восточный Румбек	52	31	17	165
Северный Румбек	56	17	27	171
Центральный Румбек	91	4	5	114
Штат Восточная Экватория				
Буди	55	35	10	155
Восточная Капоэта	88	9	3	115
Северная Капоэта	71	13	16	145
Южная Капоэта	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Икотос	29	22	49	220
Лафон	58	37	5	147
Магви	69	28	3	134
Торит	49	31	20	171
Штат Западная Экватория				
Ибба	79	21	0	121
Мариди	98	0	2	104
Мволо	69	22	9	140
Восточный Мундри	78	22	0	122
Западный Мундри	69	27	4	135
Нагеро	81	14	5	124
Нзара	69	27	4	135
Тамбура	51	31	18	167
Эзо	86	12	2	112
Ямбио	91	9	0	109
Штат Центральная Экватория				
Джуба	59	38	3	144
Ей	86	14	0	114
Каджо-Каджи	89	10	1	112
Лайнья	70	30	0	130
Моробо	100	0	0	100
Теракека	49	51	0	151
Штат Юнити				
Абъемном	60	38	2	142
Гуит	45	45	10	165
Кох	38	57	5	167
Леер	41	54	5	164
Майендит	43	30	27	184
Майом	87	12	1	114
Паньиджар	40	50	10	170
Парьянг	63	31	6	143
Рубкона	84	14	2	118

Источник: Comprehensive Agricultural Development Master Plan: Annex VI: State Report 2013 // Japan International Cooperation Agency–JIN Corporation, 2015. P. 1–3, 2–3, 3–3, 4–3, 5–3, 6–3, 7–3, 8–3, 9–3, 10–3.

References

LeBrun E. Policing in South Sudan: Transformation Changes and Priorities. HSBA, March, 2017, no. 26. Available at: <https://smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-IB26-Policing-in-South-Sudan.pdf> (accessed: 29.09.2021). (In English).

Martell P. First Raise a Flag: How Sudan Won the Longest War but Lost the Peace. Oxford University Press, 2018. (In English).

McCrone F. War Crimes and Punishment: The Terrain Compound Attack and Military Accountability in South Sudan, 2016–18. HSBA, August, 2019. Available at: <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-BP-Terrain.pdf> (accessed: 30.09.2021). (In English).

Thyne C. Sudan Civil War. Available at: <http://www.uky.edu/~clthyn2/Thyne-Sudan.pdf> (accessed: 18.09.2021). (In English).

РЕГИОНАЛИСТИКА

УДК 94(47)“1806/1808”:910.4

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-36-45

Беляев Андрей Геннадиевич

научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Югыд ва» (Россия, Вуктыл)

ORCID: 0000-0003-1678-7429

E-mail: andrey.optic@gmail.com

Иван Дмитриевич Попов и его экспедиция 1806–1808 гг. по изысканию пути соединения Оби с Печорой*

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ исторических материалов об экспедиции И. Д. Попова в начале XIX в. на полуостров Ямал и в низовья Оби и Печоры. Проведены библиографический поиск и исследование материалов как о собственно экспедиции, так и о личности ее руководителя. Показаны причины организации экспедиции, ее задачи, сроки ее проведения, маршруты перемещения, достигнутые результаты. По предполагаемым маршрутам каналов экспедицией произведена нивелировка рек, промерены глубины, испытаны грунты, сняты поперечные профили. Отмечено наличие питающих резервуаров на местности для обеспечения работоспособности проектируемой водной системы. Поповым проведено сравнение организации водного пути через Ямал и по Обско-Печорскому маршруту. Им отмечено основное преимущество второго варианта — суда на пути из Сибири к архангельскому порту не столкнутся с тяжелой ледовой обстановкой в Карской губе и проливе Вайгач. Выходя за рамки технической стороны задачи по организации водного пути из Сибири в европейскую часть страны, Попов указывает на его важнейшее экономическое значение для России. Установлены ранее неизвестные важнейшие даты жизни И. Д. Попова, основные этапы его деятельности, названы основные проекты, в которых он принимал активное участие, приведена их география — от территории нынешней Финляндии на западе до бассейна Енисея на востоке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иван Дмитриевич Попов, экспедиция, Ямал, Обь, Печора, Карская губа, историография

* Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФГБУ «Национальный парк «Югыд ва» за 2022 г. (рег. номер в ЕГИСУ НИОКТР 122060200078-0).

REGIONAL STUDIES

UDC 94(47)“1806/1808”:910.4

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-36-45

Andrey G. Belyaev

National Park “Yugyd Va” (Russia, Vuktyl)

ORCID: 0000-0003-1678-7429

E-mail: andrey.optic@gmail.com

Ivan Dmitrievich Popov and His 1806–1808 Expedition to Find a Way to Connect the Ob and Pechora

ABSTRACT. The article presents an analysis of historical materials about the expedition of I. D. Popov at the beginning of the 19th century to the Yamal Peninsula and the lower reaches of the Ob and Pechora rivers. It is based on a bibliographic search and research of materials on both the expedition itself and the personality of its leader. The reasons for the organization of the expedition, its tasks, the timing of its conduct, the routes of movement, and the results achieved are shown. Along the proposed routes of the canals, the expedition leveled the rivers, measured the depths, tested the soils, and took transverse profiles. The presence of supply reservoirs on the ground was noted to ensure the operability of the designed water system. Popov compared the organization of the waterway through Yamal and along the Ob-Pechora route. He noted the main advantage of the second option — ships on the way from Siberia to the Arkhangelsk port would not encounter difficult ice conditions in Kara Bay and the Vaygach Strait. Going beyond the technical side of the task of organizing a waterway from Siberia to the European part of the country, Popov points out its critical economic importance for Russia. The author established previously unknown important dates in the life of I. D. Popov, the main stages of his activity, the main projects in which he took an active part and their geography — from the territory of present-day Finland in the west, to the Yenisei basin in the east.

KEYWORDS: Ivan Dmitrievich Popov, expedition, Yamal, Ob, Pechora, Kara Bay, historiography

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В XIX в. в правящих кругах Российской империи растет понимание необходимости развития транспортных коммуникаций между европейской территорией страны и Сибирью. Существующих транспортных артерий, как сухопутных (Московско-Сибирский тракт), так и водных (р. Чусовая, Белая, Уфа), было недостаточно для возрастающих грузопотоков из Сибири в Европу. Поиски путей оживления экономической жизни Сибири и России в целом вызвали к жизни одну из северных экспедиций начала XIX в., которая под руководством гидротехника инженер-подполковника И. Д. Попова вела изыскания «пути водою» для выхода сибирских товаров на европейский рынок. В историографии, посвященной истории поиска переходов, ведущих из Европейской России в Сибирь, как самой этой экспедиции, так и ее руководителю уделено очень немного внимания. Видимо, первое упоминание о ней принадлежит А. М. Корнилову¹, служившему в начале XIX в. тобольским гражданским губернатором. Далее об экспедиции и ее руководителе сообщают или кратко упоминают Г. А. Эрман², И. Ф. Штукенберг³, В. Н. Латкин⁴, Э. К. Гофман⁵, М. К. Сидоров⁶, П. И. Крузенштерн^{7, 8}, И. В. Щеглов⁹, Б. М. Житков¹⁰. В подавляющем большинстве это короткие, иногда в несколько слов, сведения о самой экспедиции или ее руководителе. В новейшей историографии сообщения об экспедиции Попова встречаются в работах И. В. Побережникова¹¹, С. Г. Важенина¹², П. А. Филина¹³, Е. В. Комлевой¹⁴. Но это также краткие упоминания.

За два с лишним века лишь в двух книгах можно встретить развернутое сообщение об экспедиции Попова. Во-первых, это книга Ивана Фёдоровича Штукенберга¹⁵ «Beschreibung aller Kanäle in Russischen Reiche» («Описание всех каналов Российской Империи»), в которой есть информация об экспедициях и проектах Попова¹⁶. Во-вторых, достаточно полное описание экспедиции Попова 1806–1808 гг. дается в книге Василия Михайловича Пасецкого¹⁷ «Арктические путешествия россиян»¹⁸. В. М. Пасецкий провел огромную работу по выяснению всех подробностей, связанных с экспедицией Попова. Он установил инициатора и цели проведения экспедиции, ее сроки, пофамильный состав всех шести ее членов (не считая ненцев), показал достигнутые результаты и их значимость. Однако по поводу личности ее руководителя, И. Попова, Пасецкий указал только его звание, предыдущее место службы (Ладужский канал) и один инициал. Но и это был значительный шаг по сравнению с теми, кто упоминал об экспедиции ранее. У других авторов инициалы

¹ Корнилов А. М. Замечания о Сибири сенатора Корнилова. СПб, 1828. С. 56, 78.

² Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830 ausgeführt von Adolph Erman. Berlin, 1833. С. 718–719.

³ Stuckenberg von J. Ch. Beschreibung aller, im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten, schiff und flossbaren Canaele, in historischstatistisch-technischer Beziehung, nach den vollstaendigsten und zuverlaessigsten Quellen verfasst, und von der kaiserlichen St. Petersburgerischen Academie der Wissenschaften kines Demidowschen Preises gewurdigt. St. Petersburg, 1841. С. 280, 287–288.

⁴ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печеру, в 1840 и 1843 годах. СПб, 1853. С. 141.

⁵ Гофман Э. К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции Русск. геогр. об-ва в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб, 1856. Т. 2. С. 134.

⁶ Сидоров М. К. Север России. СПб, 1870. С. 204–205.

⁷ Krusenstern P., Keyserling A. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-land, im Jahre 1843. St. Petersburg, 1846. С. 421, 431.

⁸ Крузенштерн П. И. Путешествия П. И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874–76 годах. СПб, 1879. С. 43–44.

⁹ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883. С. 367.

¹⁰ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб, 1913. С. 114–115.

¹¹ Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX — начала XX века // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 49.

¹² Важенин С. Г., Сухих В. В. Кризис доверия как причина неудач государственно-частного партнерства в России XIX — начала XX в. // ЭКО. 2016. Т. 46, № 9. С. 182–183.

¹³ Филин П. А., Емелина М. А., Савинов М. А. Арктика за гранью фантастики. М., 2018. С. 59.

¹⁴ Комлева Е. В. «Сибирский канал»: проект красноярского купца М. К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 146.

¹⁵ Иван Фёдорович Штукенберг (Johann Christian Stuckenberg) — русский ученый-географ немецкого происхождения, известный гидрограф, статистик и библиограф.

¹⁶ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 225–227, 264–266, 287–288, 298–306, 334, 440.

¹⁷ Василий Михайлович Пасецкий — доктор исторических наук, автор книг о русских арктических экспедициях и географических исследованиях.

¹⁸ Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М., 1974. С. 36–42.

Попова не приводились, и звание его даже авторами XIX века указывается разное: одни его называют подполковником (А. М. Корнилов¹⁹, Г. А. Эрман²⁰, И. Ф. Штукенберг²¹), другие — полковником (В. Н. Латкин²², П. И. Крузенштерн²³, М. К. Сидоров²⁴).

Целью настоящей работы является: при помощи библиографического поиска расширить сведения как о самой экспедиции И. Д. Попова, так и о личности ее руководителя.

ПРЕДЫСТОРИЯ

В 1801 г. Департамент водяных коммуникаций возглавил граф Николай Петрович Румянцев. По его распоряжению проводились изыскания возможных путей каналов, которые могли бы связать реки Сибири и Европейской России. Было дано указание исследовать водоразделы рек Уральского хребта на предмет соединения Печоры и Оби, Камы и Тобола, Тобола и Чусовой посредством «различных притоков, по которым проходили покорители Сибири»²⁵.

Для проведения канала через Урал рассматривались различные варианты. В 1804 г. был представлен доклад капитан-лейтенанта Ф. В. Веселаго. Он с 1797 по 1805 г. был командирован от Кронштадтского порта для описи лесов Тобольской и Пермской губерний²⁶. Изучив местность по обе стороны Уральского хребта, Веселаго предложил два варианта соединения каналом Волго-Камского речного бассейна с Обь-Иртышским. Однако при дополнительных изысканиях выявились «недостаток вод в отдельном плесе и твердость грунта, неудобная для работ»²⁷.

Весной 1806 г. Департамент водяных коммуникаций подготовил доклад «О соединении устья реки Оби с Карской губою». В нем обращалось внимание на то обстоятельство, что природные богатства Сибири не используются и что жители этого края, «не имея средств доставлять их к местам, где сии произведения нужны, не радуют об их сохранении и еще менее стараются об их умножении»²⁸. В докладе предлагалось: во-первых, исследовать возможность прокладки канала через полуостров Ямал; во-вторых, изучить возможность устройства каналов, которые связали бы уральские заводы с реками Европейской России.

Для изучения возможности организации северного водного пути была организована экспедиция, которую поручили возглавить гидротехнику инженер-подполковнику Попову, служившему на тот момент в Экспедиции Ладожского канала²⁹. В программе исследований Попову поручалось «изыскать способнейшие линии и средства, ведущие к желаемой цели и к доставлению из Сибири ближайшего и наивыгоднейшего выхода в океан с помощью больших ее рек». Кроме исследований на Ямале, по личному указанию Румянцева, Попов должен был «стараться узнать, не находится ли возможность открыть путь водою между низом Оби и Печоры»³⁰.

Про первую половину жизни Ивана Дмитриевича Попова информации практически нет. Родился он в 1752 г.³¹ Согласно «Списку генералитета, штаб и обер-офицеров Корпуса инженеров путей сообщения», в 1768 г. «вступил в службу»³². В 1802 г. (см. далее) Попов имеет военный чин и служит в недавно созданном Департаменте водяных коммуникаций на Ладожском канале, но все

¹⁹ Корнилов А. М. Указ. соч. С. 56.

²⁰ Erman A. Op. cit. S. 718–719.

²¹ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 280.

²² Латкин В. Н. Указ. соч. С. 141.

²³ Крузенштерн П. И. Указ. соч. С. 5.

²⁴ Сидоров М. К. Указ. соч. С. 340, 341.

²⁵ Литвинова О. Г. История инженерных изысканий на водных путях Сибири (конец XVIII–XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53), ч. 3. С. 112.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 277 а. Л. 55.

²⁷ Житков С. М. Проекты соединения водных путей России. СПб, 1908. С. 25–26.

²⁸ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 38.

²⁹ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. СПб, 1806. Ч. 1. С. 337.

³⁰ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 39–40.

³¹ Генералитет Российской императорской армии и флота. URL: http://rusgeneral.ru/general_p4.html (дата обращения: 29.10.2023).

³² Список генералитета, штаб и обер-офицеров Корпуса инженеров путей сообщения. 14 декабря 1825 г. Б. м., 1825. С. 8.

военные чины поступали в Департамент из военного Инженерного корпуса³³. Также известно, что в 1834 г., неся службу в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий, преемнике Департамента водяных коммуникаций, он был отмечен «знаком отличия за 55 лет беспорочной службы»³⁴. Из этих двух фактов можно предположить, что с 1779 г. он в рядах Инженерного корпуса служит на водных коммуникациях Санкт-Петербургской губернии, в «ведомстве» Я. Е. Сиверса (в 1773 г. Сиверс «назначен Главным Директором Водяных Коммуникаций С.-Петербургской, Новгородской и Тверской губернии»³⁵).

К своему пятидесятилетию, в 1802 г., Попов уже инженер-подполковник, служит в Экспедиции Ладожского канала, в Шлиссельбурге³⁶. Он командир батальона Ладожского канала³⁷, относящегося к Департаменту водяных коммуникаций. Этот батальон был учрежден 27 февраля 1735 г. именным Указом российской императрицы Анны Иоанновны для поддержания порядка на канале и содержания его в исправности³⁸.

В 1803 г. Попов командирован в Финляндию, для инспекции суворовских военных каналов³⁹. По представленному им докладу на некоторых каналах был проведен ряд восстановительных работ⁴⁰.

В 1805 г. Попову поручают исследовать возможность соединения каналом Волхова и Невы, чтобы разгрузить Ладожский канал, грузопоток по которому существенно возростал. В 1767 г. работы по его прокладке были начаты полковником Вейсманом, но были прекращены через год из-за начала очередной русско-турецкой войны⁴¹. Попову было поручено на месте провести тщательное обследование, нивелировку и разработку полного проекта канала, что он с успехом выполняет. 20 апреля 1806 г. глава Департамента водяных коммуникаций Румянцев представил Императору этот проект. Стоимость его реализации была оценена в 5–6 млн рублей. Было принято решение, что столь дорогостоящий проект в текущее время следует отложить⁴². Возможно, именно за разработку этого проекта в 1806 г. Попов был награжден орденом святого Владимира 4 степени⁴³.

Сразу после окончания работ по проектированию канала Волхов — Нева, летом этого же года, Попов уезжает в очередную командировку, в экспедицию на Ямал, Обь и Печору.

ЯМАЛ, 1806 г.

Уже в июле 1806 г. Попов был в Тобольске. Здесь он через купцов-рыбопромышленников Селиванова и Брагина собирает сведения о тех местах, где предстояло работать его экспедиции. В середине августа Попов в Обдорске, а 22 августа экспедиция двинулась на Ямал. Скорость, с которой развивалась экспедиция: весной выходит доклад о необходимости канала, а уже в августе Попов на Ямале ведет исследования — говорит как о том, что Попов не тратил время попусту, так и о том, что, вероятно, была какая-то предшествующая подготовка, сведения о которой не сохранились. Иначе трудно объяснить, как в начале XIX в. она могла быть организована в столь сжатые сроки.

В течение сентября — октября Попов изучает возможные варианты прокладки водного маршрута через Ямал. Ему дано поручение исследовать соединение рек Оленьего Брода или Тыловки,

³³ Ермолов А. С. Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства Путей Сообщения за сто лет его существования (1798–1898 гг.). СПб, 1898. С. 16.

³⁴ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1834 от Рождества Христова. СПб, 1834. Ч. 1. С. 729.

³⁵ Ермолов А. С. Указ. соч. С. 6.

³⁶ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1802 от Рождества Христова. СПб, 1802. С. 221.

³⁷ Кадры для управления водными путями и гидротехнического строительства в России и их подготовка. URL: <https://studfile.net/preview/1853141/> (дата обращения: 14.07.2023).

³⁸ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 166–168.

³⁹ Суворовские военные каналы — серия каналов, созданных по распоряжению А. В. Суворова в 90-х годах XVIII в. как часть укреплений в Финляндии.

⁴⁰ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 264.

⁴¹ Житков С. М. Указ. соч. С. 71.

⁴² Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 225–228.

⁴³ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1807 от Рождества Христова. СПб, 1807. Ч. 1. С. 364.

впадающих в Обскую губу через лежащие в их верховьях озера с рекой Юрибей, впадающей в Карскую губу. Если маршрут по этому направлению окажется неудобным, то Попов должен был постараться найти другой путь, например по рекам Мутная и Зеленая, где проходил ямальский водно-волоковой путь начала XVII в.

Выдвинувшись из Обдорска, экспедиция первоначально двигалась вдоль Оби, а далее вдоль западного побережья Обской губы. Примерно в 250 верстах на северо-восток от Обдорска начались собственно работы по поискам упомянутых рек и прокладке возможного маршрута. Однако экспедиция не смогла найти рек, которые подходили бы под описание Оленьего Брода, Тыловки или Зеленой. Кочующие рядом ненцы также не смогли помочь — они не знали рек с такими названиями^{44, 45}. Причина этого вполне понятна — имена этих рек использовались во время существования «Мангазейского морского хода», официально запрещенного и закрытого в 1619 г., то есть за два века до экспедиции Попова. Позднейшие сообщения об этих реках базировались на более ранних источниках.

Не обнаружив искомым рек, экспедиция повернула на запад, от побережья Обской губы вглубь Ямала. На водораздельной возвышенности в глубине полуострова Попов вышел к двум большим озерам, как выяснилось, истокам Юрибея. Юрибей был обследован и проинвентаризован на всем его протяжении, вплоть до впадения в Карскую губу. Было установлено, что глубина и ширина этой реки вполне подходит для проектируемого водного пути. Теперь необходимо было найти вариант организации водного прохода от Юрибея к Обской губе. С этой целью Попов вернулся к его истокам. При обследовании окружающей местности был обнаружен ряд озер, разделенных небольшими перешейками. Из последнего из них вытекала река Ой (Иой), впадающая далее в Обскую губу. В самых верховьях она представляла собой узкий ручеек, но очень скоро достигала необходимой глубины и ширины и вполне подходила под задачу организации водного пути. Пространство между истоками Юрибея и Ой на протяжении 15 верст 80 саженей представляло из себя кочковатую тундру, покрытую мелким кустарником. Под поверхностным слоем всюду находился мерзлый грунт. Весь маршрут был проинвентаризован и нанесен на карты⁴⁶. Точно установить современное название реки Ой трудно, однако, судя по длине маршрута по ней, определенной Поповым в 80 верст, речь идет об одной из двух рек — Салете или Паютаяхе.

Экспедиция проходила в крайне тяжелых условиях: уже в сентябре снежная буря на три дня прервала ее работу. В середине октября снега выпало столько, что продолжать нивелировку местности стало невозможно, и экспедиция возвратилась в Обдорск. Проведенные за это время экспедицией работы дали основание Попову сделать вывод, что нет непреодолимых препятствий к открытию водного пути между Обью и Карской губой. Но Попов делает и другой вывод: прокладка канала через Ямал нецелесообразна из-за тяжелой ледовой обстановки в Карской губе.

Собь, Уса. 1806, 1807 гг.

Вернувшись в Обдорск в октябре, Попов получает сведения о реке Собь, истоки которой весьма близко подходят к притокам Усы, впадающей в Печору. Когда-то по Соби и Усе проходил торговый путь, но последняя попытка воспользоваться им была предпринята в 1767 г. — купец Владимирова пытался здесь перевезти через Урал 50 тысяч беличьих шкурок и других мехов, однако его груз затонул на Соби⁴⁷. Уже глубокой зимой Попов отправляется к верховьям Соби и исследует реку вплоть до ее истоков в Уральских горах. Отсюда же начинались истоки Ельца, одного из притоков р. Усы.

Чтобы проверить этот маршрут, провести нивелировку еще не исследованных им Усы и ее притока Ельца, Попов весной 1807 г. перебирается на западный склон Уральского хребта, к устью Усы. 9 апреля он останавливается в деревеньке Усть-Уса, состоявшей из трех дворов^{48, 49}, где ожидает вскрытия реки. 19 июня экспедиция на двух лодках стартовала вверх по Усе. Подъем по Усе вплоть до ее притока реки Елец составил 458 верст. На этом участке не было никаких сложностей

⁴⁴ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 298–299.

⁴⁵ Житков Б. М. Указ. соч. С. 114.

⁴⁶ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 299–300.

⁴⁷ Op. cit. S. 288.

⁴⁸ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 41.

⁴⁹ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 302–303.

для организации судоходства. Как установил Попов, глубина Усы в среднем составляла около 10 футов, ширина ее нигде не была менее 50 саженей. С Усы экспедиция перешла в ее левый приток Елец и поднималась по нему на протяжении 40 верст. Здесь на некоторых отмелях лодки приходилось разгружать и протаскивать порожнями. По словам проводников-зырян, причина этого была в крайне засушливом лете, какого не случалось на их памяти⁵⁰. В целом же Елец имеет «тихое, глубокое и довольно широкое течение; крутых поворотов, неудобных при сплаве, очень мало»⁵¹, его ширина колеблется от 15 до 80 саженей, глубина повсеместно не менее 2 футов.

Последние 14 верст до водораздела экспедиция шла по притоку Ельца речке Симарухе (ныне Хребет-Шор), мелкой, шириной от 2 до 16 саженей. На водоразделе не оказалось острого гребня, что являлось существенным плюсом для возможного водного пути. Перевал представлял собой луговую долину шириной 200–400 саженей, где находилось 28 больших и малых озер, в одном из которых находился исток Симарухи (точнее, ее правого притока). На незначительном расстоянии по восточному склону к перевальной долине с юга подходит Сось, здесь уже достаточно широкая (ее истоки находятся в 10 верстах).

Обследовав водораздел, Попов отмечает, что после каждого сильного дождя уровень воды как в Соби, так и в Ельце поднимается на 1–2 фута, весенний же разлив поднимает его существенно выше. Озера, находящиеся на водоразделе, могут быть использованы как питающие резервуары для проектируемого канала, их собственный уровень постоянно подпитывается как после дождей, так и при таянии снежников на окружающих горах. Окрестности намечаемой линии канала на 18 верст в обе стороны от перевала безлесны.

Подходя к перевалу с юга, Сось в этом месте поворачивает на восток. Отсюда экспедиция прошла еще 156 верст по восточному склону Урала, сплаваясь по Соби вплоть до ее впадения в Обь в 30 верстах от Обдорска.

К 7 сентября весь намеченный маршрут по Усе, Ельцу, Симарухе и Соби, более 670 верст, был завершен. Произведена нивелировка рек, промерены глубины, испытаны грунты, сняты поперечные профили. Были составлены подробнейшие карты масштабом «50 саженей в дюйме»⁵² (42 м в 1 см). По мнению Попова, для соединения бассейнов Печоры и Оби необходимо будет прокопать канал длиной в 4 версты от Симарухи до Соби. Однако для обеспечения судоходства необходима «постройка шлюзов, резервуаров, водоспусков», а также проведение расчистки рек от подводных и надводных камней и порогов. Попов пришел к окончательному выводу, что результаты изысканий «подают несомненную надежду к производству одного пути». Эти сведения 22 сентября 1807 г. он направил из Обдорска в Департамент водяных коммуникаций⁵³.

Попов полагал, что вариант маршрута канала путем соединения Соби и Усы имел существенные преимущества перед вариантом канала через Ямал. Во-первых, он находится на 560 верст южнее; во-вторых, суда не будут подвергаться опасностям от волнения во время плавания по Обской губе и от мелей в устье Оби; в-третьих, не будет надобности в огромном количестве строительных материалов, которые пришлось бы доставлять на Ямал. И наконец, самое главное, что суда, которые будут направляться Обско-Печорской водной дорогой, не будут на пути в Архангельск блокированы льдами в Карской губе и проливе Вайгач⁵⁴.

СИБИРЬ, 1808 г.

Почти весь 1808 г. Попов посвятил сбору сведений о реках Сибири, о возможности водных сообщений между притоками Оби и Енисея. Нет точных сведений о перемещениях Попова в течение этого года, но в 1811 г. он представил проект восьмиверстного канала между притоком реки Кеть рекой Сочур (бассейн Оби) и Песчанкой, притоком реки Кемь (бассейн Енисея)⁵⁵. Вероятно, сведения для этого проекта он как раз и собирал в 1808 г.

⁵⁰ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 303.

⁵¹ Латкин В. Н. Указ. соч. С. 142.

⁵² Крузенштерн П. И. Указ. соч. С. 43.

⁵³ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 41.

⁵⁴ Там же; Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 302.

⁵⁵ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 334.

22 ноября 1808 г. Попов подал рапорт Румянцеву о завершении изысканий по созданию водных соединений бассейнов Печоры и Оби. Он указывал, что хотя устройство водного пути и порта между Европой и Азией весьма затруднено из-за суровых климатических условий, это важное государственное мероприятие со временем «будет вознаграждено»⁵⁶. Маршруты, пройденные экспедицией Попова в 1806–1807 гг., представлены на *цв. вклейке, рис. 9*.

Экспедиция И. Д. Попова 1806–1808 гг. уникальна тем, что это была, пожалуй, первая государственная попытка найти северную дорогу из Сибири в Европу через Полярный Урал. На поиски пути были отпущены государственные средства (6700 рублей)⁵⁷ и командирован специалист из государственного учреждения — Департамента водяных сообщений. К реализации проекта не приступили по ряду причин. Во-первых, в 1806–1812 гг., из-за участия России в континентальной блокаде Великобритании, наблюдался значительный спад во внешней торговле и, следовательно, упал спрос на сибирские товары. Во-вторых, человек, который на высшем уровне курировал этот проект, Н. П. Румянцев, был франкофилом, сторонником дружественных отношений с Наполеоном. После нападения Франции на Россию с Румянцевым случился апоплексический удар. В 1813 г. он был вынужден уйти в отставку, и в правительстве не осталось сторонников развития северных территорий и торговли с Сибирью.

Что касается И. Д. Попова, то в 1809 г. он возвращается к прежнему месту службы. За успешно проведенные исследования по соединению Оби и Печоры он награжден Орденом святой Анны второго класса.

В 1810 г. Попов назначен директором-производителем работ на Тихвинском канале⁵⁸ Тихвинской водной системы. Эта система была кратчайшей водной дорогой, соединяющей Волгу с Невой, путь по ней был намного короче, чем по существовавшим Мариинскому и Вышневолоцкому водным путям. В преддверии надвигающейся войны, было решено ввести ее в строй, не дожидаясь полного окончания всех работ. В 1811 г. Попов принял активное участие в запуске системы⁵⁹. «6 октября 1811 года, в № 81 газеты «Северная пчела», сообщалось о проходе грузов по новой водной системе». Параллельно Попов разрабатывает проект канала между реками Сочур (бассейн Оби) и Песчанкой (бассейн Енисея)⁶⁰. 18 декабря того же года ему присваивают звание инженер-полковника⁶¹.

В 1813 г. Попова назначают управляющим директором по Тихвинской водной системе⁶². В этой должности он пребывал до 1 июня 1815 г., когда был назначен директором-управляющим по Ладужской части⁶³. За время нахождения в этой должности Попова неоднократно поощряют, особо отмечены его работы по устройению нового Шлиссельбургского устья канала «в столь короткое время, при затруднениях, встреченных от производства работе зимою»⁶⁴. В 1819 г. он пожалован в Кавалеры ордена святого Владимира 3-й степени.

В 1822 г. в Главном управлении путей сообщения создается Комиссия обревизования и проверки денежных и рабочих отчетов, во главе ее назначается Попов. Ивану Дмитриевичу Попову уже 70 лет, он отходит от активной инженерной работы, но продолжает трудиться.

⁵⁶ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 41.

⁵⁷ Там же. С. 39.

⁵⁸ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1810 от Рождества Христова. СПб, 1810. Ч. 1. С. 469.

⁵⁹ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 440.

⁶⁰ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 334.

⁶¹ Приказы, отданные по Корпусу инженеров путей сообщения 1810–1823. СПб, 1825. С. 40.

⁶² Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1813 от Рождества Христова. Ч. 1. СПб, 1813. С. 568.

⁶³ Приказы, отданные по Корпусу... С. 91–93.

⁶⁴ Там же. С. 120–121.

28 июня 1823 г. ему присвоено звание инженер генерал-майор⁶⁵. На должности председателя Комиссии Иван Дмитриевич Попов оставался вплоть до своей кончины 9 июля 1834 г.⁶⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иван Дмитриевич Попов прожил долгую жизнь, и всю ее он посвятил служению России. В указанном выше труде И. Ф. Штукенберга Попов и его различные проекты упоминаются многократно, пожалуй, чаще, чем труды какого-либо другого гидротехника того времени. Опыт и знания этого выдающегося специалиста активно использовались: исследовав четыре суворовских военных канала в Финляндии, он едет в междуречье Невы и Волхова, где приступает к прокладке и нивелировке маршрута канала. Едва закончив эту работу, Попов моментально уезжает в Западную Сибирь, на Обь, чтобы оттуда попасть на Ямал и приступить к новому проекту. Причем исследования в Заполярье он ведет даже зимой. Вернувшись с экспедиции на Ямал, Попов готовит к запуску участок важнейшей на тот момент Тихвинской водной системы. Параллельно разрабатывает канал возможного соединения Обского и Енисейского бассейнов.

Самый большой его проект — это трехгодичная экспедиция по исследованию возможности соединения бассейна Оби с Карской губой или бассейном Печоры. Здесь Попов проявил себя не только как опытный гидротехник, он оценивал результаты проведенных исследований с точки зрения развития России. По его мнению, из Сибири можно будет доставлять на внутренний и внешний рынки пушнину, различные металлы, мачтовый лес, смолу, доски, рыбу, избыток хлебных продуктов. В то же время Сибирь получит более дешевые и качественные товары «противу ныне привозимых в обозах». Устройство водного пути должно оживить промышленную жизнь Сибири и вовлечь в хозяйственный оборот России природные богатства, которые пока не принесли государству никакой пользы. Это, в свою очередь, должно помочь жителям Сибири выйти «из того бедного состояния, в каком ныне оные находятся»⁶⁷.

Спустя треть века, во время своего путешествия по Печоре, Василий Николаевич Латкин прошел маршрутом, исследованным Поповым. Свои рассуждения о возможности и выгоды прокладки здесь канала, соединяющего Печорский и Обский бассейны, Латкин изложил в путевых дневниках⁶⁸.

Маршрут, предложенный Поповым, не был использован, так случилось и с другими изысканиями. Но в этом случае результаты экспедиции пропали, об этом писал еще И. Ф. Штукенберг⁶⁹, хотя какие-то записи он явно видел. А вот П. И. Крузенштерн, высоко оценивая атласы, подготовленные Поповым, замечает, что кроме них он не обнаружил «никакого описания, никакого текста»⁷⁰. Возможно, именно поэтому долгое время все, что было известно об экспедиции, это то, что какой-то Попов в 1806–1808 гг. исследовал возможность соединений Оби с Печорой. И только спустя полтора века Пасецкий смог разыскать в архивах материалы об экспедиции.

В середине XX века проект, разработанный Иваном Дмитриевичем Поповым, был практически реализован, но только не в виде водного пути: вдоль намеченной им трассы через Урал ныне проходит участок Северной железной дороги.

References

Filin P. A., Emelina M. A., Savinov M. A. *Arktika za gran'yu fantastiki* [The Arctic beyond the Bounds of Fiction]. Moscow: Paulsen Publ., 2018. (In Russian).

Komleva E. V. [“Siberian Canal”: The Project of the Krasnoyarsk Merchant M. K. Sidorov to Connect the Ob and Yenisei Lower Reaches (1870s)]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2022, no. 3 (23), pp. 137–163. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-11 (In Russian).

⁶⁵ Список генералитета, штаб и обер-офицеров... С. 8.

⁶⁶ Генералитет Российской императорской армии и флота. URL: http://rusgeneral.ru/general_p4.html (дата обращения: 29.10.2023).

⁶⁷ Пасецкий В. М. Указ. соч. С. 42.

⁶⁸ Латкин В. Н. Указ. соч. С. 140–142.

⁶⁹ Stuckenberg von J. Ch. Op. cit. S. 300.

⁷⁰ Крузенштерн П. И. Указ. соч. С. 44.

Litvinova O. G. [History of Engineering Survey at Waterways of Siberia (The End of the XVIII — the XIX Century)]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvo-vedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 3 (53), part 3, pp. 111–116. (In Russian).

Pasetsky V. M. *Arkticheskiye puteshestviya rossiyan* [Arctic Travels of Russians]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. (In Russian).

Poberezhnikov I. V. [The North of Western Siberia in the Context of Russian Modernization of the XIX — early XX Centuries]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2013, iss. 3 (23), pp. 44–52. (In Russian).

Vazhenin S. G., Sukhikh V. V. [Crisis of Trust as a Reason for the Failure of Public-Private Partnerships in Russia in the 19th — Early 20th Centuries]. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO* [The All-Russian ECO Journal], 2016, vol. 46, no. 9, pp. 176–188. (In Russian).

УДК 94(470.5+477)“1920/1930”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-46-63

Михеев Михаил Викторович

к. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiaurooran@yandex.ru

**Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий
1920-х — 1930-х гг. (начало)***

АННОТАЦИЯ. Представленное исследование открывает цикл статей, посвященных проблеме межрегиональных экономических противоречий Урала и Украины в СССР межвоенного периода. В рассматриваемый период эти два региона сосредотачивали в себе подавляющую часть производительных сил советской черной металлургии. Таким образом, им предстояло стать полюсами роста для будущей сталинской индустриализации, что, в свою очередь, означало необходимость делить между Украиной и Уралом значительные капиталовложения, технические, сырьевые и людские ресурсы, реорганизовывать под них транспортную инфраструктуру СССР. Такой раздел не мог происходить без конфликтов и противоречий. Последние были во многом обусловлены инерцией экономического развития Урала и Украины в позднеимперский период. В конце XIX — начале XX в. два региона были готовы начать жесткую конкурентную борьбу за внутрисоветские рынки сбыта металлургической продукции. Первая мировая война и события 1917 г. прервали этот процесс, однако в Советском Союзе сохранялись тенденции, противопоставлявшие Урал и Украину друг другу. При этом они были не только продолжением дореволюционных проектов территориальной реорганизации российской экономики, но и являлись результатом изменившейся экономической и политической конъюнктуры в послереволюционный период. Настоящая статья представляет собой первую часть нашего исследования. Она затрагивает актуальные, в преддверии индустриализации, вопросы генезиса урало-украинских противоречий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, Украина, Западная Сибирь, Юг России, позднеимперский период, индустриализация, регионализм

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159. Автор выражает благодарность к. и. н. Г. Н. Шумкину и к. и. н. М. И. Веберу за консультации в ходе подготовки статьи. Ввиду масштаба поднятой темы, редакция приглашает заинтересованных исследователей к дискуссии.

UDC 94(470.5+477)“1920/1930”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-46-63

Mikhail V. Mikheev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiiauroran@yandex.ru

**The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions
of the 1920s — 1930s (Part 1)**

ABSTRACT. The presented research opens a series of articles devoted to the problem of interregional economic contradictions between the Urals and Ukraine in the USSR during the interwar period. During the period under review, these two regions concentrated the vast majority of the productive forces of the Soviet ferrous metallurgy. Thus, they were to become poles of growth for the future Stalinist industrialization, which in turn meant the need to divide significant investments, technical, raw materials and human resources between Ukraine and the Urals, and reorganize the USSR transport infrastructure for them. Such a redistribution could not happen without conflicts and contradictions. The latter were due to the inertia of the economic development of the Urals and Ukraine in the late Imperial period. In the late XIX — early XX centuries, the two regions were about to start a fierce competition for domestic markets for metallurgical products. The First World War and the 1917 events interrupted this process, however, in the Soviet Union, trends persisted that opposed the Urals and Ukraine to each other. At the same time, they were not only a continuation of pre-revolutionary projects of territorial reorganization of Russia's economy, but were also the result of the changed economic and political conjuncture in the post-revolutionary period. The article is the first part of our research. It concerns the issues of the genesis of the Ural-Ukrainian contradictions that were relevant in the run-up to industrialization.

KEYWORDS: Urals, Ukraine, Western Siberia, Southern Russia, Late Imperial period, industrialization, sectionalism

ВВЕДЕНИЕ

С победой Октябрьской революции перед правительством большевиков остро стояли проблемы поддержания на удовлетворительном уровне экономических институтов Советской России. При этом решающее значение отводилось сохранению, развитию и модернизации производительных сил отечественной тяжелой промышленности. Их «основными узлами» современники обоснованно называли каменный уголь и черный металл. В них видели «эмбрионы» будущей программы индустриализации¹.

В своей деятельности по организации индустрии новой России советское правительство было вынуждено исходить из конъюнктуры размещения металлургических предприятий, сложившейся в позднеимперский период. Профессор Харьковского института народного хозяйства П. И. Фомин в середине 1920-х гг. писал: «Тенденция к восстановлению довоенных отношений и пропорций не является каким-то мистическим моментом нашей современной экономики, но, проявляясь в самых разнообразных мерах народного хозяйства, отражает тот факт, не подлежащий никакому сомнению, что имевшее до сих пор место развитие нашего народного хозяйства и прежде всего промышленности определяется прежде всего структурой основного капитала нашего народного хозяйства, унаследованного нами от довоенного периода. Именно этим основным капиталом приходится нам работать и удовлетворять наши потребности, и в зависимости от его типа и структуры определяется характер производства, в свою очередь составляющий основной элемент в определении рыночных связей, которые в значительной степени, именно благодаря этому, и стремятся к пресловутому довоенному уровню»². Общеизвестно, что к 1917 г. районами концентрации этой отрасли промышленности являлись горнозаводской Урал и Донецко-Криворожский район (Юг России), производившие более 80 % металлургической продукции бывшей Российской империи (рис. 1–4).

При этом технические, географические и организационные условия функционирования промышленности двух регионов были почти диаметрально противоположны.

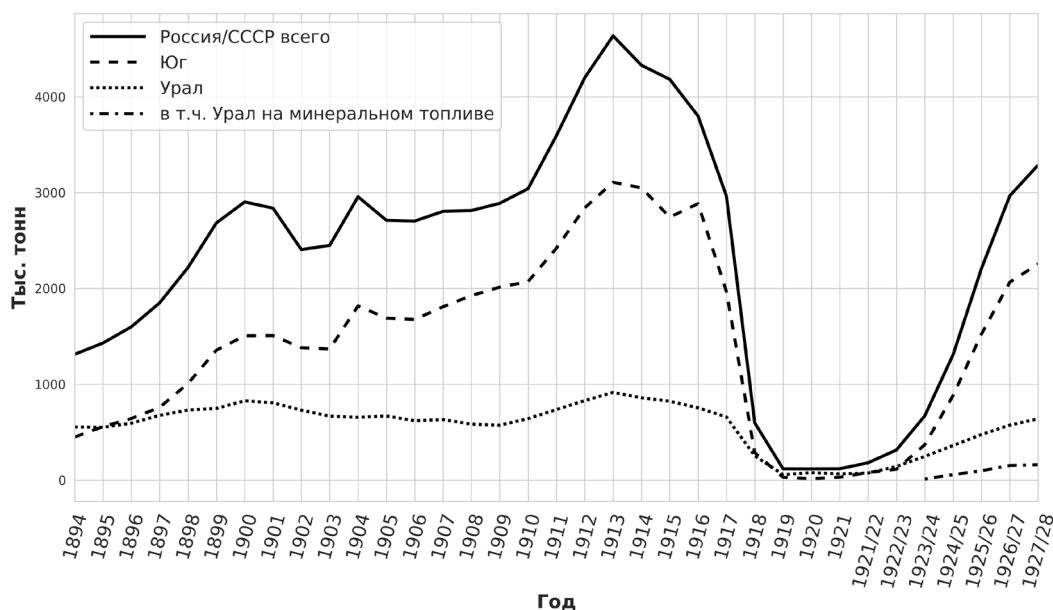

Рис. 1. Выплавка чугуна в России и СССР в 1894–1928 гг. (тыс. тонн). Источник: Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 229–230; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 2–3, 40–41; Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 164–166; Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития. Материалы к партконференции 1929 г. М., 1929. С. 15

¹ См.: Фомин П. И. Уголь и железо в предстоящей хозяйственной конъюнктуре // Уголь и железо. 1925. № 1. С. 102.

² Там же. С. 99.

УРАЛ

Металлургическая промышленность Урала складывалась и развивалась в течение XVIII в., в условиях крепостного права, остаточные явления которого продолжали влиять на экономику региона вплоть до начала XX в. В первую очередь они выражались в крупных земельных владениях, закрепленных за металлургическими заводами — лесными дачами, размерами в сотни гектаров. Лесные дачи служили для заготовления древесного угля, на котором выплавлялся уральский металл. Технология древесноугольной металлургии ограничивала количество произведенного металла, лимитируя его как лесными ресурсами, так и высотой древесноугольных доменных печей, которая ограничивалась плотностью древесного угля. Вместе с этим чистота древесного угля от посторонних примесей (сера, фосфор и т. д.) позволяла осуществлять изготовление качественного сортового железа (кровельное, полосовое и т. п.), пользовавшегося неизменным успехом на рынке. Это в долгосрочной перспективе допускало поддержание существующего уровня производства, но исключало резкий рост выплавки металла, несмотря на наличие крупных разведанных запасов железной руды (только запасы горы Магнитной приблизительно оценивались современниками в 330 млн тонн³). Слабая взаимозависимость уральских предприятий друг от друга также мешала их синдикатской организации на региональном уровне, что в условиях позднеимперской России являлось помехой возможностям выхода уральского металла на новые рынки и угрожало его позициям среди традиционных потребителей. Даже соединение в 1890-х гг. Горнозаводского Урала с сетью российских железных дорог посредством строительства Транссибирской магистрали не позволило уральским производителям организовать сбыт своего металла на Западе и тем более Юге Европейской России, хотя доступ к железным дорогам позволил несколько нивелировать ущерб от падения продаж уральского металла на Нижегородской ярмарке, в особенности после экономического кризиса 1900–1903 гг.⁴ Как отмечал в 1903 г. современник: «На Урале исторически сложился совершенно своеобразный тип промышленного производства, возвращенного на крепостном праве. Владельцы заводов, преимущественно из старинной знати, до сих пор не отрешились от взгляда на свои предприятия как на вотчины, а на себя как на сытых рентьеров, слишком далеких от современных приемов коммерческой деятельности»⁵.

Юг России и предпосылки к его конкуренции с Уралом

Тем временем металлургия Юга практиковала «современные приемы коммерческой деятельности» в полной мере. Первые опыты выплавки чугуна на каменном угле Донецкого бассейна были предприняты здесь в конце XVIII — начале XIX в. Подобно тому, как на Урале полномасштабная эксплуатация богатых месторождений железных руд лимитировалась топливными ресурсами, на Юге железоделательная промышленность, несмотря на обширные залежи каменного угля в Донбассе, долгое время была ограничена бедностью разведанных запасов железных руд (40 %). Открытие и последующая эксплуатация месторождения железной руды в Кривом Роге (65 %) в корне изменили ситуацию. Этому активно способствовали заградительные пошлины на ввоз в Россию чугуна и железа, покровительственные железнодорожные тарифы, введенные в 1880-х гг., и щедрые государственные заказы, в первую очередь на рельсы, пользовавшиеся спросом ввиду активного железнодорожного строительства 1890-х гг.⁶ С вводом в эксплуатацию Екатерининской железной дороги (1886 г.) залежи железной руды Кривого Рога с коксующимся углем Донбасса оказались соединены в пределах Екатеринославской и Херсонской губерний.

³ См.: Рагозин Е. И. Железо и уголь на Юге России. СПб, 1895. С. 43.

⁴ Нечаев М. Г. Экономический кризис 1900–1903 годов и его роль в развитии уральской промышленности // Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 103–119.

⁵ Рагозин Е. И. Железо и уголь на Урале. СПб, 1902. С. 132–133.

⁶ Рагозин Е. И. Железо и уголь на Юге России. СПб, 1895. С. 5–16.

Организация там плавки с опорой на минеральное топливо демонстрировала внушительные результаты (рис. 2–4). Если в 1887 г. доля Юга в общероссийском металлургическом производстве находилась на уровне 10 %, то к 1913 г. она достигала 57–67%. В то же время доля Урала упала с 44–65 % до 10 %⁷. В среднем в 1890 г. южная доменная печь на минеральном топливе выплавляла 22,9 тыс. тонн чугуна, уральская на древесном — только 3,6 тыс. тонн, ведь высокая плотность минерального топлива не лимитировала размер домен на Юге так, как на Урале. Применение в производстве горячего дутья и паровых машин также шло на Юге гораздо быстрее, чем на Урале⁸.

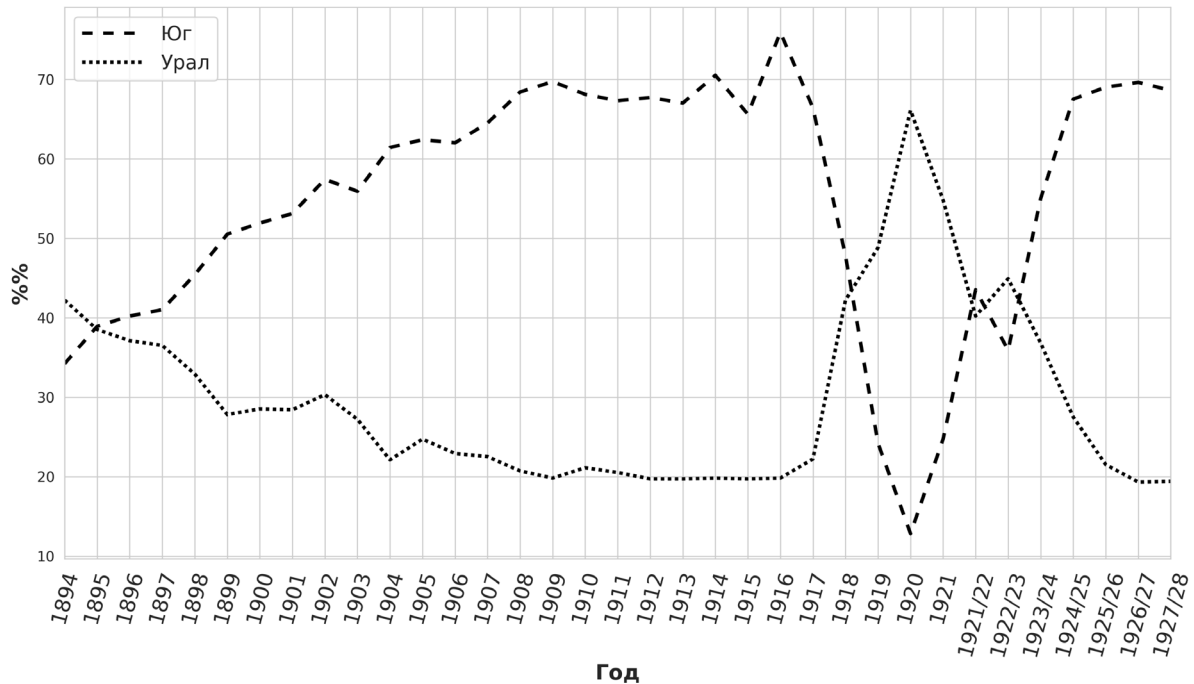

Рис. 2. Доля Урала и Юга в общероссийской/общесоюзной выплавке чугуна в 1894–1928 гг. (%).
Источник: данные рис. 1

В 1899 г. в примечаниях к ставшей классической монографии «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал: «До сих пор Урал и Юг почти не конкурируют друг с другом, работая на различные рынки и живя главным образом казенными заказами. Но обильные дожди казенных заказов не вечны»⁹.

Стремительный рост производства металла на Юге не мог продолжаться в отсутствие равновеликого спроса. Его поддержание требовало от южнорусских промышленников обеспечить себе постоянно растущие рынки сбыта. Эта потребность проявила себя в полной мере на фоне кризиса 1900–1903 гг., заметно ускорившего начавшееся еще в последней четверти XIX в. синдицирование южнорусской металлургии. Ее кульминацией стало создание в начале XX в. трех синдикатов, занявших в российской экономике ключевые позиции по продаже металла, угля и руды. Так, 80 % сбыта листового универсального железа контролировало возникшее в 1902 г. Общество для продажи изделий русских металлургических заводов (Продамет), от 60 % до 70 % продаж донецкого угля контролировало основанное в 1904 г. Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна (Продуголь). Продажа 80 % поступавшей на рынок руды осуществлялась учрежденным в 1908 г. Обществом для продажи руды Юга России (Продрудра). Особенно агрессивным поведением на российском рынке отличился Продамет. Синдикат проводил неуклонную политику по повышению цен на собственную продукцию, одновременно устанавливая демпинговые низкие

⁷ Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914. С. 372, 380–381.

⁸ Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 3. М., 1951. С. 420–429.

⁹ Там же. С. 432.

цены в районах сбыта продукции конкурентов (в первую очередь в Нижегородской и Саратовской губерниях, с целью вытеснения оттуда уральского металла)¹⁰.

Тем не менее к 1917 г. однозначно говорить о межтерриториальных противоречиях Урала и Юга было преждевременно. Своеобразная система формирования промышленных трестов на Юге по отраслевому принципу допускала случаи участия в южных синдикатах предприятий, находившихся за пределами региона, синдицирования уральских предприятий не происходило вовсе, увлечение членов правлений сложившихся синдикатов спекуляциями на фоне Первой мировой войны ставило складывавшиеся монополии под удар государственного вмешательства и даже приводило к их распаду в силу внутренних противоречий¹¹. В 1916 г. выпуск металлургической продукции двух регионов упал в среднем на 20 % в сравнении с уровнем 1913 г. (рис. 1, 3, 5).

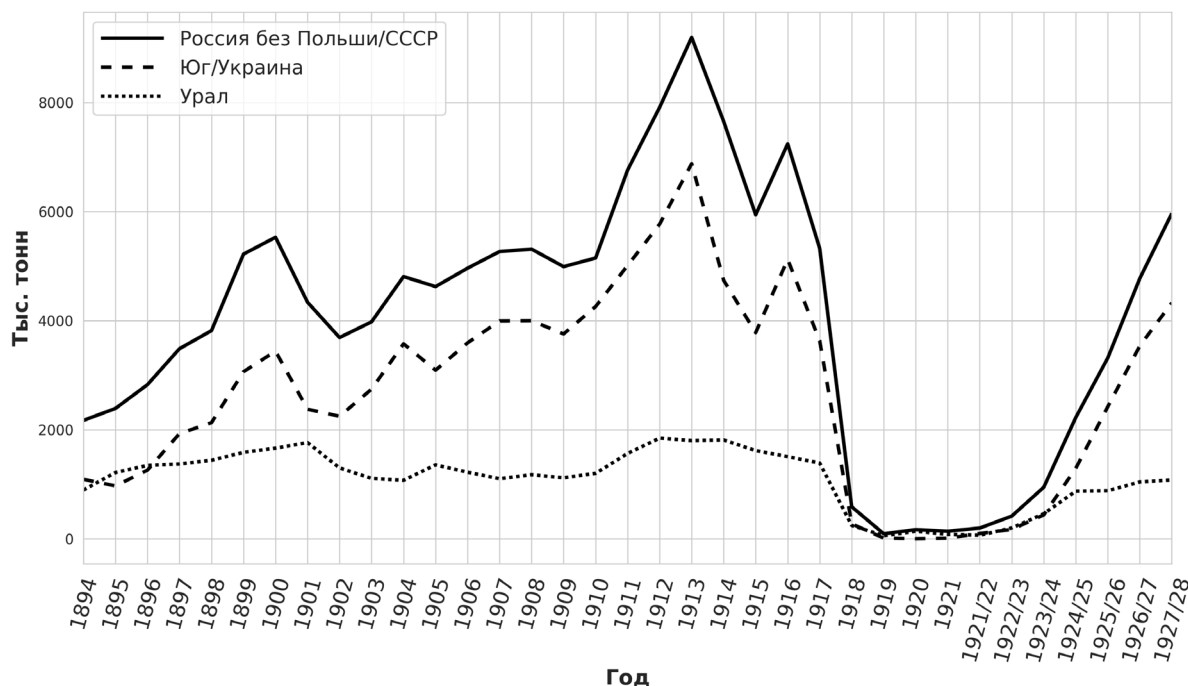

Рис. 3. Добыча железной руды в России и СССР в 1894–1928 гг. (тыс. тонн). Источник: Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 231; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 22–24; Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 172; Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития. Материалы к партконференции 1929 г. М., 1929. С. 15; Уральское хозяйство в цифрах 1927 г. Свердловск, 1927. С. 274; Уральское хозяйство в цифрах 1928 г. Свердловск, 1928. С. 172; Уральское хозяйство в цифрах 1929 г. Свердловск, 1929. С. 168

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

После событий 1917 г. и Юг, и Урал стали театрами гражданской войны разной степени интенсивности. Если на Юге постоянная смена власти и боевые действия имели место вплоть до разгрома армии А. И. Деникина в конце 1919 г., то Урал, за исключением времени нахождения под управлением правительства А. В. Колчака с октября 1918 г. по июль 1919 г., контролировался советской властью. Вызванное Гражданской войной катастрофическое падение объема выпускаемой промышленной продукции на Урале, составившей около 12 % от довоенного уровня, тем не менее не достигло здесь нулевых отметок, как на Юге. В период 1918–1923 гг. Урал производил более 50 % металлургической продукции на территории бывшей Российской империи, а в 1920 г. — почти 70 % (рис. 2, 4). Внезапное доминирование Урала во многом было обусловлено сохранявшимися здесь

¹⁰ Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 136–151.

¹¹ Там же. С. 163–191.

архаичными элементами в организации и технологии производства, обеспечивавшими местным предприятиям хозяйственную автономию, которая, в свою очередь, позволяла им сопротивляться разрушительному влиянию внешних факторов успешнее, чем на Юге. Южная же металлургия, являясь наиболее развитой и концентрированной отраслью промышленности в России, оказалась сильнее уязвима для деструктивных экономических и политических процессов в стране.

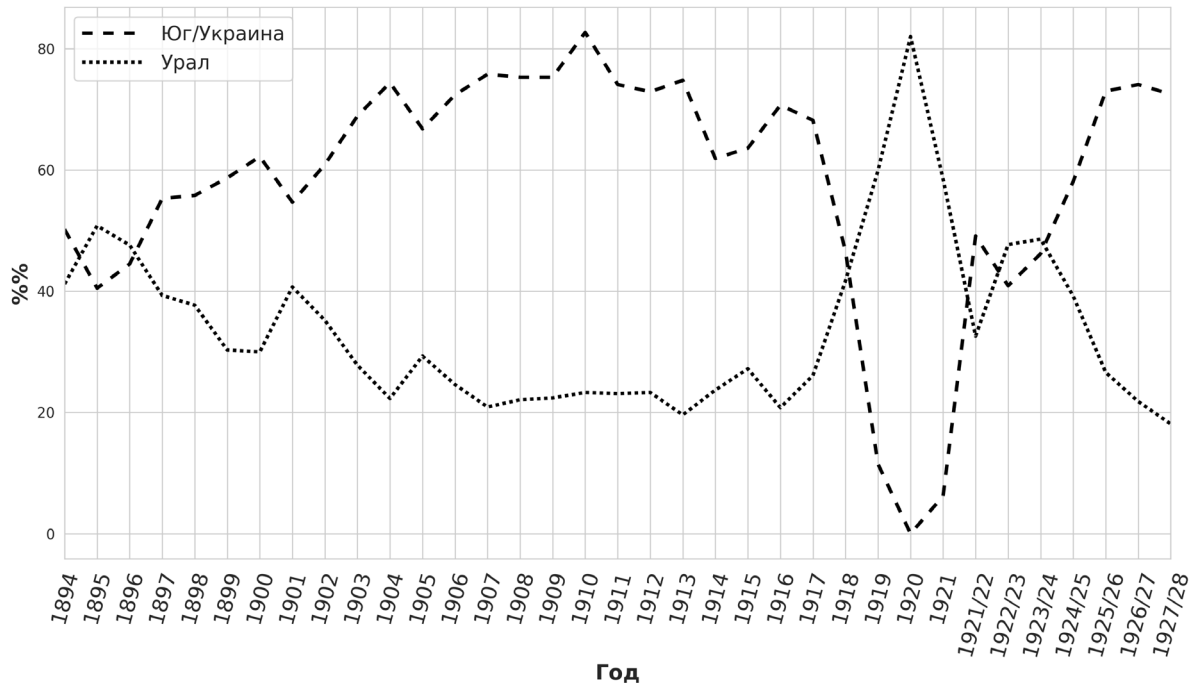

Рис. 4. Доля Урала и Юга в общероссийской (без Царства Польского)/общесоюзной добыче железной руды в 1894–1928 гг. (%). Источник: данные рис. 3

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УРАЛА

Вынужденное доминирование Урала не продлилось долго. К середине 1920-х гг. Юг восстановил свое доминирование в национальной металлургии практически в полной мере (80 %). В это время металлургическая промышленность двух регионов еще не достигла дореволюционных показателей, но уверенно приближалась к ним. 20 августа 1925 г. газета «Экономическая жизнь» сообщала: «Мы подходим к концу восстановительного процесса. Страна приступает к широкой работе по реконструкции всего хозяйства. Нужно осознать, что все старые проблемы в итоге этого ставятся совершенно по-новому»¹². При этом «неразрывная связь между развитием каменноугольной и металлургической промышленностью, с одной стороны, и реконструкционными процессами нашего народного хозяйства — с другой стороны»¹³ продолжала сохранять решающее значение. Старая, обозначившаяся в позднеимперское время проблема противоречий Урала и Юга не могла в этих условиях не получить своего дальнейшего развития: «Конкуренция южного и уральского металла [...] была всегда очень ярким фактом на протяжении всей истории нашей металлургической промышленности. В прежнее, дореволюционное время вопросы этого рода разрешались борьбой за железнодорожные тарифы, ходатайствами перед правительством, образованием картельных соглашений. Для нас [сейчас. — М. М.] обязательно не стихийное, а плановое разрешение этого вопроса»¹⁴ — сообщал в 1925 г. издававшийся в Харькове технико-экономический журнал «Уголь и железо».

¹² Цит по: Фомин П. И. Указ. соч. С. 98.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 103.

«Плановое разрешение» отнюдь не означало разрешение бесконфликтное. Реконструкция советской тяжелой индустрии была невозможна без привнесения средств в эту индустрию извне, причем в форме долгосрочного инвестирования. Обеспечить такое инвестирование в условиях плановой экономики было возможно только в виде прямого государственного финансирования металлургических производств. Последнее означало неминуемую борьбу за капиталовложения между предприятиями Урала и Юга, ведь социалистическая система отнюдь не уничтожила основания для конкуренции двух регионов. Более того, в организационном плане они, пожалуй, укрепились в том числе за счет кампании по трестированию, проводившейся в соответствии с постановлением Совета труда и обороны от 12 августа 1921 г.¹⁵ Так бывшая южнорусская промышленность была преимущественно объединена в три отраслевых треста: Южно-рудный трест (ЮРТ), объединявший предприятия горнорудной промышленности; Южный Металлургический трест (Югосталь), контролировавший преимущественно металлургические заводы, Донецкий государственный трест по производству и продаже каменного угля и антрацита (Донуголь), в ведении которого находились каменноугольные предприятия Донецкого бассейна. Правления всех трех трестов располагались в тогдашней столице Украинской ССР, городе Харькове. В принципе, предприятия Юга по большей части (исключая угольные месторождения близ Ростова-на-Дону) находились на территории Советской Украины. Автономия Украинской ССР своеобразно объединила их. Располагавшийся в Харькове Госплан УССР формировал программы развития южных предприятий. Правительства УССР и ЦК КП(б)У, представленные в системе общесоюзной власти, имели возможности лоббирования экономических интересов Юга и пользовались ими. Таким образом, в начале 1920-х гг. концентрация южнорусской промышленности, имевшая место в дореволюционное время, во многом была завершена при помощи государственных институтов УССР.

Промышленность Урала, на первый взгляд, находилась в худших условиях. Несмотря на то, что в ходе кампании по районированию территориально она была объединена в границах Уральской области, а кампания по трестированию в 1922–1927 гг. объединила металлургические и горнодобывающие предприятия Урала в Уральский горно-металлургический трест (Уралмет), она оказалась серьезно лимитирована в своем развитии¹⁶. Как и ранее, эти ограничения были выражены в недостатке топлива. Тем не менее кризисные события Гражданской войны, когда Урал на короткий период оставался единственным для Советской России источником металлургической продукции, успели обратить на него внимание советского правительства, причем в контексте располагавшегося в Западной Сибири Кузнецкого угольного бассейна.

УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ ПРОЕКТ

28 апреля 1918 г., вскоре после заключения Брестского мира, газета «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Очередные задачи советской власти», в которой председатель Совнаркома среди прочего отмечал: «Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь) [...] и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»¹⁷. По воспоминаниям Л. Д. Троцкого, в личных беседах В. И. Ленин выражался более откровенно: «Отступим дальше, на восток, на Урал [...] Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь [...] Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург»¹⁸. Аналогичные соображения В. И. Ленина отразились в «Наброске плана научно-технических работ», подразумевавшем «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки

¹⁵ Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 67.

¹⁶ См.: Итоги работы треста «Уралмет» за 1927–28 г. и перспективы на 1928–29 г. Свердловск, 1939.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 27. М., 1952. С. 228.

¹⁸ Цит. по: Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 25.

полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта», что, по мнению главы советского правительства, гарантировало «наибольшее обеспечение теперешней Российской советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности»¹⁹.

Даже после восстановления советской власти на Юге восточные регионы продолжали пользоваться вниманием центрального правительства и общесоюзных органов хозяйственного управления. К примеру, в мае 1925 г., при обсуждении урочного положения для каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, Донуглю «настоятельно» рекомендовали использовать принятое ранее урочное положение по горным работам Кузбасстреста²⁰.

Идея соединения уральских железных руд и кузнецких каменных углей транспортной магистралью с последующей организацией плавок уральских руд на минеральном топливе вместо древесного во многом была воспринята у довоенных экономистов. В 1913 г. на XVIII Съезде горнопромышленников Урала Советом Съездов было высказано мнение, что «уральская промышленность должна с полным вниманием отнестись к обнаружению новых источников снабжения ее хорошего качества топливом, если стоимость последнего будет доступна заводам по экономическим расчетам»²¹. К тому времени на Урале уже давно ощущалась серьезная нужда в минеральном топливе, пригодном для металлургических процессов. Древесное топливо, на котором велась выплавка уральского чугуна, все более истощалось, делая обеспечение заводов древесным углем все более трудным. Такое истощение, по словам Совета, ставило «угрожающие препятствия не только дальнейшему развитию уральской железной [...] промышленности, но поддержанию ее в современных размерах». Незадолго до этого, в ноябре 1912 г., было учреждено Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество (Копикуз), с целью поиска и разработки каменного угля на монополюльно арендованных на 60 лет землях, расположенных в Алтайском горном округе и ограниченных с запада и севера течением реки Оби, с востока границами округа и с юга широтой села Ильинское на реке Томь, а также на отдельных территориях к югу, вплоть до течения реки Бия²². Общество взяло на себя обязательства добывать к четвертому году аренды не менее 200 тыс. тонн угля в год. В число первоочередных задач Общества входило строительство транспортной инфраструктуры региона, соединение его с Транссибирской железнодорожной магистралью. С этой целью учредителями Общества было организовано Акционерное общество Кольчугинской железной дороги (фактически подчиненное Копикузу), которое позже, в 1916 г., завершит строительство и ввод в эксплуатацию железнодорожных путей по направлению Кольчугино — Юрга (Кольчугинская железная дорога) протяженностью в 200 км²³. Совет Съездов отметил «отрадными» инициативы Копикуза по эксплуатации каменноугольных ресурсов Западной Сибири постольку, поскольку, по мнению Совета, по окончании строительства Кольчугинской дороги Кузнецкий бассейн оказывался связан железнодорожным сообщением с центром горнозаводского Урала, что делало экономически целесообразным перевозку туда коксующихся углей на расстояние около 2000 км. Кроме возможности для уральских заводов получать сибирский кокс по железной дороге, Совет указывал на возможности организации водного сообщения между двумя регионами, опираясь на существующую систему водного сообщения между Томском и Богословскими заводами. Последние сплавляли свое железо в Томск по системе реки Оби. Железо грузилось на барки на реке Сосьве и по рекам Сосьве, Тавде, Тоболу и Иртышу до реки Оби (у города Самарова). После железо поднималось вверх по течению Оби и Томи до города Томска. Совет указывал на возможность поднять разгрузившиеся в Томске баржи на 190 км выше к Кемерово с тем, чтобы, загрузив их каменным углем, вернуть на Урал. Также обращалось внимание на возможность сплава угля с реки Иртыш по реке Туре до Тюмени с последующей погрузкой на железную дорогу

¹⁹ Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 27. М., 1952. С. 288.

²⁰ Монтлевич Е. М. К вопросу об урочном положении на горные работы для каменноугольной промышленности Донбасса // Уголь и железо. 1925. № 1. С. 115.

²¹ С. Б. [автора установить не удалось] Кузнецкий каменноугольный бассейн и его значение для металлургической промышленности Урала // Горнозаводское дело. 1913. № 35. С. 7745.

²² См.: Баев О. В. Иностраный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX — начало XX в.). Кемерово, 2004. С. 140–171.

²³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 682. Л. 13; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 682. Л. 4–21.

и осуществление, таким образом, комбинированной доставки каменного угля на Урал. Исходя из названных соображений, Совет съездов утверждал, что «вопрос снабжения Урала металлургическим коксом высокого качества находится в настоящее время на пути к разрешению»²⁴.

Не следует переоценивать перечисленные соображения Совета. Во многом они носили характер благих пожеланий. Комбинированные перевозки минерального топлива водным и железнодорожным путем, например, ставили производство в сильную зависимость от погодных и климатических условий, целесообразность их сочетания не была очевидна даже впоследствии и вызывала активные дискуссии среди инженеров и металлургов, например, спустя 40 лет, при проектировании Череповецкого металлургического завода²⁵. Имеющиеся в распоряжении исследователей документы говорят о том, что Копикуз в своей работе ориентировался в первую очередь на продажу кузнецких углей сибирским железным дорогам и в перспективе на организацию ограниченного металлургического производства объемом до 500 тыс. тонн за счет устройства металлургического завода близ станции Куштулень Кольчугинской железной дороги (см. цв. вклейку, рис. 10). Этот завод должен был осуществлять плавку тельбесских железных руд, объем которых до революции только предварительно оценивался примерно в 30 млн тонн залежей магнитного железняка с содержанием металлического железа в диапазоне от 56 % до 64 %²⁶. Соображения экономической эффективности в условиях капиталистической экономики делали проект соединения уральских руд и западносибирского угля если не фантастической, то весьма отдаленной перспективой.

В 1918 г. политическая обстановка заставила советское правительство взглянуть на этот «так называемый» Урало-Кузнецкий проект всерьез. Весной 1918 г. ВСНХ был объявлен конкурс на разработку проекта хозяйственного объединения Урала и Кузнецкого бассейна. В начале 1920-х гг. в распоряжение Сибирской секции Госплана СССР находился отправной вариант проекта, разрабатывавшийся Обществом и Союзом сибирских инженеров при посредстве ряда специалистов-энтузиастов Урала и Сибири. Исходным заданием для разработки Урало-Кузнецкого проекта была принята потребность в выпуске на рынок из четырех новых заводов «американского типа» до 3,3 млн тонн коксового чугуна ежегодно. Из этого количества на долю Урала было намечено 2,5 млн тонн (три завода) и 0,8 млн (четвертый завод) на долю Кузнецкого района (Тельбесские руды). В 1924 г. И. И. Федорович, перешедший на сторону советской власти бывший директор-распорядитель Копикуза, комментировал это так: «Урал обладает колоссальными запасами превосходных по качеству руд: он ведет доменную плавку исключительно на древесном угле, так как коксующихся каменных углей на Урале нет, что и является главным тормозом к значительному увеличению производительности уральских домен. Запасы коксующихся углей мирового значения находятся в 1700 верстах²⁷ от Урала — в Сибири, в Томской губернии, в так называемом Кузнецком бассейне. Чтобы использовать надлежащим образом рудные богатства Урала, чтобы осуществить это быстро, необходимо созданием мощного транспорта привести их в соприкосновение с угольными богатствами Кузнецкого бассейна, чтобы осуществить плавку Уральских руд на коксе сибирских углей»²⁸.

Таким образом, первоочередным техническим условием проекта была организация прямого железнодорожного сообщения между месторождениями угля и железной руды двух регионов (см. цв. вклейку, рис. 10). Наряду с техническим, существовали экономические условия, выражавшиеся в рабочем и продовольственном вопросе. В условиях государственной собственности на средства производства доминировавший до революции вопрос железнодорожного тарифа отходил на третий план. Для осуществления перевозок по заданиям Урало-Кузнецкого проекта, кроме переустройства существующих железных дорог, для увеличения пропускной способности было необходимо построить три новые линии общей протяженностью около 1000 км. Эта постройка была необходима как для сокращения пробега, так и вследствие отсутствия железнодорожных путей вблизи крупных железнорудных месторождений, в первую очередь горы Магнитной. Следует отметить, что отсутствие лесных ресурсов вблизи крупнейших рудных

²⁴ С. Б. Указ. соч. С. 7744–7745.

²⁵ См., напр.: Челноков Б. В. ЧМЗ ЧМК — АО «Северсталь» (Историческая ошибка или образец инженерно-технической мысли?) // Череповец: Краеведческий альманах. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 78–92.

²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–12.

²⁷ 1700 верст — 1813 километров.

²⁸ Материалы Госплана. Книга I. Перспективы хозяйства Сибири. М., 1924. С. 181.

месторождений Южного Урала предполагало распространение на них коксовых плавок в первую очередь²⁹. Здесь и намечалась постройка трех из четырех новых металлургических заводов.

Однако фактически к 1928 г. развитие металлургической индустрии на Урале осуществлялось в рамках переоборудования с целью усиления мощности отдельных существующих производственных единиц и модернизации их оборудования. Древесноугольная металлургия на Урале постепенно сдавала свои позиции, но доминирование в регионе теряла медленно. Различие Урала и Украины по-прежнему определяли масштаб применяемого здесь оборудования и сохранявшееся своеобразие уральской топливной базы. Если средняя суточная выплавка на одну доменную печь Югостали в 1927 г. составляла 250 тонн, то на Урале — 66 тонн, если на Украине уже были построены и эксплуатировались домы с суточной мощностью около 500 тонн, то на Урале только планировалась постройка 450-тонной домны в 1932 г. в Нижней Салде. Максимальный стандартный суточный масштаб выплавки древесноугольной домны составлял 100 тонн. Увеличение мощности домен могло быть осуществлено только с развитием плавки чугуна на минеральном топливе. Минеральное топливо на Урале удалось начать применять массово только в 1924 г., когда на нем было выплавлено 10,3 тыс. тонн чугуна, или 4 % от общеуральской плавки. В 1928 г. эту долю удалось увеличить до 25 %, что составило 159,6 тыс. тонн, в первую очередь за счет перевозок каменного угля из Западной Сибири (рис. 5, б). Переход на минеральное топливо обеспечивался за счет перестройки древесноугольных домен. В 1928 г. намечалось продолжить процесс укрепления мощности доменных печей на Урале, доведя в 1932 г. среднесуточную производительность одной каменноугольной домны до 173,7 тонны в сутки, а древесноугольной до 96,2 тонны в сутки, а в среднем до 110,9 тонны суточной нормы³⁰.

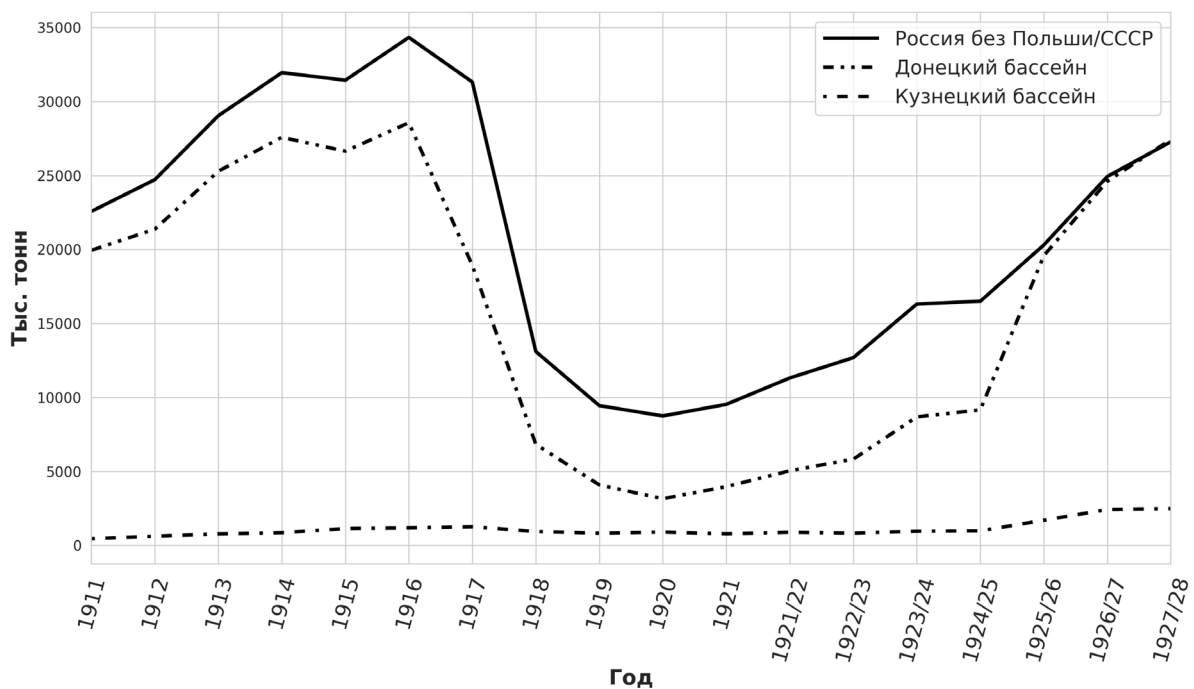

Рис. 5. Добыча каменного угля в России и СССР в 1911–1928 гг. (тыс. тонн). Источник: Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 231; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 2–3, 139–141; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 242; Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития. Материалы к партконференции 1929 г. М., 1929. С. 15

²⁹ Там же. С. 187.

³⁰ Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 165–167.

Рис. 6. Доля Юга и Западной Сибири в общероссийской (без Царства Польского) / общесоюзной добыче каменного угля в 1911–1928 гг. (%). Источник: данные рис. 5

ДОНЕЦКО-УРАЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Урало-Кузнецкий проект не являлся безальтернативным. С 1890-х гг. в России обсуждалась программа вывоза уральских руд на запад для их плавки на донецких каменных углях. Она основывалась на имевших место в конце XIX в. прогнозах скорого исчерпания железорудных месторождений Кривого Рога и в общих чертах была опубликована Ч. В. Монковским в 1897 г. на страницах Известий общества горных инженеров. Отмечая напряженную работу рудников Кривого Рога, выражавшуюся в 35 % подорожании добывавшейся там 60 % руды, Монковский предсказывал скорую выработку богатых криворожских пластов. Таким образом, благополучию южно-русской металлургии угрожала столь же серьезная опасность в виде недостатка руды, какую Урал уже испытывал в недостатке топлива: «Ни тому, ни другому району не справиться собственными силами с недугом, хроническим для Урала [...] и явственно надвигающимся для нашего Юга. Но если два колосса, удручаемые равносильным бедствием, вступят на путь взаимопомощи, если Южный Урал снабдит Донецкий бассейн рудой, а Донецкий бассейн пошлет Уралу в обмен свое минеральное топливо, подобное единение приведет к обоюдовыгодным результатам необычайного значения»³¹. В 1897 г. проект соединения Урала и Донбасса был заслушан на XXII Съезде горнопромышленников Юга России. Транспортная инфраструктура такого проекта опять-таки должна была носить смешанный водно-железнодорожный характер. По специально построенной железной дороге руда Южного Урала должна была быть вывезена в Самару через Уфу (1300 км), далее по Волге из Самары в Царицын (850 км). Навстречу ей из Дебальцево в Царицын предполагалось организовать вывоз донецкого угля (550 км). Также рассматривались варианты железнодорожных перевозок между Царицыным и Самарой в счет будущего соединения Царицына со станцией Кротовка Самаро-Златоустовской железной дороги, по проекту, выдвигавшемуся Обществом Урало-Рязанской железной дороги (650 км). Таким образом, плечо перевозок между Донбассом и Уралом могло превышать 2500 км, что было почти на четверть больше плеча перевозок из Урала в Западную Сибирь. Однако, в случае создания промежуточной металлургической базы в Царицыне,

³¹ Монковский Ч. В. Донецкий каменный уголь и уральская железная руда // Известия Общества горных инженеров. 1897. № 9. С. 3.

оно могло сократиться до 2000 км из Урала и 550 км из Донбасса. Проект «Царицынского» варианта был опубликован в 1913 г. инженером С. П. Фармаковским (см. цв. вклейку, рис. 10)³². При этом производительные силы «Урало-Донецкой комбинации» располагались в густонаселенных районах, оснащенных густой железнодорожной сетью и рассеченных волжским речным судоходством. Это, с одной стороны, приближало новые производства к рынкам сбыта, с другой — снимало актуальные для Урало-Кузбасса проблемы привлечения рабочей силы и продовольственной безопасности. Близость бакинских нефтяных приисков также могла сыграть в дальнейшем значительную роль. Вместе с этим новый Урало-Донецкий проект означал серьезное возрастание нагрузки на Донецкий бассейн. Фактически ему предстояло обеспечивать три металлургических района: один в Криворожье, другой в Приазовье (керченская руда) и третий — связанный с масштабной плавкой уральской руды, но в конце XIX в. специалисты не считались с этой нагрузкой, полагая залежи донецкого каменного угля неисчерпаемыми даже в отдаленной перспективе.

К середине 1920-х гг. Урало-Донецкий проект не был забыт и рассматривался специалистами в качестве одного из вариантов территориальной организации советской металлургии в ходе будущей индустриализации³³.

РАСПЫЛЕНИЕ РЕСУРСОВ ДОНБАССА

Еще накануне Первой мировой войны критически возросла нагрузка на Донецкий бассейн и его транспортную инфраструктуру. Последняя не вполне справлялась с вывозом добываемого в бассейне угля (свыше 25 млн тонн). Уже в конце 1913 г. и в 1914 г. руководство местных железных дорог было вынуждено непрерывно применять систему сложных кружных направлений грузов как непосредственно с мест погрузки, так равно и с узловых пунктов, дабы обойти постоянно образовавшиеся переполнения грузовых потоков тех или иных направлений. Во время войны, когда добыча на Донбассе достигла максимума в 28,5 млн тонн, после утраты располагавшегося в Царстве Польском Домбровского бассейна и с потерей возможности получения иностранного топлива, к Донбассу оказались предъявлены особо повышенные требования, в первую очередь в части вывоза на Север и Северо-Запад (Петроград). При этом в 1916 г., для того чтобы справиться с усиленным вывозом в столицу, МПС пришлось прибегать к таким исключительным мероприятиям, как организация «товарных недель», во время которых на недельные и двухнедельные периоды на магистрали Курск — Москва — Петроград приостанавливалось почти полностью пассажирское движение и за счет этого увеличивался пропуск товарных поездов³⁴. С окончанием войны такая трансформация потоков в сторону Северо-Запада не исчезла, потоки по вывозу угля на Северо-Запад возрастали даже в сравнении с общим ростом добычи в большей пропорции, вплоть до начала Великой Отечественной войны³⁵.

Восстановление украинской металлургии в 1920-х гг. протекало не безуспешно, но осложнялось рядом обстоятельств, в первую очередь связанных со спецификой местной топливной базы. Согласно обзору ВСНХ о капитальном строительстве союзной промышленности, в 1925–1928 гг. главнейшим источником роста продукции Донугля являлись существующие шахты, получавшие 65 % от всех капиталовложений в угольную промышленность Донбасса. Их модернизация производилась путем отбора и концентрации основных шахт, изменения системы их разработки, усиления их оборудования. Узким местом в шахтном хозяйстве Донугля являлось состояние подготовительных работ и вскрытых запасов. В 1925–1928 гг. из основных шахт было добыто 50 млн тонн угля, а размер вскрытых запасов был увеличен на 45,7 млн тонн. В результате работ основные шахты превратились в гораздо более мощные производительные единицы по сравнению с тем, что они представляли собой в довоенное время. Так, в 1928 г. добыча угля в Донбассе превысила довоенный уровень на 8 %, а число действующих шахт составило 40 % от довоенного уровня. Невозможность сохранять заработные платы шахтеров на низком дореволюционном уровне

³² Фармаковский С. П. Железные руды Урала, как источник дешевого чугуна. М., 1913.

³³ Гирбасов П. А. Перспективы уральской горнодобывающей промышленности // Горный журнал, 1924. № 1. С. 7.

³⁴ Главацкий А. А. Транспортные возможности в связи с ростом добычи минерального топлива в Донбассе // Уголь и железо. 1926. № 15. С. 4–5.

³⁵ ЦГАИПД СПб. 1. Ф. Р-25. Оп. 28. Д. 325. Л. 213–216.

в условиях социалистического государства требовала компенсировать резко возросшие социальные расходы предприятий механизацией шахт. Механизация каменноугольных предприятий осложнялась как отсутствием опыта механизации угледобычи в России, так и необходимостью ведения этих работ на действующих рудниках. При этом имело место сильное отставание механизации поверхностных работ (откатка, погрузка) от механизации работ подземных (выемка и доставка). Дореволюционные представления о неисчерпаемости угольных ресурсов Донбасса также не находили подтверждений. При интенсивном развитии добычи Донуглю приходилось вовлекать в работу пласты тонких и грязных углей, что приводило к увеличению зольности добываемого топлива, выросшей в 1924–1928 гг. с 11,18 % до 12,33 %. Особую проблему представляла нехватка коксовых печей, связанная с ростом потребности в коксе, на фоне восстановления и наращивания производства металлургическими предприятиями. Необходимость вводить в работу морально устаревшие и изношенные печи приводила к уменьшению выхода кокса из угля³⁶. Недостаток кокса лимитировал работу металлургических заводов на Украине не меньше, чем недостаток древесного топлива на Урале. В 1928 г. выплавка чугуна в УССР составляла 72,6 % от довоенного уровня, на Урале — 69 % (рис. 1). Это привело к «металлическому голоду» советской промышленности в середине 1920-х гг. По данным Главметалла, потребность народного хозяйства в металлургической продукции в 1925/26 г. в среднем была удовлетворена на 84,8 %, а по ряду позиций (трубы, болванки, балки, швеллеры и т. п.) на 40–70 %³⁷.

Восстановление металлургических предприятий Украины в основном базировалось на возобновлении работы сложившихся до революции производств. Это делалось за счет ввода в эксплуатацию законсервированных предприятий и агрегатов. Плохое состояние и износ оборудования требовали больших затрат на ремонт основного капитала, а изменившиеся условия труда (как и в угольной промышленности) выдвинули неотложную задачу максимальной модернизации заводов и их оборудования для возможности снижения себестоимости продукции. Ремонт заводского имущества поглощал львиную долю от финансирования металлургии на Украине. Так, всего по тресту Югостали затраты на капитальный ремонт ежегодно превышали амортизационные отчисления, несмотря на то, что они составляли 6 % от стоимости имущества треста³⁸. Капиталовложения в новые предприятия ограничивались Керченским металлургическим и Мариупольским трубопрокатным заводами. Разработка керченских месторождений железной руды и их плавка отвлекала на себя донецкое топливо. По оценкам современников, керченское месторождение было богаче криворожского в 3,5 раза, однако, в отличие от криворожского, керченские руды были бедны, порошкообразны и, кроме того, содержали в себе фосфор и мышьяк, что создавало ряд трудностей при их плавке и переделке в железо. Низкое качество, но большое обилие керченских руд в сравнении с криворожскими породило в начале 1920-х гг. на Урале гипотезу о том, что «необходимость заставит заводы Юга перейти на Керченскую руду, и чем скорее они это сделают, тем лучше, такой переход, во-первых, удорожит производство железа на Юге, а во-вторых, задержит развитие южной промышленности, что создаст для уральской промышленности выгодные условия развития»³⁹. Металлурги Юга, впрочем, рассматривали возможность снизить издержки Юга на эксплуатацию керченских месторождений, переориентировав их с Донбасса на Ткварчельское каменноугольное месторождение в Абхазии, предполагая транспортировать их из Закавказья в Керчь через Черное море⁴⁰.

ИНЕРЦИЯ РАЗВИТИЯ

В целом разный стартовый уровень индустрии Украины и Урала создавал отнюдь неоднозначные перспективы для их будущего места в системе индустриализации страны. С одной стороны, концентрация передовых технологий, оборудования и инфраструктуры на Юге в дореволюционное время была преимуществом этого региона, с другой — экономическая

³⁶ Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 136–142.

³⁷ Спектор Г. А. Баланс черных металлов в 1925–26 гг. и их распределения // Уголь и железо. 1926. № 7. С. 86.

³⁸ Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 161–162.

³⁹ Грум-Гржимайло В. Е. Формы и пути организации уральской промышленности // Серп и молот. 1920. № 27. С. 31.

⁴⁰ Диманштейн Я. Б. Ткварчельское каменноугольное месторождение и его значение для Керченского металлургического завода // Уголь и железо. 1929. № 50. С. 33.

отсталость Урала позволяла активно привлекать капиталовложения под реконструкцию своей промышленности. Наглядно это можно наблюдать на примере электроэнергетической вооруженности двух регионов. На дореволюционном Юге каждое из многочисленных предприятий для покрытия потребностей в электроэнергии обзаводилось собственной мелкой электростанцией, причем для обеспечения бесперебойности в электроснабжении им приходилось иметь на этих станциях 100 % резерв. В 1913 г. они составляли большую часть от всех электростанций Украины, чья общая мощность равнялась 200 тыс. кВт⁴¹. При быстром развитии потребности в электроэнергии мощность этих электростанций уже вскоре после советизации Украины оказалась недостаточна для удовлетворения спроса, тем более что все их оборудование было изношено⁴². В течение 1920-х гг. во всех районах Юга сохранялся недостаток установленной мощности, препятствующий развитию промышленности. Электрификация Донбасса при этом «не развивалась как основной стержень, вокруг которого идет спокойное развитие всей промышленности, а всегда шла в хвосте от потребностей и потому отставала от развития промышленности Донбасса, задерживала его»⁴³.

На Урале в 1913 г. мощность всех электростанций составляла только 33,5 тыс. кВт. Крайне бедная энергетическая база уральской промышленности соответствовала дореволюционному уровню технического оснащения уральских заводов. План ГОЭЛРО наметил постройку на Урале четырех из 30 районных станций общей мощностью 165 тыс. кВт (на Юге намечалось построить пять станций мощностью 1000 тыс. кВт⁴⁴). При этом реализация плана ГОЭЛРО на Урале началась быстрее, чем на Юге, в т. ч. из-за явного дефицита электроэнергии. Так, первая очередь Егоршинской ГРЭС на Урале была введена в 1922 г., а на Украине первые генераторы Штеровской ГРЭС были запущены только в 1926-м⁴⁵. Мелкие электростанции Донбасса оттягивали на себя капиталовложения в электропромышленность Украины, более того, энергетики Донбасса систематически выступали против строительства Днепрогэса, стремясь обеспечить первоочередное развитие собственных станций⁴⁶. На Урале же изначальная нехватка электростанций привела к централизованному строительству местной электросистемы. Из прилагаемых графиков видно, что в 1924–1928 гг. электроподстанции Урала и Украины увеличили выработку продукции примерно в два раза, при этом среднее число рабочих на электростанциях Урала осталось неизменным, а на Украине пропорционально выросло в два раза (рис. 7–8). Несмотря на то, что Урал сохранил отставание от Украины на прежнем уровне, рост уральского электрогенерирующего производства был более технологичным за счет запуска новых организованных промышленных мощностей, в то время как Украина была вынуждена отвлекаться на реконструкцию дореволюционных агрегатов, что мешало эффективному использованию капиталовложений. Сказанное можно экстраполировать на индустрию двух регионов в целом.

Выводы

Таким образом, к концу 1920-х гг. советская черная металлургия в первую очередь была сконцентрирована на Урале и юге Украины. Двум регионам предстояло стать полюсами роста, вокруг которых должны были концентрироваться центростремительные процессы советской индустриализации. При этом экономики двух регионов находились под стойким воздействием инерционных хозяйственных процессов, начавшихся еще в позднеимперский период и включавших в себя прямые противоречия относительно направлений их будущего развития. Смена после 1917 г. форм хозяйствования в стране с социалистической на капиталистическую, а также изменение внешнеполитической обстановки тесно сплетали межрегиональные противоречия с интересами общесоюзного развития. Политические события конца 1920-х гг. добавили в эти противоречия мощный персональный фактор. В 1928–1929 гг. во главе партийных организаций Урала и Украины встали

⁴¹ Народне господарство УРСР. Статистичний довідник. Київ, 1940. С. 31.

⁴² Кукель-Краевский С. А. Электроснабжение Донецкого каменноугольного бассейна и его ближайшие перспективы // Уголь и железо. 1927. № 23–24. С. 4.

⁴³ Стюнкель Б. Э. Пути развития электрификации Донецкого бассейна // Уголь и железо. 1929. № 42. С. 3.

⁴⁴ Электрификация Южного района. Составлено Государственной комиссией по электрификации России. М., 1920. 34–35.

⁴⁵ Энергетика Урала за 40 лет. М.; Л., 1958. С. 5–8; Стюнкель Б. Э. Указ. соч. С. 3.

⁴⁶ Кукель-Краевский С. А. Указ. соч. С. 3–14.

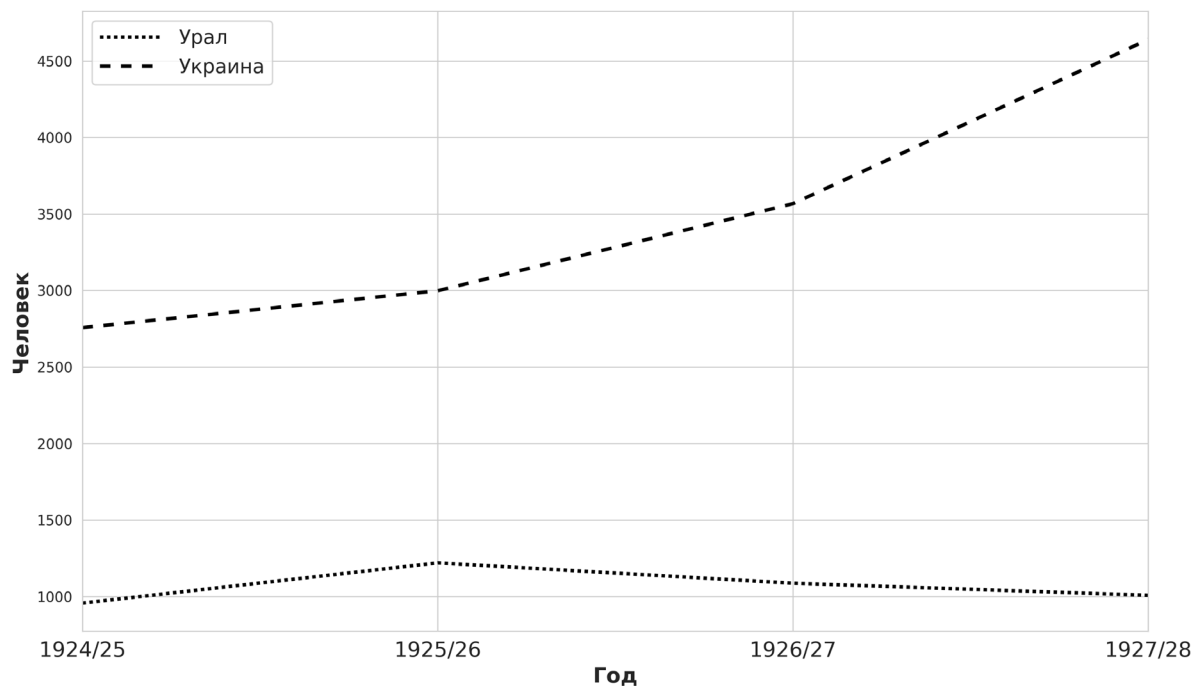

Рис. 7. Среднее число рабочих, занятых на электростанциях Урала и Украины в 1924–1928 гг. (человек). Источник: Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития. Материалы к партконференции 1929 г. М., 1929. С. 24; Уральское хозяйство в цифрах 1926 г. Свердловск, 1926. С. 210–211; Уральское хозяйство в цифрах 1927 г. Свердловск, 1927. С. 250; Уральское хозяйство в цифрах 1928 г. Свердловск, 1928. С. 167; Уральское хозяйство в цифрах 1929 г. Свердловск, 1929. С. 158

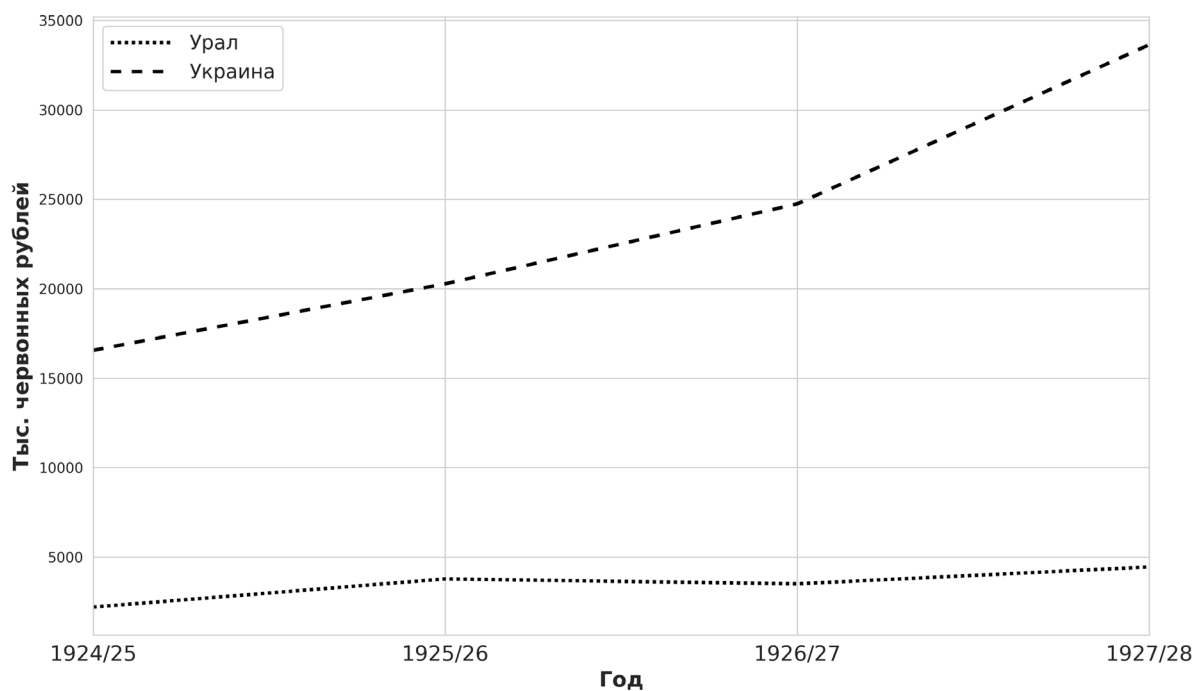

Рис. 8. Валовая продукция электростанций Урала и Украины в 1924–1928 гг. (тыс. червонных рублей). Источник: см. источники к рис. 7

амбициозные И. Д. Кабаков и С. В. Косиор⁴⁷. Вопросы индустриального развития двух регионов стали иметь значение в ходе внутрипартийной борьбы в ВКП(б). К началу 1930-х гг. межтерриториальным противоречиям двух регионов еще предстояло проявить себя в полной мере.

(Продолжение в следующем номере).

References

Baev O. V. *Inostranny kapital v promyshlennosti Kuznetskogo basseyna (konets XIX — nachalo XX v.)* [Foreign Capital in the Industry of the Kuznetsk Basin (Late 19th — Early 20th Century)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. (In Russian).

Bakulev G. D. *Chernaya metallurgiya Yuga Rossii* [Ferrous Metallurgy of the South of Russia]. Moscow: Gos. nauch.-tekhn. izd-vo lit-ry po chern. i tsvet. metallurgii Publ., 1953. (In Russian).

Chelnokov B. V. [ChMZ ChMK — Joint Stock Company “Severstal” (A Historical Mistake or Example of Engineering Thought?).] *Cherepovets: Krayevedcheskiy al'manakh* [Cherepovets: Local History Almanac]. Vologda: Rus' Publ., 1996, iss. 1, pp. 78–92. (In Russian).

Dimanshtein Ya. B. [Tkvarcheli Coal Deposit and Its Significance for the Kerch Metallurgical Plant]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1929, no. 50, pp. 30–37. (In Russian).

Energetika Urala za 40 let [The Urals Power Industry for 40 years]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat Publ., 1958. (In Russian).

Feldman V. V. *Vosstanovleniye promyshlennosti na Urale (1921–1926 gg.)* [Reconstruction of Industry in the Urals (1921–1926)]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1989. (In Russian).

Fomin P. I. [Coal and Iron in the Upcoming Economic Situation]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1925, no. 1, pp. 98–106. (In Russian).

Girbasov P. A. [Prospects for the Ural Mining Industry]. *Gornyy zhurnal* [Mining Journal], 1924, no. 1, pp. 2–7. (In Russian).

Glavatsky A. A. [Transport Opportunities in Connection With the Growth of Mineral Fuel Production in the Donbass]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1926, no. 15, pp. 3–26. (In Russian).

Grum-Grzhimailo V. E. [Forms and Ways of Organizing the Ural Industry]. *Serp i molot* [Sickle and Hammer], 1920, no. 27, pp. 29–46. (In Russian).

Kondrashin V. V. [S. V. Kosior and the Famine of 1932–1933 in Ukraine: To the 85th Anniversary of the Common Tragedy of the Peoples of the USSR]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2018, vol. 8, no. 3, pp. 625–639. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.306 (In Russian).

Kukel-Kraevsky S. A. [Power Supply of the Donetsk Coal Basin and Its Immediate Prospects]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1927, no. 23–24, pp. 3–14. (In Russian).

Montlevich E. M. [On the Issue of the Time Limit for Mining Work for the Coal Industry of Donbass]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1925, no. 1, pp. 115–127. (In Russian).

Nechaev M. G. [Economic Crisis of 1900–1903 and Its Effect on Industrial Development in Ural]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie nauki* [Journal of the Perm State Technical University. Socio-economic Sciences], 2011, no. 12, pp. 103–119. (In Russian).

Spektor G. A. [The Balance of Ferrous Metals in 1925–26 and Their Distribution]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1926, no. 7, pp. 85–94. (In Russian).

Stunkel B. E. [Ways to Develop Electrification of the Donetsk Basin (Continued)]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1929, no. 42, pp. 1–8. (In Russian).

Sushkov A. V. *Imperiya tovarishcha Kabakova: ural'skaya partnomenklatura v 1930-ye gody* [Comrade Kabakov's Empire: The Ural Party Nomenclatura in the 1930s]. Ekaterinburg: Alfa-Print Publ., 2019. (In Russian).

⁴⁷ См. о них, напр.: Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019; О Станиславе Косиоре: воспоминания, очерки, статьи. М., 1989; Кондрашин В. В. С. В. Косиор и голод 1932–1933 годов на Украине: к 85-летию общей трагедии народов СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 625–639.

Zubkov K. I. [Geopolitical Motivations and Implementation of the Ural-Kuzbass Project]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 1 (30), pp. 22–27. (In Russian).

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

УДК 574(571.12):39

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-64-85

Дирин Денис Александрович

к. г. н., директор Школы исследования общества и окружающей среды; старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Россия, Тюмень)

ORCID: 0000-0001-5876-6218

E-mail: d.a.dirin@utmn.ru

Балюк Наталья Алексеевна

д. и. н., профессор Школы исследования общества и окружающей среды Тюменского государственного университета (Россия, Тюмень)

ORCID: 0000-0003-1970-8714

E-mail: n.a.balyuk@ utmn.ru

Этноэкосистемы Тобольского Заболотья: пространственно-временная организация и факторы устойчивости (к постановке проблемы)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной проблеме этнической экологии, отражающей своеобразие исторического развития этносов под влиянием окружающей природной среды. В статье анализируются особенности формирования и функционирования изолированных этноэкологических систем традиционного типа, сложившихся в Тобольском Заболотье, ареале проживания заболотных татар – субэтноса сибирских татар. Выявлены закономерности пространственно-временной организации этих этноэкосистем и их естественная детерминированность. Охарактеризованы основные функциональные и статусные зоны этноэкосистем и особенности их хозяйственного использования. Определены направления экспедиционного обследования и комплексной оценки зон компактного проживания этноса, в целях обеспечения устойчивого развития территории. Выдвинута гипотеза о том, что экологический и этнокультурный туризм может стать одним из способов диверсификации экономики, повышения уровня благосостояния населения при сохранении экологической устойчивости и культурной аутентичности местных этноэкосистем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноэкосистемы, Тобольское Заболотье, заболотные татары, традиционное природопользование, исторический опыт, факторы устойчивого развития, диверсификация экономики, экологический и этнокультурный туризм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20–45–720014 и гранта Правительства РФ № 075–15–2021–611 «Человек и меняющееся пространство Урала и Сибири».

ETHNIC ECOLOGY

UDC 574(571.12):39

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-64-85

Denis A. Dirin

Candidate of Geographic Sciences, University of Tyumen (Russia, Tyumen)

ORCID: 0000-0001-5876-6218

E-mail: d.a.dirin@utmn.ru

Natalya A. Balyuk

Doctor of Historical Sciences, University of Tyumen (Russia, Tyumen)

ORCID: 0000-0003-1970-8714

E-mail: n.a.balyuk@utmn.ru

Ethnoecosystems of the Tobolsk Zabolotye: Spatio-Temporal Organization and Sustainability Factors (To a Problem Statement)

ABSTRACT. The article is devoted to the topical problem of ethnic ecology, which reflects the peculiarity of the historical development of ethnic groups under the influence of the environment. It analyzes the peculiarities of the formation and functioning of isolated ethno-ecological systems of the traditional type, which have developed in the Tobolsk Zabolotye, the area of residence of the Zabolotnie Tatars — a subethnos of the Siberian Tatars. The regularities of the spatial-temporal organization of these ethnoecosystems and their natural determinism are revealed. The main functional and status zones of ethnoecosystems and the features of their economic use are characterized. Directions for the expeditionary study of the zones of compact residence of the ethnos are indicated. A hypothesis is put forward that ecological and ethnocultural tourism can become one of the ways to diversify the economy, increase the level of well-being of the population while maintaining environmental sustainability and cultural authenticity of local ethnoecosystems.

KEYWORDS: ethnoecosystems, Tobolsk Zabolotye, Zabolotnie Tatars, historical experience, sustainable development factors, economic diversification, ecological and ethnocultural tourism

ВВЕДЕНИЕ

Современные противоречия, возникающие в системе взаимодействия человека с окружающей природной средой, актуализируют исследование особенностей и принципов развития изолированных этноэкологических систем, поддерживающих биологическое разнообразие в зонах традиционного природопользования. Цель данной статьи – выявить особенности и проблемы функционирования хозяйственно-культурных типов и видов традиционного природопользования автохтонного населения Тобольского Заболотья; определить факторы устойчивости исторически сложившихся этноэкосистем в условиях современных вызовов и рисков.

Формы и способы адаптации автохтонного населения к условиям вмещающей их географической среды подтверждают свою эффективность, поскольку созданные на их основе этноэкологические системы сохраняют свою устойчивость на протяжении нескольких столетий. Основными компонентами этноэкосистемы, как отмечает И. И. Крупник, являются собственно хозяйственный коллектив, освоенная территория, а также популяции домашних животных, хозяйственно-бытовой инвентарь¹. При этом названные компоненты «объединены функциональными связями — информационным полем, энергетическими импульсами, пищевыми и производственно-хозяйственными цепями»².

Тобольское Заболотье – обширный культурно-географический район на севере Тюменской области (преимущественно в Тобольском, но также частично в Уватском, Нижнетавдинском и Ярковетском муниципальных районах), в сильно заболоченной части Тоболо-Иртышского междуречья, где на покрытых лесом межболотных гривах в окружении непроходимых болот, сложной системы рек и крупных озер сформировались поселения заболотных татар – субэтнуса сибирских татар тоболо-иртышской группы. Каждое поселение стало центром формирования собственной этноэкологической системы, в основе которой комплексное многоотраслевое использование биологического потенциала ландшафтов данной территории с опорой на уникальные навыки традиционного природопользования (см. рис. 1–2).

Чрезвычайная труднодоступность Заболотья (летом до населенных пунктов можно добраться только на вертолете или лодке, зимой – по зимнику, который функционирует не более трех-четырех месяцев) предопределяет, наряду с социально-экономической отсталостью, сохранность традиционных систем природопользования (этноэкосистем).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании реализуются подходы этнической экологии, позволяющие определить особенности историко-географического развития этносов под влиянием окружающей природной среды. Анализ прошлого опыта традиционного природопользования осуществляется в формате исторического подхода, основанного на интерпретации документальных материалов, позволяющих реконструировать историческую реальность. Изучение процессов взаимодействия человеческих сообществ (прежде всего этнических) с географической средой их обитания всегда являлось одной из важнейших проблем антропологии, географии и этнологии. Для их исследования в западной этнологии выделилось особое направление – культурная экология, основателями которой принято считать Лесли Уайта (L. White) и Джулиана Стюарда (J. Steward). Аналог культурной экологии возник и в России во второй половине 1970-х гг. под именем этнической экологии (этноэкологии). В число задач этноэкологии входит познание «закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем»³. В дальнейшем базовые определения В. И. Козлова получили развитие в изучении этноэкологических аспектов культурной адаптации, жизнеобеспечения в этнических системах; принципов моделирования традиционного природопользования⁴.

¹ Крупник И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. 270 с.

² Алексеев В. П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа, 1975. № 7. С. 23.

³ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 8.

⁴ Крупник И. И. Указ. соч.; Томилов Н. А. Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4/3 (64). С. 219–224; Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12. С. 92–98; Арутюнов С. А., Мелконян Э. Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 53–60; Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы. М., 2009. С. 130–142.

Рис. 1. Пространство Тобольского Заболотья (фото: Сергей Русанов)

Рис. 2. Деревня Вармахла на реке Лайме — типичный населенный пункт в Тобольском Заболотье (фото: Сергей Русанов)

В Сибири серьезные этноэкологические исследования были осуществлены И. И. Крупником⁵, А. В. Головнёвым⁶, Н. А. Томиловым⁷. Их работы были посвящены этносам Крайнего Севера, наиболее полно сохранившим традиционные системы природопользования и быта. В последние годы наблюдается развитие прикладных исследований в этнологической науке, в том числе и в направлениях, сопряженных с экологической культурой коренного населения Сибири (этноэкологические экспертизы, изучение традиционных знаний коренных народов, целевые исследования по программам международных фондов (ПРООН/ГЭФ, WWF и др.). Специфика адаптации этносов Сибири к новым социокультурным условиям рассматривается в последнее время в рамках общего изучения постсоветских трансформаций (Хамфри К.⁸, Харитонов В. И.⁹, Функ Д. А.¹⁰ и др.). Однако до сих пор остается немало изолированных автохтонных этнических групп населения, продолжающих воспроизводить этноэкологические системы традиционного типа, которые не подвергались детальному научному исследованию. Одной из таких групп являются заболотные татары, сформировавшие этнические экосистемы в Тобольском Заболотье, которые до настоящего времени можно классифицировать как традиционные.

В этом контексте Тобольское Заболотье представляет чрезвычайный интерес как пример сохранившихся традиционных этноэкологических изолятов в непосредственной близости от хорошо освоенных аграрно-индустриальных территорий.

Начало этнографическому изучению заболотных татар было положено в 1948 г. экспедицией Музея антропологии и этнографии АН СССР под руководством В. В. Храмовой. В отчете

⁵ Крупник И. И. Указ. соч.

⁶ Головнёв А. В. Материалы по этнографии усть-ишимских (1980–1981 гг.) и заболотных (1983 г.) сибирских татар [Отчет]. Тобольск, 1989 // Научный архив ТГИАМЗ. № 1240.

⁷ Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI—начала XX в. Новосибирск, 1992. 271 с.; Он же. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980. 199 с.

⁸ Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М., 2010. 384 с.

⁹ Харитонов В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006. 372 с.

¹⁰ Функ Д. А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е — первой половине 1990-х гг. (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 109–128.

экспедиции зафиксирована информация о рыболовстве, охоте, поселениях, жилищах, пище, одежде, средствах передвижения. Также впервые осуществлена фотофиксация быта заболотных татар¹¹. В 1970–80-е продолжался сбор этнографического и фольклорного материала. В Тобольском Заболотье было проведено несколько экспедиций, организованных Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова (1970 г., руководитель Г. И. Еремин), Тобольским историко-архитектурным музеем-заповедником (1974–1976 гг., руководитель И. А. Сыркина; 1983 г., руководитель А. В. Головнев; 1987, 1992 гг., руководители не установлены), Омским государственным университетом (1976 г., руководитель Н. А. Томилов; 1983 г., руководитель В. Б. Богомолов; 1992 г., руководитель не установлен).

Полученные материалы по этнической истории, верованиям, генеалогиям, хозяйственной деятельности и быте в прошлом, мифологии, межэтнических контактах были обобщены и опубликованы в ряде работ¹².

В 2000-е гг. произошел спад интереса к исследованию Тобольского Заболотья. Осуществлялись единичные экспедиции, а число научных публикаций за этот период по всем темам, так или иначе касающимся заболотных татар, было незначительным. В этот период этнографическое, историческое, культурологическое, лингвистическое изучение групп заболотных татар осуществляли исследователи Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашнин¹³, Р. Х. Рахимов¹⁴, М. Н. Тихомирова¹⁵.

Этими и некоторыми другими авторами собран значительный этнографический материал, касающийся происхождения, традиционного природопользования, религиозных представлений, фольклора, одежды, пищи, жилищ и прочих аспектов духовной и материальной культуры населения Тобольского Заболотья. Однако преимущественно исследователями рассматривались узкотематические вопросы этнографии региона при фактическом отсутствии крупных обобщающих работ. И особенно ощущается недостаток в анализе и интерпретации взаимодействий этносов и вмещающих их ландшафтов в их системных взаимосвязях.

В 2010–2020-е гг. научные исследования Тобольского Заболотья вновь активизировались. В настоящее время исследования Тобольского Заболотья преимущественно ведутся сотрудниками Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (Тихомирова М. Н.¹⁶, Корусенко С. Н.¹⁷), Тюменского государственного университета (Балюк Н. А.¹⁸, Корандей Ф.¹⁹,

¹¹ Храмова В. В. Заболотные татары (поездка 1948 г.) // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Т. 82, № 2. С. 172–183.

¹² Головнёв А. В. Указ. соч.; Он же. К вопросу о тюрко-угорских контактах в Нижнем Прииртышье // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. Омск, 1984. С. 31–34; Еремин Г. И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 409–439; Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий: межвед. сб. науч. ст. Томск, 1995. С. 201–218; Сыркина И. А. Фольклор тобольских татар как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей населения Северного Приоболотья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. област. конф. Омск, 1979. С. 133–135; Тихомирова М. Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурные связи. Омск, 2006, 231 с.; Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения ...; Файзуллина Г. Ш. Обряды переходного цикла у заболотных татар // Сибирский этнографический сборник. 1997. Вып. 8. С. 230–268. (Народы Сибири; кн. 3).

¹³ Бакиева Г. Т., Квашнин Ю. Н. Тюрки, самодийцы и угры в Тобольском Прииртышье (к вопросу об этногенезе заболотных татар) // Больше, чем этнограф: Сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В. В. Пиманова. М., 2015. С. 181–190.

¹⁴ Рахимов Р. Х. Современное состояние охотничьего и рыболовного промыслов заболотных татар (по материалам экспедиции в Тобольский район в феврале 2003 г.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2004. Вып. 17. С. 236–247.

¹⁵ Тихомирова М. Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья...

¹⁶ Тихомирова М. Н. Традиционные присваивающие виды хозяйственной деятельности ясколбинских татар в прошлом и настоящем // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 128–131; Она же. Летние пути сообщения и способы передвижения ясколбинских татар во второй половине XX — начале XXI в. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 521–529; Она же. Угодья ясколбинских татар как отражение хозяйственного освоения территории (вторая половина XX в. — 2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 153–165.

¹⁷ История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015. 728 с.

¹⁸ Балюк Н. А., Куприна Л. Е., Рыбалова Т. В. Аутентичный ландшафт традиционного природопользования заболотных татар: по материалам исследования территории ю. Уки Уватского района // Культурное наследие народов Западной Сибири: угры: сборник материалов IX Всероссийского симпозиума. Тобольск, 2023. С. 78–83.

¹⁹ Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций / Корандей Ф. С. [и др.] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 247–257.

Тычинских З. А.²⁰), Института проблем освоения Севера СО РАН (Адаев В. Н.²¹, Багашев А. Н.²², Квашнин Ю. Н., Бакиева Г. Т.²³), Института истории и археологии УрО РАН (Абрамов И. В.²⁴).

Однако до сих пор в регионе не ведется исследований собственно этноэкологических систем и системных взаимосвязей их компонентов. Наряду с очевидной проблемой трансформации этно-территориальных систем, под воздействием изменения природной среды в результате глобальных изменений климата, а также социокультурной — как следствие глобализационных процессов, — нет определенного понимания направленности и масштабов этих изменений. Не определены основные трансформирующие факторы и их роль в общем комплексе внешних воздействий. Не произведена оценка адаптивных возможностей этноэкосистем и возможных социально-экономических, экологических и геополитических последствий их трансформации.

В контексте постановки такой многоаспектной проблемы, в исследовании также актуализируется необходимость проведения комплексного экспедиционного исследования этноэкосистем, сложившихся в условиях маргинальной территории Тобольского Заболотья.

В этой связи также целесообразна постановка целого ряда задач, направленных на разработку экономических, социальных, культурных и мировоззренческих стратегий устойчивого развития местных сообществ. Реализация междисциплинарных подходов позволит проследить и глубже осмыслить процессы социокультурной трансформации связей, ценностных ориентаций коренного населения под влиянием рыночных модернизаций и экстрактивизма, сопряженного с конфликтным дискурсом по извлечению и распределению ресурсной ренты²⁵.

Общие принципы устойчивого природопользования в этноэкосистемах малых групп-изолятов предполагает изучение и обобщение их исторического опыта во взаимодействии со средой своего обитания.

ПРИРОДНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТОБОЛЬСКОГО ЗАБОЛОТЬЯ

Как отмечалось выше, Заболотье представляет собой обширный культурно-географический район в крайне труднодоступной, сплошь покрытой болотами, многочисленными озерами и реками южной части Западно-Сибирской равнины, в левобережье р. Иртыш, между его притоками Кондой и Ишимом. Заболотье занимает пространство свыше 2300 тысяч га, охватывая части современных Тобольского, Нижнетавдинского, Яркового, Вагайского и Уватского административных районов Тюменской области. Всего к зоне Заболотья относится около 40 населенных пунктов с общей численностью населения в них порядка 8000 человек (таблица 1). Плотность населения на территории Заболотья составляет 3 чел./1000 га (в среднем по Тюменской области этот показатель составляет 84 чел./1000 га). По природно-географической зональности эта территория относится к подзонам южной тайги и подтайги.

Согласно схеме физико-географического районирования Н. А. Гвоздецкого, А. Е. Криволицкого, А. А. Макунина, Тобольское Заболотье преимущественно относится к Нижнетобольской подпровинции Кондинской физико-географической провинции. Поверхность ее представляет собой обширную аллювиальную и частично озерно-аллювиальную низину (абсолютная высота до 70 м), в пределах которой развиты невысокие гривы водно-эрозионного происхождения. Гривы ориентированы в субширотном направлении. Очень много озер и болот. Преобладают грядово-мочажинные, грядово-озерковые и топяные болота и озера, нередко в торфянистых берегах.

²⁰ История и культура татар...

²¹ Адаев В. Н. Болотные маршруты: пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 110–119.

²² История и культура татар...

²³ Квашнин Ю. Н., Бакиева Г. Т. Межэтнические контакты в Тобольском Заболотье (к вопросу о формировании локальной группы русских) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции, Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 359–362; Квашнин Ю. Н., Бакиева Г. Т. Тоболо-Иртышские татары (историко-этнографические очерки). Тобольск, 2009. 58 с.

²⁴ Абрамов И. В. Практики рыбохозяйственного регулирования водоемов Конды и Заболотья // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 239–242.

²⁵ Бородулина А. А. Антропология экстрактивизма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 247–252.

Среди них изредка встречаются острова песчаных грив и гряд, покрытые, как правило, сосновыми брусничными лесами²⁶.

Наибольшее распространение в Тобольском Заболотье имеют 10 видов ландшафтов. Максимальные площади в междолинных заозеренных пространствах занимают (1) «плоские ровные и мелкокочкарные топяные с зыбунами, гипново-осоковые и осоково-вахтовые болота со среднемощными торфяными залежами и торфяно-глеевыми почвами». Большое распространение в междолинных пространствах междуречья Носки и Лаймы, а также бассейнов рек Алымка, Тюма и Катым имеют (2) «грядово-мочажинные болота, кустарничково-сфагновые с редким древостоем из сосны или кедра на торфяных почвах с мелкими озерами». На западе, в междуречье Новки и Кумы, а также на севере, в бассейне р. Конды, имеются крупные массивы (3) «грядово-мочажинных болот с кустарничково-сфагновым и сосново-сфагновым покровом на маломощных торфяных залежах». В долинах Иртыша и Тобола сформировались ландшафты (4) «плоской с гривами сегментно-островной поймы с разнотравно-канареечниково-злаковыми лугами, кустарниковыми тополево-березово-осиновыми лесами и древесными ивняками на пойменных дерновых почвах», а также (5) «плоские, местами гривистые поймы с осокоревыми и ивняковыми злаковыми лесами на пойменных оподзоленных и дерново-глеевых оподзоленных почвах». Пойменные пространства малых рек в южной части Тобольского Заболотья (Носка, Лайма, Алымка) заняты (6) «долинными комплексами с березовыми травяными лесами и злаково-разнотравными лугами на дерново-подзолисто-глеевых почвах»; а в северной (Тюма, Чепырь, Катым, Вай) (7) «долинными комплексами с сосново-кедровыми лишайниковыми лесами на дерново-подзолисто-глеевых почвах». На надпойменных повышениях вдоль долин всех рек распространены (8) ландшафты «пологоволнистой легкосуглинистой равнины с сосновыми и елово-березовыми зеленомошными лесами на торфянисто-подзолисто-глеевых почвах» и (9) «плоской легкосуглинистой равнины с кедрово-сосновыми и осиново-березовыми кустарничково-зеленомошными лесами на торфянисто-подзолисто-элювиально-глеевых почвах». На междолинных песчаных гривах встречаются также ландшафты (10) «пологоволнистой с гривами песчаной равнины с сосновыми лишайниково-моховыми и травяными лесами на дерново-сильноподзолистых почвах»²⁷.

В целом экосистемы Заболотья чрезвычайно богаты биологическими ресурсами. В реках и озерах в большом количестве обитают карась, сазан, лещ, окунь, щука, язь, судак, налим, пелядь и др. Главными промысловыми животными являются лось, косуля, заяц-беляк, соболь, белка, лисица, волк, медведь. Из птиц добывают глухаря, тетерева, рябчика, куропатку и др. Весьма продуктивны ягодные уголья (клюква, брусника, черника и пр.).

Следует отметить, что Заболотье не является единым территориальным массивом, а представлено четырьмя ареалами, «изолированными» друг от друга относительно хорошо освоенными пространствами с развитой транспортной инфраструктурой:

1. «Тобольское Заболотье» — самый крупный ареал из всех. Расположен он к северу от реки Тобол, преимущественно в Тобольском муниципальном районе Тюменской области. Здесь расположены крупные озера: Андреевское, Термяк, Сыпсантор, Миртур, Муксунтур, Топкинбашевское, Сеитовское, Большое Карасье, Бенкульское, Большой Савинкуль, Кривое, Щучие, Кулункинское, Нанчино, Долгое и другие. Основные реки — Носка, Лайма, Кума, Вай. В подрайоне располагаются населенные пункты: Ачиры, Ишменева, Иземеть, Лайтамак, Вармахли, Топкинбашева, Топкинская, Янгутум, Носкинская (Тобольский район), Кускургуль (Нижнетавдинский район), Сеиты (Ярковский район) (см. рис. 3; см. табл. 1).

2. «Чебургинское Заболотье» расположено в междуречье Тобола и Ашлыка. В этом подрайоне Заболотья расположены очень крупные озера — Каишкуль, Большой Иткуль, Нердинское, Юраркуль, Чебургинское, Кипкуль, Большое Конданское, Цетлакуль, Ляцикуль, Большой Шишкарым, Урашное и др. В этом ареале расположены населенные пункты — Чебурга, Тахтагул, Старый Каишкуль, Нерда.

3. «Вагайское Заболотье» охватывает междуречье Ашлыка и Вагая. Крупные озера: Большой Пашаул, Карагаш, Глубокое, Камышинское, Юрминское, Каулим, Ичкакуль и др. Реки, дренирующие территорию, — Ашлык, Арахтей, Язюк. В этом ареале имеется лишь три небольших деревни — Юрмы, Лаймы, Янкова (тат. Янек).

²⁶ Гвоздецкий Н. А., Кривоуцкий А. Е., Макунина А. А. Физико-географическое районирование // Атлас Тюменской области. М.; Тюмень, 1971. Лист 27 (5).

²⁷ Макунина А. А., Селезнёва Н. С. Ландшафты (юг области) // Там же. Лист 27.

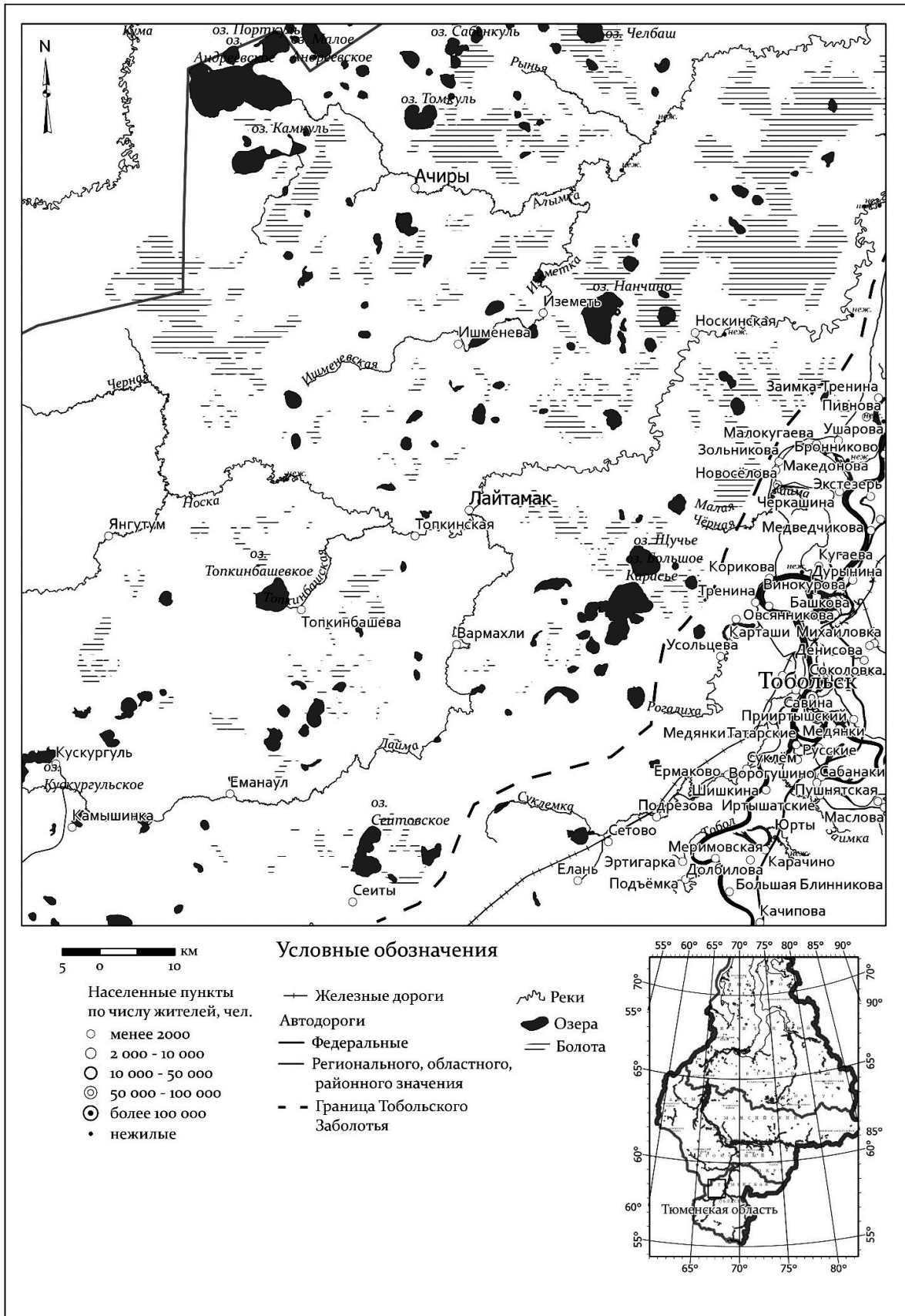

Рис. 3. Карта-схема расположения Тобольского Заболотья

Таблица 1

**Населенные пункты и численность населения «Тобольского Заболотья»
(по данным Всероссийской переписи населения 2021 г.)**

Название населенных пунктов	Численность постоянного населения (человек)	Число домохозяйств (единиц)	Доля татар в этническом составе населения, %
Тобольский район			
д. Ачиры	356	99	98
д. Иземеть	189	39	85
д. Ишменева	134	32	100
с. Лайтамак	483	161	90
д. Вармахли	65	25	100
д. Топкинбашева	80	21	100
д. Топкинская	105	43	97
д. Янгутум	67	22	100
д. Носкинская	40	16	100
Нижнетавдинский район			
с. Кускургуль	98	49	100
Ярковский район			
с. Сеиты	240	85	100
Всего	1667	592	97%

4. «Большеуватское Заболотье» занимает междуречье Агитки (правый приток Вагая) и Ишима. Административно это Вагайский район Тюменской области. Крупнейшим водоемом, на берегах которого расположены почти все населенные пункты этого подрайона, является озеро Большой Уват. Другие крупные озера — Большой Тайгуль, Ширшиколь, Карташево, Малый Уват.

Населенные пункты в Большеуватском Заболотье — деревни Осиновская (тат. Усак), Вершинская (тат. Ацытбаш), Веселинская (тат. Биек), Одинарская (тат. Картавыл), Аллагуловская, д. Малый Уват (тат. Уат).

В составе населения Тобольского Заболотья 97 % составляют заболотные татары, называемые также ясколбинскими татарами — субэтнос сибирских татар тоболо-иртышской группы. Сибирские татары — наиболее многочисленный тюркоязычный этнос Западной Сибири, представляет собой сложную иерархическую систему популяций. Их характеризует значительное разнообразие, возникшее в процессе смешения угорских, самодийских и тюркских племен и народностей²⁸.

Обособление субэтноса ясколбинских татар явилось результатом этих этногенетических процессов и географической изоляции в Заболотье. По сведениям Н. А. Томилова, северная граница территории расселения заболотных татар доходила до правых притоков реки Конды, где татары контактировали с манси. Западная граница протянулась до Пелымского уезда, где обитали манси, а южная — до реки Тавды, где ясколбинцы частично смешивались с тюменскими татарами. Восточная граница проходила западнее рек Тобола и Иртыша²⁹. Автор выделяет следующие особенности организации и характеристики

²⁸ Генофонд сибирских татар: пять субэтносов — пять путей этногенеза / Агджоян А. Т. [и др.] // Молекулярная биология. 2016. Т. 50, № 6. С. 978.

²⁹ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 64.

заболотных-ясколбинских татар: наличие в говоре связи с кипчакским типом древнетюркского субстратного слоя; значительность угорского и самодийского компонента, образовавшегося в результате смешения тюркского населения с манси, ханты и предками ненцев; отсутствие бухарского и казанско-татарского компонента³⁰. Г. Т. Бакиевой и Ю. Н. Квашниным исследованы сложные процессы этнического и культурного взаимодействия народов на примере заболотных татар³¹.

Географическая среда, территориальная удаленность и непроходимые болота способствовали сохранению аутентичных элементов системы традиционного природопользования заболотных татар, уже утраченных в практике других групп сибирских татар Западной Сибири.

В выявлении и исследовании факторов устойчивости традиционного природопользования приоритетное значение имеет реконструкция исторического опыта хозяйствования, который формировался в среде автохтонов в течение веков и передавался по линии семья – община. Обзор степени изученности истории хозяйства заболотных-ясколбинских татар показал, что эта тема не являлась предметом специального исследования в контексте пространственно-исторической динамики. Несмотря на значительный вклад многих ученых в изучение наследия сибирских и заболотных татар, до настоящего времени основной интерес был направлен на проблемы этнической истории, этногенеза, этнокультурных и социально-демографических процессов, вопросов ономастики, формирования диалектов и др.³² Впервые проблема типологии хозяйств автохтонов Северо-Западной Сибири детально исследована Головневим А. В.³³ Автором рассмотрен процесс длительного становления и тесного взаимодействия локальных типов хозяйств народов Северо-Западной Сибири, их влияние на этносоциальную ситуацию в крае. Хозяйственно-культурный тип лесотаежной зоны, бытующий в этноконтактной полосе, классифицируется им как «гибридный» ареал с многоотраслевым охотничье-рыболовным хозяйством, который прослеживается и в практике ясколбинских-заболотных татар, исторически проживающих в зонах, смежных с угорским населением³⁴. З. А. Гафуровой определены особенности ведения хозяйства заболотных татар в условиях «гибридного» культурно-хозяйственного ареала Тобольского Заболотья³⁵.

Приоритетное место в практике традиционного природопользования заболотных татар занимало рыболовство и охота, в меньшей степени собирательство. Рыба была не только основой рациона, но и главным источником доходов, ее продавали скупщикам, возили на рынок по санному пути в Тобольск.

Рыбные угодья были общинной собственностью, ими распоряжалось общество юрт. Рыбные угодья распределялись между семьями. Рыбу ловили мужчины. Улов или деньги, вырученные от улова, делили между всеми участниками. На озерах и больших реках орудиями лова были сети и невод. Рыбу ловили круглый год, зимой невод тянули через ряд специальных прорубей лошаадьми. На мелких речках поперек русла ставили запоры из тонких прутьев, переплетенных мочальной веревкой, с одной стороны у берега делали котцы, в открытый конец которых входила рыба и оставалась в лабиринте; ее черпали оттуда сачками. Делали так называемые «копанцы» — канавы, идущие из озера, длиной 1 км и более. В них устанавливали загородки со свободным входом только с одной стороны. В поисках свежей воды рыба устремлялась в копанец, откуда ее черпали сачками.

По описаниям «Тобольских губернских ведомостей» 1860 г., «охота была одним из главных занятий. Звероловством занимаются преимущественно зимой в болотах и лесах, куда заходят медведи, лоси, олени, белки, зайцы и другие звери. На охоту заболотные инородцы ходят на лыжах. В урманах, болотах и на берегах озер строят промысловые избушки. В них живут и зимой, и летом во время охоты, переездов, рыбной ловли. Из лесных промыслов издавна суще-

³⁰ Там же. С. 97–98.

³¹ Бакиева Г. Т., Квашнин Ю. Н. Указ. соч. С. 181–190.

³² Храмова В. В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 473. (Народы мира. Этнографические очерки); Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 222 с.; Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977. 294 с.; Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. 208 с.

³³ Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Гафурова З. А. Из истории хозяйства тоболо-иртышских татар // Сибирские татары: история и современность (материалы научно-практической конференции. 17–18 июня 1990 г., г. Тобольск). Тобольск, 1990. С. 23–24.

ствовал кедровый промысел, служивший в урожайные годы большим подспорьем в хозяйстве, так же как и сбор дикоросов в осенний период»³⁶.

Такое соотношение в отраслевой структуре присваивающего хозяйства оставалось практически неизменным до конца XX в., что обусловлено географическими условиями местности и состоянием природного потенциала.

В зимний период для транспортного сообщения между деревнями Заболотья с Тобольском пробивались санные пути. Летом же сообщение осуществлялось только по сильно меандрирующим рекам, между изгибами которых были прокопаны транспортные «резки» — узкие, шириной 80 см канавы, по которым может пройти в одну сторону лодка-долбленка³⁷.

Складывание хозяйственно-культурных типов у заболотных татар в лесотаежной зоне, сочетающих присваивающие и производящие формы, Б. О. Долгих исследовал на основе данных ясажных ведомостей от 1620-х гг. Процесс формирования этнокультурных ареалов в Заболотье автор относит к эпохе раннего средневековья³⁸. На данном этапе было зафиксировано проживание следующих этнических племенных и родовых групп на территории Заболотья: «Ясколба и Лоймытомак, Вачиер и Аремзян, Карбина и Ук, Би-туртас, Кул-туртас и Уват, Надцы, Лобутан, Калыма, Кошуки, Ашла (Лаймы), Бабасан (на Нерде), Бабаасан (отдельная), Кречатники на Ашле, Кречатники на Вагае (Капканы), Кречатники (без указания места жительства)». Инородческие волости Ясколба, Лоймытомак и Вачиер, известные с конца XVI в., проживали смешанно с тюменскими татарами. Ясколбинская группа, по сравнению со всеми остальными группами сибирских татар, была наиболее территориально изолированной.

Согласно архивным документам Тобольской казенной палаты от 27.10.1873, в Эскалбинской волости, где проживали «заболотные инородцы», насчитывалось 25 татарских юрт (поселений), расположенных по берегам рек Иртыш, Алымка, Лайма, Носка и Иземетька: Эскалбинские, Абызовские, Лайтамаковские, Вармахлиновские, Ишменевские (Ишменева), Топкинские, Иземетские, Ярышкины, Янгутумские, Котуковские, Еманульские, Кускургулинские, Вачирские (Ачирские), Доматские (Томатские), Истаматские, Б. Эсаульские, М. Эсаульские, Б. Красноярские, Сакандыковские, а также В. Бехтеревские и Н. Бехтеревские. В настоящее время многие из этих населенных пунктов прекратили свое существование³⁹.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭТНОЭКОСИСТЕМ ТОБОЛЬСКОГО ЗАБОЛОТЬЯ

Этноэкосистемы Заболотья имеют схожую пространственную структуру, организованную по центрально-периферической модели. В. Л. Каганский предлагает такую статусно-функциональную схематизацию культурно-ландшафтного пространства: «*Центр* — ядро и главный элемент системы, репрезентирующий и нормирующий систему как целое. *Провинция* — освоенный сплошной ландшафт, относительно самостоятельный, стабильная базовая зона; места решают собственные задачи на основе соседских горизонтальных связей. Ресурсы, в том числе природные, воспроизводятся. *Периферия* — несамостоятельное фрагментированное внешне центрированное пространство; внешние центры решают в ее пространстве свои задачи безотносительно местного ландшафта, ресурсы используются истощающе, как невозобновимые (даже если в принципе они возобновимы, например, лесные). Периферия обильнее природными угодьями и ресурсами, но здесь они имеют меньшую ценность и используются сугубо утилитарно. Провинция — окультуренный природный ландшафт, Периферия — эксплуатируемый. *Граница* — пограничная окраина системы»⁴⁰.

Эту же схему вполне можно использовать для анализа пространственной организации этноэкологических систем. Населенные пункты, организованные на относительно хорошо дренированных повышениях рельефа и межболотных гривах на относительно крупных реках или на берегу крупных озер, являются центрами этноэкосистем. Помимо селитебных, они выполняют основные

³⁶ Тобольские губернские ведомости. 1869 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 56.

³⁹ Кутумова К. К 95-летию Тобольского района. Рассказываем историю родного края // Советская Сибирь. 2018, 15 июня. URL: <http://sovetsib.ru/news/2018-06-15-2131> (дата обращения 15.01.2024).

⁴⁰ Каганский В. Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 2012. С. 16–17.

социальные (общение, образование, самовыражение и пр.), коммуникативные (связь с внешним миром осуществляется именно через центры расселения), административные (решение юридических вопросов землепользования, выдачи лицензий и т. п.) и некоторые хозяйственные функции. Большую часть своего времени население, даже в условиях полной зависимости от природного потенциала территории, проводит в населенных пунктах, лишь периодически выезжая на промыслы в другие зоны этноэкосистемы. Хозяйственная деятельность в центрах помимо социальной сферы (школы, магазины, почта и т. п.) представлена преимущественно частными некоммерческими хозяйственными занятиями: изготовление и ремонт промыслового инвентаря (например, лодки) (см. рис. 4); строительство и ремонт домов и хозяйственных построек; первичная переработка заготовленных биоресурсов (засолка и копчение рыбы, сушка грибов и т. п.); огородничество; подсобное животноводство (небольшое количество крупного рогатого скота, коз, домашней птицы).

Рис. 4. Недавно изготовленная лодка-долбленка (деревня Вармахли) (фото: Сергей Русанов)

Функционально-статусная зона «Провинция» представлена ближайшими к центру относительно хорошо освоенными территориями, занятыми пастбищами и сенокосами. В условиях Тобольского Заболотья это очень небольшие по площади ареалы. Также здесь находятся ближайшие места рыбной ловли (не промысловой). Это зона регулярного использования. Она хорошо освоена топономически и семантически.

«Периферия» — наиболее обширная и разнообразная функционально-статусная зона этноэкосистем Тобольского Заболотья. В основном именно в ней локализованы процессы природопользования, а именно эксплуатация биологических ресурсов. Эта зона неоднородна и дифференцируется на разные по специализации типы хозяйственных угодий: рыболовные, охотничьи, сбора дикоросов. В свою очередь, эти типы угодий подразделяются по видам получаемой в них продукции: рыболовные, ягодные, грибные, для охоты на птицу, на копытного зверя и т. д. И далее отдельно выделяются места для сбора брусники, клюквы, голубики; места для охоты на лося не идентичны местам охоты на ондатру и т. п. В то же время разные типы угодий могут накладываться друг на друга и одна территория может комплексно использоваться для получения разных видов ресурсов. Пространственная дифференциация промысловых угодий имеет выраженную ландшафтную детерминированность.

Например, места сбора клюквы приурочены к верховым кустарничково-сфагновым болотам, а брусники к сосновым и елово-березовым зеленомошным лесам. Кедровые лесные массивы являются угодьями для сбора кедрового ореха, а также охоты на пушного зверя (белка, куница, колонок и др.). Закустаренные поймы — основные места промысла лося и т. д.

Также периферийные пространства этноэкосистем Тобольского Заболотья структурированы при помощи неформальных общественных договоров внутри местных сообществ. Так, зимние охотничьи угодья отдельных семей, как правило, маркируются промысловыми избами (зимовьями) и иными элементами промыслового быта (лабазы и пр.). За долгое время изолированного проживания в небольших замкнутых коллективах, при избытке природных ресурсов и фактически неограниченных пространств для промысла, люди привыкли к родовой (семейной) персонификации наиболее значимых видов хозяйственных угодий (охотничьих и рыболовных) и стараются не заходить на «чужие» участки.

Четко выраженных границ этноэкосистемы Заболотья не имеют. Их можно провести лишь условно, предполагая, что географическое пространство за пределами этой линии (а скорее, полосы некоторой ширины) в силу своей удаленности или природных особенностей (например, непроходимые топи) недостижимо для хозяйственного использования населения данной этноэкосистемы.

РЕЖИМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОЭКОСИСТЕМ ТОБОЛЬСКОГО ЗАБОЛОТЬЯ

Традиционное природопользование заболотных татар находится в тесной взаимосвязи с природными циклами, на основе которых выстроен их народный календарь, регламентирующий сроки начала и окончания промыслов, сбора дикоросов. В рыболовном промысле, которым занимается основная часть населения Заболотья, хозяйственный цикл включает следующую календарную последовательность: зимний промысел начинается на озерах с середины ноября, когда ведется подледный неводной лов сырка (пеляди) и карася. Летний рыболовный сезон открывается с середины мая, после ледохода на озерах и реках, с использованием традиционных средств лова (морды, запоры, сети, неводы). В своей практике рыболовы ориентируются на период после общего хода рыбы на нерест (язь, затем окунь и щука). В Тобольском Заболотье ход рыбы с реки Иртыш через реку Носка идет в реку Лайма, затем к озерам (Чимкульское и др.) на нерест. После нереста рыба возвращалась вновь в реку Лайма, где уже производится ее отлов. Весенне-летний цикл рыболовного промысла заканчивается в середине июля, в связи с началом цветения воды и отходом из этих водоемов рыбы в бассейн Иртыша. Завершающим этапом в календарном цикле озерного рыболовства является период с конца августа до начала сентября. В основном в это время отлавливают карася, используя орудия лова — невод и фитиль. На мелких реках ставят запоры (см. рис. 5)⁴¹. Отловленного карася, как правило, запускают в садок (тат. — *урек*)⁴². Рыбу держат там на прикорме до зимы, а затем везут на продажу в Тобольск по зимнику⁴³.

Сезон охоты на пушного зверя проходит в период со второй половины ноября до середины марта. Охотники проживают на угодьях в избушках в течение четырех месяцев. В весеннее время, с началом линьки пушного зверя, начинается охота на копытных в период миграции лося и оленя, которая продолжается до осени.

В весенне-летний период добывают боровую и водоплавающую птицу, что носит вспомогательный характер, для личного потребления.

В недалеком прошлом весенний цикл работ также включал заготовку лыка («юки»). Этот промысел имел широкое распространение среди местных жителей южной части Тобольского Заболотья — Лайтамака, Топкинской, Топкинбашева. Заготовленное сырье использовали для плетения кулей на продажу. В настоящее время этот промысел фактически утрачен.

В конце марта — апреле осуществляется заготовка дров. С середины июля по август заготавливают сено для личного подсобного хозяйства и на продажу. СобираТЕЛЬСТВОМ активно занимаются осенью — сбор ягод (клюква, брусника, черника, голубика), грибов. В сентябре начинается сбор кедровых орехов — шишкование.

⁴¹ Запор — изгородь (обычно из деревянных жердей), устанавливается поперек реки для ловли рыбы.

⁴² Садок — обычно отгороженная частоколом заводь для содержания живой рыбы.

⁴³ Зимник — сезонная дорога из уплотненного снега и льда, проложенная в том числе по замерзшим болотам, рекам и озерам.

Рис. 5. Житель деревни Вармадли на рыбалке у «запора» (фото: Сергей Русанов)

Анализ процесса функционирования присваивающего хозяйства в условиях исследуемой природной зоны позволяет систематизировать календарную цикличность промыслов и выделить составляющие элементы многоотраслевой структуры этой традиционной системы хозяйствования, включающей рыболовный (лов озерной и речной рыбы), охотничий (добыча пушных, копытных зверей, крупных хищников, боровой и водоплавающей птицы), добывающие (заготовка дров, сена), собирательство (сбор ягод, грибов, орехов). Структура производящего хозяйства включает скотоводство (крупный рогатый и мелкий скот), коневодство и приусадебное овощеводство. По характерным признакам данное хозяйство, включающее элементы присваивающей и производящей экономики, может классифицироваться как «гибридный» тип, с пространственным ареалом многоотраслевого охотничье-рыболовного хозяйства с характерными устойчивыми календарными циклами.

В целом традиционное природопользование заболотных татар представляет собой сбалансированную микроэкономическую систему хозяйственных комплексов, органично вписанных в природные ландшафты Тобольского Заболотья и функционирующих на основе круглогодичного календарного цикла ведения присваивающего хозяйства. На протяжении нескольких столетий своего существования сформировавшиеся в Заболотье этноэкосистемы показывали свою высокую устойчивость к внешним факторам воздействия.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОЭКОСИСТЕМ ТОБОЛЬСКОГО ЗАБОЛОТЬЯ

Серьезные трансформации в организации и функционировании этноэкосистем Заболотья произошли в советский период⁴⁴. Так, 20 марта 1931 г. на собрании граждан юрт Иземетьевских и Ачирских 20 домохозяев организовали рыбацкую артель «Красный промысловик». В дальнейшем артель была преобразована в рыболовецкий колхоз «Красный промысловик» на базе Ачирского сельсовета. В его структуру вошли другие деревни Тобольского Заболотья (Ишменева, Рынья, Носкинская). Плановый вылов рыбы достигал 2300 тонн/год. Постоянно улучшалась мате-

⁴⁴ Самойлов В. А. Летопись Тобольского района: к 80-летию образования Тобольского района. Тобольск, 2003. 240 с.

риально-техническая база, закупалась новая техника. Работали ремонтная база, две пилорамы, звероферма, охотхозяйства. На средства и силами колхоза-миллионера были построены клуб, школа, здравпункт, здание электростанции, магазины во всех населенных пунктах. На озерах Андреевском, Нанджино, Сытаново и в Ачирах были сооружены плотины со шлюзом-регулятором, что дало возможность поддерживать нужный уровень воды в озерах. Транспорт колхоза завозились в магазины продукты питания и различные товары первой необходимости. Наряду с рыбодобычей колхоз занимался в летне-осенний период заготовкой сена и сбором ягод. Ежегодно собирали до 40–45 тонн ягоды клюквы.

Таким образом, коренным образом менялась организационная структура хозяйственной деятельности, которая преобразовывалась в централизованную и плановую систему. Тем не менее традиционные виды природопользования продолжали сохраняться, преимущественно как подсобные промыслы. Товарное значение в это время сохранялось за пушным промыслом. В селах Ачиры и Лайтамак действовали заготовительные пункты, куда промысловики могли сдать добытую пушнину, а также кедровый орех, ягоды и пр.

С распадом СССР и переходом от плановой экономики к рыночной, большинство крупных предприятий обанкротились, их имущество было приватизировано. В связи с упразднением системы вывоза и реализации рыбной и иной продукции, не смог выжить и колхоз «Красный промысловик», обеспечивавший практически все рабочие места в Тобольском Заболотье, поддерживающий социальную сферу. Из-за резкого ухудшения условий жизни значительная часть населения уехала из деревень Заболотья. Оставшиеся жители парадоксальным образом вернулись к традиционному природопользованию и практически стопроцентному самообеспечению за счет биологических ресурсов окружающих ландшафтов.

В настоящее время можно выделить шесть ключевых факторов трансформации этноэкосистем Заболотья, которые будут действовать в ближайшие десятилетия.

1. Постепенное улучшение транспортно-инфраструктурной освоенности и доступности территории Заболотья. Территориальная изоляция позволяла столетиями сохранять традиционные формы хозяйственной деятельности и быта в Заболотье. Однако для современных жителей этого края отсутствие постоянной транспортной связи с «большой землей» — главная проблема и причина невысокого уровня жизни. Несмотря на сложнейшие природные условия и высокие затраты на транспортное освоение этой территории, постепенно оно будет осуществляться. Например, с 2005 г. было начато строительство автомобильной дороги Тюмень — Нижняя Тавда — Междуреченский, которая должна пройти по западной части Тобольского Заболотья, через деревни Кускургуль и Янгутум. Однако в настоящее время из-за отсутствия финансирования этот проект приостановлен. Обеспечение устойчивого транспортного сообщения, очевидно, не только позволит местному населению реализовывать больше заготавливаемой промысловой продукции и будет стимулировать рост прессинга на природные экосистемы, но и привлечет в Заболотье представителей внешнего бизнеса, усилив конкуренцию за ресурсы.

2. Территориальная поляризация хозяйства. В настоящее время для территории Заболотья актуальными являются проблемы техногенных и антропогенных рисков в сфере ведения традиционного природопользования в результате повышения интенсивности эксплуатации природных экосистем в наиболее доступных местах. При этом часть условно неудобных угодий выводится из хозяйственного использования. В частности, отдельные крупные водоемы с удовлетворительной транспортной доступностью (например, озера Шишкарым, Большое Карасье, Нанджино, Андреевское в Тобольском районе) используются весьма интенсивно, при этом снижаются возможности естественного воспроизводства рыбы⁴⁵. Низкий уровень зарыбления местных озер сдерживает организацию промышленного лова ценных пород рыбы. Как результат, значительная часть освоенных в этноэкологическом отношении территорий забрасывается (например, зарастают ранее прокопанные каналы между речными меандрами и озерами; сгнивают охотничьи зимовья, пустеют целые деревни), в то время как другие территории испытывают антропогенную нагрузку, приводящую к деградации их природно-ресурсного потенциала.

⁴⁵ Пояснительная записка // Постановление Губернатора Тюменской области от 27 июня 2003 года № 224 об областной целевой программе «Государственная поддержка социально-экономического развития отдаленных труднодоступных территорий «Заболотья» Тюменской области на 2003–2005 годы».

3. *Развитие рыночных механизмов в природопользовании.* Как уже отмечалось, в Заболотье применяется семейно-родовая внеинституциональная организация использования промысловых угодий. То есть местные жители знают, какая семья и на какой территории ведет промысел, и все стараются сохранить этот порядок, что несложно сделать в условиях очень небольшой людности общин при огромности эксплуатируемых территорий. Однако по закону промысловое использование биологических ресурсов должно регламентироваться юридически закрепленным правом частной собственности, арендой территории/акватории для хозяйственного использования или выдачей лицензий на отстрел промысловых животных или вылов рыбы. Представители местных администраций стремятся убедить жителей Заболотья покупать лицензии на использование биологических ресурсов (вылов рыбы, добычу промысловых животных), но успеха в этом не достигают. Сотрудники контролирующих органов⁴⁶ туда не добираются. Поэтому местные жители не видят необходимости что-то менять в многовековом укладе организации хозяйственной деятельности и оплачивать «бесполезные бумажки». Однако в условиях рыночной экономики это может сыграть злую шутку, если внешний инвестор возьмет в аренду наиболее удобные с точки зрения доступности водоемы и местная администрация не будет иметь законных оснований для отказа, так как все эти озера формально не используются.

4. *Совершенствование технической оснащенности местного населения.* Улучшение технической оснащенности населения оказывает существенное трансформирующее влияние на состояние этноэкосистем. Например, в охоте стали применять снегоходы и оптические прицелы, в рыбной ловле используют эхолоты; сохранению добытой рыбы, ягоды, грибов помогают современные морозильные камеры и т. д. Все это позволяет изымать большее количество ресурсов и, соответственно, оказывать существенно большее воздействие на эксплуатируемые экосистемы. Это оказывает негативное влияние на воспроизводящие способности ландшафтов и на устойчивость этноэкосистем в целом.

5. *Глобальные изменения климата.* Происходящее потепление климата⁴⁷ в условиях Тобольского Заболотья приводит к снижению уровня воды в озерах и повышению концентрации биогенных токсинов при уменьшении количества кислорода. Это ведет к массовым заморам рыбы, а по одной из гипотез, также является причиной вспышек гаффской болезни, зафиксированных в 2019 и 2021 гг. в селе Ачиры и деревне Ишменева. Также, вероятно, климатические изменения могут привести к трансформации ландшафтной структуры Заболотья и, соответственно, конфигурации промысловых угодий.

6. *Изменение ценностно-психологических стереотипов населения.* Очевидно, что традиционное природопользование остается эффективным и устойчивым при условии сохранения традиционных потребностей сообщества. Однако процессы глобализации и информатизации в современном мире стремительно меняют психологические установки традиционных сообществ, агрессивно культивируя потребительские ценности. В результате психологически обусловленный рост материальных потребностей населения, ведущего традиционное хозяйство, экстенсивное по своей сути, приводит к быстрому превышению предельно допустимой нагрузки на биологические ресурсы, подрывающие их способность к самовосстановлению. А снижение природно-ресурсного потенциала территории составляет реальную угрозу для самого существования этноэкосистем Тобольского Заболотья.

Проводимые этноориентированные научные исследования территории актуализируют, но не реализуют экспертную функцию системных воздействий на решение глубинных проблем жизнеобеспечения, повышения индекса развития человеческого потенциала местных сообществ в условиях допущенных фактов ресурсного экстрактивизма в зонах традиционного природопользования в интересах сторонних лиц.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Таким образом, сохранение устойчивого развития этноэкосистем Тобольского Заболотья в условиях современных вызовов и угроз требует нетривиальных решений. Первым необходимым шагом

⁴⁶ Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания Тюменской области.

⁴⁷ Доклад об экологической ситуации в Тюменской области в 2021 году / Правительство Тюменской области. Тюмень, 2022. 198 с.

в этом процессе видится необходимость проведения полевого экспедиционного исследования зон компактного проживания автохтонного населения Тобольского Заболотья в Лайтамаке, Ачирах, Чебурге и прилегающих к ним угодий традиционного природопользования, с целью комплексной оценки состояния природного и культурно-исторического потенциала территории; изучения условий взаимодействия автохтонов с природной средой, исследования различных аспектов их жизнедеятельности. Необходим поиск регионально адаптированных форм коэволюции природы и общества, позволяющих при сохранении экологического баланса кардинально повысить качество жизни местного населения. Представляется, что многовековой исторический опыт традиционного природопользования должен стать фундаментом устойчивого развития; не заменен, а дополнен (при необходимости) новыми формами и технологиями хозяйственной деятельности, с характерной исторической и культурной преемственностью гибридных хозяйственно-культурных типов, функционирующих в условиях сбалансированного природопользования в сходных естественно-географических условиях; самоопределением экономически активных групп населения, минимизацией нарастающих экологических рисков изменений окружающей среды.

Возможно, одним из способов диверсификации экономики Тобольского Заболотья, повышения уровня благосостояния населения при сохранении экологической устойчивости и культурной аутентичности местных этноэкосистем может стать туризм. По мере нарастания антропогенного прессинга на природную среду во всем мире остается все меньше территорий, условно неосвоенных человеком. Ареалы дикой природы становятся все более востребованными в мировом туризме. То же самое можно сказать об автохтонных этнокультурных сообществах, ведущих традиционный образ жизни. Посещение таких общин — основа этнокультурного туризма. При должной организации территория Тобольского Заболотья может стать очень популярной у отдельных категорий туристов. Помимо многочисленных рек и озер, первобытных лесов и болот с большим разнообразием видов флоры и фауны в Заболотье открыты источники термальных минеральных вод (см. рис. 6). Этот потенциал имеет перспективы стать главным туристским ресурсом для развития экологического и этнокультурного туризма, как способов диверсификации экономики, повышения уровня благосостояния населения при сохранении экологической устойчивости и культурной аутентичности местных этноэкосистем.

Рис. 6. Термальный источник в бассейне реки Лайма (фото: Сергей Русанов)

Очевидно, что здесь не место массовому туризму, который сам по себе является важнейшим фактором трансформации этнокультурных систем и деградации природных ландшафтов. Туризм в Заболотье должен быть ориентирован на небольшие группы искушенных путешественников, настроенных на путешествия экспедиционного типа со значительной научной составляющей. При этом в основе туристского интереса – погружение в аутентичную этнокультурную среду сообщества-изолята; посещение нетронутых диких ландшафтов; освоение практик традиционного природопользования и быта заболотных татар.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают искреннюю признательность профессору кафедры картографии и геоинформатики Тюменского государственного университета В. А. Добряковой за помощь в подготовке картографического материала и фотографу С. А. Русанову за предоставленные фотоматериалы.

References

Abramov I. V. [Practices of Fishery Regulation of Water Bodies of Konda and Zabolotye]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauch. konf. Tyumen', 2–6 noyabrya 2020 g.* [Ecology of Ancient and Traditional Societies: Materials of the 6th International Sci. Conf. Tyumen, November 2–6, 2020]. Tyumen: Izd-vo TyumNTs SO RAN Publ., 2020, iss. 6, pp. 239–242. (In Russian).

Adaev V. N. [Swamp Routes: Communication Ways and Methods with Peoples of Low Irtysh Basin across Watershed Territories in XVIII–XX Centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2012, no. 3 (18), pp. 110–119. (In Russian).

Agdzhoyan A. T., Balanovskaya E. V., Padyukova A. D. et al. [Gene Pool of Siberian Tatars: Five Ways of Origin for Five Subethnic Groups]. *Molekulyarnaya biologiya* [Molecular Biology], 2016, vol. 50, no. 6, pp. 978–991. DOI: 10.7868/S0026898416060021 (In Russian).

Alekseev V. P. [Anthropogeocenoses — Essence, Typology, Dynamics]. *Priroda* [Nature], 1975, no. 7, pp. 18–23. (In Russian).

Arutyunov S. A. [Cultural Studies and Global Ecology]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 1980, no. 12, pp. 92–98. (In Russian).

Arutyunov S. A., Melkonyan E. L. [Life Support Culture in Ethnic Systems]. *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos. Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh armenyanskoj sel'skoj kul'tury)* [Life Support Culture and Ethnicity. Experience of Ethnocultural Research (Based on Materials of Armenian Rural Culture)]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ArmSSR Publ., 1983, pp. 53–60. (In Russian).

Bakieva G. T., Kvashnin Yu. N. [Turks, Samoyeds and Ugrians in the Tobolsk Irtysh Region (On the Issue of the Ethnogenesis of the Zabolotnie Tatars)]. *Bol'she chem etnograf: Sbornik nauch. statej, posvyashchennyj pamyati professora Vladimira Vladimirovicha Pimenova* [More than an Ethnographer: Collection of Sci. Articles Dedicated to the Memory of Professor Vladimir Vladimirovich Pimenov]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 2015, pp. 181–190. (In Russian).

Balyuk N. A., Kuprina L. E., Rybalova T. V. [Authentic Landscape of the Traditional Nature Management of the Boloth Tatars: By the Materials of the Study of the Territory of the Yu. Uki of the Uvat District]. *Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri: ugray: sbornik materialov IX Vserossiyskogo simpoziuma* [IX All-Russian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia: Ugrians”]. Tobolsk: Mezhhregional'nyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii Publ., 2023, pp. 78–83. (In Russian).

Borodulina A. A. [Anthropology of Extractivism]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2022, no. 1, pp. 247–252. DOI: 10.17223/2312461X/35/13 (In Russian).

Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennyj sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. (In Russian).

Eremin G. I. [Pre-Islamic Beliefs of the “Zabolotnie Tatars” of Western Siberia (On the Question of Ethnogenesis)]. *Voprosy istorii SSSR* [Questions of the History of the USSR]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1972, pp. 409–439. (In Russian).

Fayzullina G. Sh. [Rituals of the Transitional Cycle among the Zabolotnie Tatars]. *Sibirskiy etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow: Institut Etnologii i Antropologii Publ., 1997, iss. 8, pp. 230–268. (Peoples of Siberia; book 3). (In Russian).

Funk D. A. [Formation of New Ethnic Identities among the Turks in the South of Western Siberia in the 1980s — First Half of the 1990s. (On the Example of the Bachat Teleuts)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1999, no. 5, pp. 109–128. (In Russian).

Gafurova Z. A. [From the History of the Economy of the Tobol-Irtysh Tatars]. *Sibirskiy tatars: istoriya i sovremennost' (materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii 17–18 iyunya 1990 g., g. Tobol'sk)* [Siberian Tatars: History and Modernity (Materials of the Sci. and Practical Conf. June 17–18, 1990, Tobolsk)]. Tobolsk: TGIAMZ Publ., 1990, pp. 23–24. (In Russian).

Golovnev A. V. [On the Issue of Turkic-Ugric Contacts in the Lower Irtysh Region]. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Tezisy dokladov oblastnoy nauch. konf. po etnografii* [Ethnic History of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia and the Adjacent Territories: Abstr. of Reports of the Regional Sci. Conf. on Ethnography]. Omsk: OmGU Publ., 1984, pp. 31–34. (In Russian).

Golovnev A. V. *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* [Historical Typology of the Economy of the Peoples of North-Western Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta Publ., 1993. (In Russian).

Gvozdetsky N. A., Krivolutsky A. E., Makunina A. A. [Physico-Geographical Zoning]. *Atlas Tyumenskoy oblasti* [Atlas of the Tyumen region]. Moscow; Tyumen: Glavnoye upravleniye geodezii i kartografii pri Sovete ministrov SSSR Publ., 1971, sheet 27 (5). (In Russian).

Humphrey K. *Postsovetskiye transformatsii v aziatskoy chasti Rossii (antropologicheskiye ocherki)* [Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia (Anthropological Sketches)]. Moscow: Natalis Publ., 2010. (In Russian).

Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri [History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT; Izd-vo "Artifakt" Publ., 2015. (In Russian).

Kagansky V. L. *Prostranstvennyye zakonomernosti kul'turnogo landshafta sovremennoy Rossii: avto-ref. kand. dis.* [Spatial Patterns of the Cultural Landscape of Modern Russia: Abstr. PhD Diss.]. Moscow: Institut geografii RAN, 2012. (In Russian).

Kharitonova V. I. *Feniks iz pepla? Sibirskiy shamanizm na rubezhe tysyacheletiy* [Phoenix from the Ashes? Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium]. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russian).

Khramova V. V. [West Siberian Tatars]. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1956, pp. 473–491. (Peoples of the World. Ethnographic essays). (In Russian).

Khramova V. V. [Zabolotnie Tatars (The 1948 Trip)]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the All-Union Geographical Society], 1950, vol. 82, no. 2, pp. 172–183. (In Russian).

Korandey F. S., Abramov I. V., Kostomarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. [Provocative Landscapes: A Study of Everyday Cultural Landscapes at the Outskirts of Agglomerations]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2021, no. 3 (54), pp. 247–257. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-21 (In Russian).

Kozlov V. I. [Main Problems of Ethnic Ecology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1983, no. 1, pp. 3–16. (In Russian).

Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoy Evrazii* [Arctic Ethnoecology: Models of Traditional Nature Management of Sea Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian).

Kvashnin Yu. N., Bakieva G. T. [Interethnic Contacts in the Tobolsk Zaboloty (On the Issue of the Formation of a Local Group of Russians)]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vseros. nauch. konf., Tyumen', 2–6 aprelya 2018 g.* [Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Materials of the All-Russian Sci. Conf., Tyumen, April 2–6, 2018]. Tyumen: FITS TyumNTs SO RAN Publ., 2018, iss. 4, pp. 359–362. (In Russian).

Kvashnin Yu. N., Bakieva G. T. *Tobolo-Irtyshskiye tatory (istoriko-etnograficheskiye ocherki)* [Tobol-Irtysh Tatars (Historical and Ethnographic Essays)]. Tobolsk: Institut problem osvoyeniya Severa SO RAN Publ., 2009. (In Russian).

Makunina A. A., Selezneva N. S. [Landscapes (South of the Region)]. *Atlas Tyumenskoy oblasti* [Atlas of the Tyumen Region]. Moscow; Tyumen: Glavnoye upravleniye geodezii i kartografii pri Sovete ministrov SSSR Publ., 1971, sheet 27. (In Russian).

Rakhimov R. Kh. [Current State of Hunting and Fishing of the Zabolotnie Tatars (Based On Materials from an Expedition to the Tobolsk Region in February 2003)]. *Zemlya Tyumenskaya: Yezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Tyumen Land: Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta Publ., 2004, iss. 17, pp. 236–247. (In Russian).

Samoilov V. A. *Letopis' Tobol'skogo rayona: k 80-letiyu obrazovaniya Tobol'skogo rayona* [Chronicle of the Tobolsk Region: To the 80th Anniversary of the Formation of the Tobolsk Region]. Tobolsk: Poligrafist Publ., 2003. (In Russian).

Smirnova E. Yu. [Traditional Clothing of the Tobol-Irtysh Tatars of the Late 19th — First Third of the 20th Century]. *Narody Sibiri i sopredel'nykh territoriy: mezhvedom. sb. nauch. statey* [Peoples of Siberia and the Adjacent Territories: Interdepartmental Coll. of Sci. Articles]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995, pp. 201–218. (In Russian).

Syrkina I. A. [The Tobolsk Tatars Folklore as a Source for Studying the Ethnogenesis and Ethnocultural Connections of the Population of the Northern Tobol Region]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Tezisy dokladov oblastnoy konf.* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia and the Adjacent Territories: Abstr. of Reports of the Regional Conf.]. Omsk: OmGU Publ., 1979, pp. 133–135. (In Russian).

Tikhomirova M. N. [Lands Utilization of the Yaskolbinskie Tatars as a Reflection of Economic Development of the Territory (Second Half of 20th Century — 2010s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical studies], 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 153–165. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).153-165 (In Russian).

Tikhomirova M. N. [Summer Thoroughfares and Ways of Movement of Yaskolbinsky Tatars for the Second Half of XX — Beginning of the XXI Century]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 5, pp. 521–529. (In Russian).

Tikhomirova M. N. [Traditional Appropriating Types of Economic Activities of the Yaskolbin Tatars in the Past and Present]. [Ethnography of Altai and Adjacent Territories], 2020, no. 10, pp. 128–131. DOI: 10.37386/2687-0592-2020-10-128-131 (In Russian).

Tikhomirova M. N. *Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh'ya: problemy formirovaniya i etnokul'turnyye svyazi* [Food Culture of the Tatars of the Middle Irtysh Region: Problems of Formation and Ethnocultural Connections]. Omsk: Omskiy filial Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2006. (In Russian).

Tomilov N. A. [Ethnic Ecology and Traditional Everyday Culture]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo un-ta* [Izvestiya of Altai State University], 2009, no. 4/3 (64), pp. 219–224. (In Russian).

Tomilov N. A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI — nachala XX veka* [Ethnic History of the Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain of the Late 16th — Early 20th Century]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta Publ., 1992. (In Russian).

Tomilov N. A. *Etnografiya tyurkoyazychnogo naseleniya Tomskogo Priob'ya (khozyaystvo i material'naya kul'tura)* [Ethnography of the Turkic-Speaking Population of the Tomsk Ob Region (Economy and Material Culture)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1980. (In Russian).

Tomilov N. A. *Problemy etnicheskoy istorii (po materialam Zapadnoy Sibiri)* [Problems of Ethnic History (Based on Materials from Western Siberia)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1993. (In Russian).

Tomilov N. A. *Tyurkoyazychnoye naseleniye Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI — pervoy chetverti XIX v.* [Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th — First Quarter of the 19th Century]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1981. (In Russian).

Tumasheva D. G. *Dialekty sibirskikh tatar: opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Dialects of the Siberian Tatars: Experience of Comparative Research]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta Publ., 1977. (In Russian).

Valeev F. T. *Sibirskiye tatory. Kul'tura i byt* [Siberian Tatars. Culture and Everyday Life]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1993. (In Russian).

Yamkov A. N. [Ethnoecosystem: The Concept Content and the History of Its Development in Domestic Ethnoecology]. *Rasy i narody* [Races and Peoples]. Moscow: Nauka Publ., 2009, pp. 130–142. (In Russian).

ИСТОЧНИКИ

УДК 930.2(47)“1824”:910.4

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-86-97

Шумкин Георгий Николаевич

к. и. н., старший научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

Документы о подготовке к путешествию Александра I на Урал в 1824 г. (к 200-летию события)*

АННОТАЦИЯ. Публикация документов посвящена 200-летию путешествия на Урал императора Александра I в 1824 г. Интерес императора к этому региону был не случаен. В годы царствования Александра I был проведен ряд реформ, в ходе которых была создана система горнозаводского права («Проект горного положения»), институционально оформлена система казенных горных округов, создано сословие неперемных работников, начата интенсивная добыча золота. Проведенные преобразования подготовили условия для выделения Урала в особый регион — Уральскую горную область. В публикацию вошли копии документов из переписки Златоустовского и Екатеринбургского горных начальников, отложившиеся в фонде Департамента горных и соляных дел Министерства финансов Российского государственного исторического архива. Публикуемые материалы посвящены вопросам подготовки Оренбургской губернии к встрече императора. Публикацию документов предваряет вводная статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Александр I, Урал, путешествие, горнозаводская промышленность, администрация

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00932.

SOURCES

UDC 930.2(47)“1824”:910.4

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-86-97

Georgy N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

Documents on the Preparation for Alexander I's Trip to the Urals in 1824 (To the 200th Anniversary of the Event)

ABSTRACT. The publication of the documents is dedicated to the 200th anniversary of Emperor Alexander I's trip to the Urals in 1824. The Emperor's interest in this region was not accidental. During the reign of Alexander I, a number of reforms were carried out, during which a system of mining law was created («Draft of Mining Regulations»), the system of state-owned mining districts was institutionalized, a class of indispensable workers was created, and intensive gold mining began. These measures prepared the conditions for the transformation of the Urals into a special region — the Ural Mining Oblast. The publication includes copies of documents from the correspondence of the Zlatoust and Ekaterinburg mining chiefs, deposited in the fund of the Department of Mining and Salt Affairs of the Ministry of Finance of the Russian State Historical Archive. The published materials are devoted to the preparation of the Orenburg province for the meeting of the emperor. The publication of the documents is preceded by an introductory article.

KEYWORDS: Alexander I, Urals, trip, mining industry, administration

Первым из русских царей на Урале побывал Александр I. Его поездка в 1824 г. отражена в многочисленных публикациях¹, обросла мифами и легендами, пополнила топонимику региона новыми названиями (Александровская площадь в Оренбурге, Царский мост в Екатеринбурге, Александровская сопка в Златоусте, Царево-Александровский рудник в Миассе и т. д.).

Интерес императора к этому региону был неслучаен. Урал оставался главным центром металлургии и горнодобывающей промышленности России. Здесь изготовлялось около 80 % железа, выплавлялась почти вся медь и добывалось почти все золото. В 1823 г. частными горными заводами Урала было выплавлено 6,7 млн пудов чугуна и выделано 4,8 млн пудов железа разных сортов на 20 млн рублей; выплавлено 155 тыс. пудов меди на 3,7 млн рублей; добыто золота 63 пуда 19 фунтов 57 золотников на 866 тыс. рублей и серебра — 4 пуда 19 фунтов 81 золотник на 4,2 тыс. рублей. В железоделательном производстве были заняты 98 176 человек, в медеплавильном — 23 822 человека². Казенные горные заводы добыли 40 пудов золота, выплавляли 45 тыс. пудов меди и 1,5 млн пудов чугуна, изготовили 334 тыс. пудов полосового и 165 тыс. пудов сортового железа, 15 тыс. пудов якорей, 16 тыс. пудов стали, 40 тыс. пудов снарядов, 30 тыс. клинков общей стоимостью на 8 млн рублей³.

Александр I внес немалый вклад в развитие уральской промышленности. При нем произошло оформление окружной системы. В 1806 г. был принят первый свод горнозаводского законодательства России — «Проект горного положения». В первые годы правления Александра I было существенно облегчено положение людей, работавших на рудниках и горных заводах. Отменена приписка государственных крестьян к казенным и посессионным заводам — отныне заготовкой топлива и руд, а также перевозкой грузов на казенных и посессионных заводах занималось специальное сословие непрременных работников, которые по своему правовому положению были уравнены с казенными мастерами. На горных заводах создавались школы, больницы, богадельни. Впервые была введена ответственность владельцев горных округов и администрации за травмы, полученные мастерами и рабочими людьми на заводах. В 1809 г. на базе Ижевского железоделательного завода построен оружейный завод. В 1811 г. по инициативе императора в Златоусте приступили к созданию уникального предприятия — Златоустовской оружейной фабрики. Благодаря тому, что в 1812 г. частным заводчикам предоставлено право добывать в своей земле золото, а также благодаря открытому в 1815 г. Л. И. Брусницыным месторождений россыпного золота за несколько лет добыча этого металла выросла в разы.

Но во время путешествия на Урал царь и его свита увидели не только успехи, но и проблемы горнозаводской промышленности. Уже в 1824 г. началась подготовка к новому витку реформ горнозаводской промышленности, который был реализован уже при Николае I. В 1826 г. было создано Уральское горное правление, а горнозаводская промышленность региона была подчинена Главному начальнику уральских горных заводов⁴. В 1827–1829 гг. казенные горные заводы стали работать на основании новых штатов⁵.

Данной публикацией документальных материалов составитель хотел отдать дань памяти этому знаменательному событию. Документы извлечены из фонда Департамента горных и соляных дел Министерства финансов Российского государственного исторического архива. Они представляют собой

¹ Известие о пребывании Его Императорского Величества на Златоустовских заводах // Отечественные записки. 1824. Ч. 20. С. 265–295; Император Александр I на Урале. Иллюстрированный сборник статей. Челябинск, 2022. 242 с.; Новиков И. А. Александр I в Златоусте // Маховик. 1991. № 5. С. 66–72; Новиков И. А. Александр I и реформа системы управления горными заводами Урала // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV–XX вв. Челябинск, 1995. С. 27–40; Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 28, 61; Сведения о поездке Императора Александра I на горные заводы, извлеченные из архивных дел // Горный журнал. 1878. № 1. С. 31–45; Смилянец К. В., Устинов А. Л. Пребывание Александра I на Урале. События и последствия // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. Екатеринбург, 2019. Т. 3. С. 297–302; Тарасов Д. Император Александр I. Последние годы царствования, кончина и погребение. По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Пг., 1915. С. 128–150; Юрин П. Л. Император Александр I в Оренбургском крае в 1824 г. // Исторический вестник. 1891. Сентябрь. С. 709–719; Юрин П. Л. Император Александр I в Уфе в 1824 г. // Исторический вестник. 1892. Июль. С. 151–159.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 17. Л. 53, 57, 62 об.

³ Там же. Л. 68.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 1. № 687.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 2. № 1022, Т. 3. № 1776, Т. 4. № 2890.

заверенные копии материалов переписки горных начальников Екатеринбургского и Златоустовского казенных горных округов. В данную публикацию не вошли «Ведомости о заводах медеплавильных Уральского хребта»⁶, «Ведомость о добытом при частных заводах золоте в 1823 году»⁷, «Ведомость о заводах чугуноплавильных и железоделательных Уральского хребта»⁸, «Краткие сведения о горных казенных заводах Уральского хребта, составленные соответственно присланным вопросам»⁹. Эти материалы были подготовлены и опубликованы Н. К. Чупиным в 1878 г. в связи со столетием Александра I¹⁰.

Источники публикуются с сохранением стилистических особенностей, пунктуация расставлена по правилам современного русского языка, орфографические ошибки исправлены по умолчанию, сокращения расшифрованы в квадратных скобках, в документе № 4 для упрощения чтения крупные абзацы разбиты на мелкие.

№ 1

КОПИЯ С ОТНОШЕНИЯ СВИТЫ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПО КВАРТИРМЕЙСТЕРСКОЙ ЧАСТИ ПОДПОРУЧИКА Н. В. БАЛКАШИНА^I ГОРНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА БЕРГ-ГАУПТМАНУ О. С. ОСИПОВУ^{II}

г. Екатеринбург

17 мая 1824 г.

По воле начальника Главного Штаба Его Императорского Величества господина генерал-адъютанта барона [И. И.] Дибича^{III}, откомандирован я для составления подробных топографических маршрутов и статистического описания здешнего края. Короткое время, недостаточное для исследований, и малое познание о заводах екатеринбургских, составляющих немаловажную отрасль народного богатства России, заставляют меня прибегнуть к Вашему Высокоблагородию. План г. Екатеринбурга с назначением числа домов и жителей, планы заводам, число работников и, ежели неточное, то хотя примерное сведение о количестве доставаемого металла из 100 пудов руды, наконец, торговля заводов, суть средства, которые я надеюсь получить от Вас. Равным образом покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие уведомить меня, есть ли дом приличный для кратковременного пребывания Его Императорского Величества в здешнем городе.

Подлинное подписал подпоручик [Н. В.] Балкашин.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 17. Л. 50–53.

⁷ Там же. Л. 54–57.

⁸ Там же. Л. 58–65.

⁹ Там же. Л. 66–71 об.

¹⁰ Сведения о поездке Императора Александра I на горные заводы, извлеченные из архивных дел // Горный журнал. 1878. № 1. С. 31–45.

^I Балкашин Николай Васильевич (1805–1859) — в 1823–1829 гг. прапорщик в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участвовал в военных экспедициях в киргиз-кайсацкую степь, прикрывал купеческие караваны, направлявшиеся в Бухару. С 1829 г. — адъютант в штабе отдельного Оренбургского корпуса; с 1832 г. — старший адъютант начальника штаба; с 1835 г. — адъютант командира отдельного Оренбургского корпуса В. А. Перовского. В 1831–1834 гг. руководил строительством тракта Самара — Стерлитамак — Верхнеуральск. С 1840 г. — исправляющий должность командующего Башкиро-мещерякским войском. В 1845 г. — вице-губернатор Саратовской губернии, в 1846 г. — оренбургский гражданский губернатор. В 1851 г. — командир Башкиро-мещерякского войска. В 1853–1854 гг., во время похода В. А. Перовского в Кокандское ханство, исполнял должность оренбургского и самарского генерал-губернатора, 1854 г. — снова командир Башкиро-мещерякского войска.

^{II} Осипов Осип Самсонович (1776–?) — горный офицер. Из малороссийских дворян. Обучался в Горном училище. В 1801–1818 гг. — управляющий Барнаульской лаборатории. В 1820–1831 гг. — горный начальник Екатеринбургского горного округа.

^{III} Дибич Иван Иванович (1785–1831) — генерал-адъютант. Окончил Берлинский кадетский корпус, в 1801 г. поступил на русскую службу в Семеновский полк. Участник наполеоновских войн. В 1813 г. — генерал-квартирмейстер союзных армий, в 1814–1823 гг. — начальник штаба 1-й армии, с 1824 г. — начальник Главного штаба. С 1818 г. — генерал-адъютант, сопровождал Александра I во всех поездках. Организовал арест декабристов во 2-й армии. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в подавлении восстания в Польше в 1830–1831 гг.

№ 2

**КОПИЯ С ОТВЕТА ГОРНОГО НАЧАЛЬНИКА ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ЗАВОДОВ О. С. ОСИПОВА СВИТЫ ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПО КВАРТИРМЕЙСТЕРСКОЙ ЧАСТИ ПОРУЧИКУ Н. В. БАЛКАШИНУ**

г. Екатеринбург

27 мая 1824 г.

На отношение Вашего Благородия уведомить честь имею:

1-е) Для кратковременного пребывания в здешнем городе Его Императорского Величества назначен каменный дом наследников купца [Л. И.] Расторгуева^{IV}, а для чиновников, Свиту Его Величества составляющих, вблизи первого деревянной купца [Г. Ф.] Зотова^V, которые, быв нарочно командированными много чиновниками и архитектором осмотрены, найдены по устройству своему из лучших зданий.

2-е) План города с означением на нем числа домов и жителей приказал я, с готовоимеющегося скопировав, к Вам доставить; но планов заводов, размеров строений, по несоставлению оных прежде, доставить ныне не можно.

3-е) Главнейшее производство Высочайше вверенных моему начальству заводов состоит: а) в добыче из руд и песков золота, б) в тиснении медной монеты и 3) в выплавке чугуна и выделки из оного железа. Первое отправляется в Санкт-Петербург и поступает на тамошний Монетный двор; вторая имеет ежегодное назначение в разные российские губернии; а последние употребляются в изделия, нужные для действия здешних заводов, и чугун частью в артиллерийские снаряды.

4-е) Сложное содержание полученного с 1-го января по 21-е число сего месяца золота от 100 пуд обошлось из руд 4 золот[ника] 29 дол[ей] и песков 1 золот[ник] 9 долей и

5-е) При всех заводах мастеровых и рабочих людей, обращающихся в горных заводских занятиях, состоит 5886, да занимающихся приготовлением лесных припасов комплектных непрременных работников: конных 859 и пеших 378, а всего 7123 человека.

Подлинное подписал горный начальник О.[С.] Осипов.

№ 3

**КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ ГОРНОГО НАЧАЛЬНИКА ЗЛАТОУСТОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА С. П. ТАТАРИНОВА^{VI}
ГОРНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА О. С. ОСИПОВУ**

Златоустовский завод

14 мая 1824 г.

Имею честь препроводить при сем к Вашему Высокоородию, для надлежащего сведения и в потребном случае исполнения, список с отношения Оренбургского губернского правления от 26 апреля сего года по случаю предпринимаемого Государем Императором нынешним летом путешествия по России.

Подлинное подписал горный начальник С.[П.] Татаринов.

^{IV} Современный адрес: Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 44.

^V Современный адрес: Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 45.

^{VI} Татаринов Степан Петрович (1782–1847) — горный инженер, горный начальник Златоустовского горного округа. В 1800 г. окончил Горное училище. Работал на заводах Баташевых, помощником управляющего Кушвинским и Серебрянским заводами. В 1810 г. — управитель Верхнетуринским заводом, в 1812 г. — Серебрянским заводом, в 1816 г. — начальник Илецкой конторы, в 1818 г. — управляющий Дедюхинским соляным правлением, в 1821 г. — горный начальник Златоустовских заводов и директор Оружейной фабрики. В 1826 г. причислен к Пермскому горному правлению. В 1827 г. провел ревизию Нерчинского горного округа. В 1829 г. назначен горным начальником Нерчинскими заводами. С 1840 г. — томский гражданский губернатор и главный начальник Алтайских горных заводов.

№ 4

**КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ ГОРНОМУ НАЧАЛЬНИКУ
ЗЛАТОУСТОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА С. П. ТАТАРИНОВУ**

г. Оренбург

24 апреля 1824 г.

Исправляющий должность Оренбургского гражданского губернатора г[осподин] вице-губернатор и кавалер^{vii} в предложении губернскому правлению от 24 сего апреля изъясняет, что исправляющий должность начальника Главного Штаба Его Императорского Величества генерал-адъютант барон [И. И.] Дибич, по случаю предпринимаемого Государем Императором нынешним летом путешествия по России, предписал обер-квартирмейстеру Оренбургского отдельного корпуса полковнику Милорадовичу^{viii} доставить ему к 15 будущего июня маршрут от Симбирска до Оренбурга и от сего через Уфу в Екатеринбург. По поводу чего Его Высокопревосходительство г[осподин] Оренбургский военный губернатор^{ix} изволил предложить ему, дабы он обратил особенно внимание:

1-е. На устройство по здешней губернии дорог, преимущественнее по трактам Бузулукскому, Оренбургскому, Стерлитамакскому, Уфимскому, Бирскому и Троицкому, чрез которые Всеавгустейший путешественник иметь будет проезд на Екатеринбург, предписав полицмейстерам, городничим и земским исправникам, кроме Оренбургского исправника, коему дано от него особое предписание, дабы тотчас занялись устройством дорог и мостов, равно и выставкой гранитных стационарных, верстовых и перекрестных столбов каждый в своей округе на основании изданных правил, и кончили оное без малейших отступлений непременно к июлю месяцу настоящего года, без всяких их отзывов; а дабы удобнее могли заняться сим предметом, не отвлекаясь для других случаев, то обязывает велеть исправникам все дела, какие на руках их имеются, сдать благонадежным дворянским заседателям.

2-е. Чтобы по городам и селениям чистота и опрятность улиц и площадей соблюдались во всей точности, а сами строения, сколько можно, были в хорошем виде, без малейшего безобразия.

3-е. Чтобы на почтовых станциях положенное число лошадей с конною сбруею, упряжные повозки и сами ящики были в должной и лучшей во всех частях исправности, а притом лошади были бы кованы.

4-е. Для лучшего же наблюдения за устройством дорог сколь можно чаще посылать в те выезды губернских чиновников, каковые при Его Высокопревосходительстве находятся, также командируемы им будут чрез каждые две недели с тем, что если при обозрении их окажутся земские исправники, полицмейстеры и городничие в каких-либо по устройству дорог упущениях и неисправностях, а посылаемые от губернского начальства чиновники слабо действующими, тогда поступлено с ними будет со всей законной строгостью. Извещая губернское правление о сем предписании Его Высокопревосходительства г[осподина] Оренбургского военного губернатора, предлагает выполнению оного учинить немедленно зависящее распоряжение, вменив г[осподам] уездным предводителям дворянства заняться вместе с исправниками устройством дорог по вышезначенным трактам; уфимским же полицмейстеру и исправнику в особенности предписать: первому, чтоб хозяев всех тех домов, которые на планных^x местах выстроены, обязать подписками обшить оные к июлю месяцу сего года по фасаду тесом и окрасить, равная и заплоты, а второму, чтобы перевозки в его уезде чрез реку Белую и Уфу были наилучшим образом исправлены и снабжены хорошими паромами и косными лодками^{xi}, что также и уфимский

^{vii} Нелидов Григорий Васильевич (1789–1826) — в 1822–1826 гг. — оренбургский гражданский губернатор.

^{viii} Милорадович — в 1824 г. полковник, обер-квартирмейстер Оренбургского отдельного корпуса, личность установить не удалось.

^{ix} Эссен Петр Кириллович (1772–1844) — генерал от инфантерии, в 1817–1830 гг. — Оренбургский генерал-губернатор. Участник войн с наполеоновской Францией. В сражении при Прейсиш-Эйлау командовал 8-й дивизией. В 1813 г. командовал 4-й дивизией, участвовал в осаде г. Мец, в сражении при Шато-Тьерри, во взятии Парижа. В 1830–1842 гг. — Санкт-Петербургский генерал-губернатор.

^x Так в документе.

^{xi} Двухмачтовые парусно-гребные лодки, предназначенные для перевозки грузов по рекам.

полицмейстер должен выполнить. Губернское правление благоволит поспешить постановлением по сему как можно скорее и донести Его Высокопревосходительству, а к делам г[осподина] гражданского губернатора передать с оного список.

А по справке оказалось: по тракту, пролегающему от Уфы до Троицка, существуют перевозки:

- 1-й Оренбургский под городом Уфою чрез реку.
2. Ниже города Уфы чрез реку Белую Вавиловский.
3. Уфимского уезда при селе Монастырских Дуванях чрез реку Белую же.
4. При деревне Месягутовой чрез реку Ай.
5. Бирского уезда при деревнях Багазы чрез реку Уфу.
- И 6. Троицкого уезда при Саткинской пристани чрез реку Ай.

Из коих перевозов на трех: Оренбургском под городом Уфой, Вавиловском и при селе Монастырских Дуванях — имеются построенные от казны на каждом по два парома и по одной косной лодке, на прочих же перевозах казенных материалов не имеется. Троицкого же уезда при Саткинской пристани перевоз состоит в распоряжении Златоустовских заводов. Из взятой из канцелярии г[осподина] гражданского губернатора сметы, учиненной на земские повинности для трех лет, с 1824 по 1827 год, видно, что по оной и предположено вновь сделать для Оренбургского и Вавиловского перевоза по три парома на плоскодонных лодках, каждый по 600 руб[лей], по одной косной лодке в 150 руб[лей] и одной лодки же распашной 100 руб[лей] четверо мостков по 400 руб[лей] и на поправку на сих перевозах старых материалов 320 руб[лей] и для перевоза Бирского уезда чрез реку Уфу один паром в 500 р[ублей] и две лодки по 50 руб[лей].

ПРИКАЗАЛИ: Согласно предположения г[осподина] Оренбургского вице-губернатора учинить следующее:

1. Всем здешней губернии полицмейстерам, городничим и земским исправникам переписать указами, чтоб они на устройство каждый по своему ведомству почтовых дорог согласно Высочайших правил и последовавших за тем начальственных предписаний приняли деятельнейшие меры, причем в особенности велеть Оренбургскому, Уфимскому полицмейстерам, Бузулукскому, Стерлитамакскому, Бирскому и Троицкому городничим, равно и уездов оных земским исправникам (кроме Оренбургского, коему дано особое по сему предмету от Оренбургского военного губернатора предписание), преимущественнее по трактам сим, чрез которые предпринимает Государь Император в нынешнем лете путешествие на Екатеринбург, тотчас озаботиться устройством дорог и мостов, равно и выставкой граничных станционных, верстовых и перекрестных столбов, каждый по своему заведыванию, и кончили оное без малейшего отступления непременно к июлю месяцу настоящего года без всякого отрыва. Как же скоро приступят к устройству дорог, тотчас донести Губернскому правлению, да и впредь об успехе своем доносить непременно каждую неделю. А дабы оные исправники единственно были заняты сим предметом, не отвлекаясь для других случаев, то все имеющиеся у них дела, на всем их занятии исправлением дорог, сдать для производства благонадежным дворянским заседателям. В обязанности всех полицмейстеров, городничих и земских исправников поставить иметь неослабленное наблюдение за чистотой и опрятностью улиц, площадей по городам и селениям, и чтоб оное соблюдалось во всей точности, а самые строения, сколь можно, были в хорошем виде без малейшего безобразия, а с тем вместе имели бы наблюдение, чтоб на почтовых станциях положенное число лошадей с конной сбруей, повозки и сами ямщики были в должной и лучшей во всех частях исправности, а притом и лошади были бы кованые. О равномерном чего наблюдении и со стороны почтового ведомства предписать Уфимской губернской почтовой конторе.

2-е. Чтоб по вышеозначенным трактам, чрез которые Государь Император изволит путешествовать, вместе с земскими исправниками занялись устройством дорог уездные предводители дворянства, оказывая взаимно один другому помощь и содействие, о том им и Оренбургскому губернскому предводителю сообщить и просить покорнейше из общей к службе обязанности употребить себя и расположить дворянство к содействию взаимным поселянским пользам устроить дороги и перевести их в порядок, предписанный Высочайшими правилами.

3-е. Уфимскому полицмейстеру велеть всех тех хозяев домов, которые на планых местах выстроены, обязать подписками обшить оные к июлю месяцу сего года по фасаду тесом и окрасить, равно и заплоты, приличными красками, имея за исполнением сего неослабленное наблюдение

под личную его, полицмейстера, частных приставов и квартальных надзирателей ответственностью. А дабы обшивка домов, окрашивание их и заплотов произведено было сообразно фасадам и делали красу городу, все то поручить надзору и ответственности губернского Архитектора, дабы он и Градская полиция, совокупно действуя, старались отличить себя благоразумным вниманием и расторопностью в настоящем деле.

4-е. Как существующие по тракту от Оренбурга чрез Уфу до Троицка перевозки состоят в ведении Уфимской полиции, Земского исправника и такового же Бирского, то полицмейстеру и исправнику строжайше подтвердить, чтобы перевозки оные и при них въезды и спуски были исправлены в самом наилучшем виде, с хорошей и прочной настилкой, а перила были бы покрыты военной краской, и если представится надобность прибавить где паромов и косных лодок, то немедленно распорядились прииском таковых в покупку или сделанием вновь, донесли Губернскому правлению для выдачи следуемой за то суммы, а дабы и находящийся в ведении Златоустовских заводов, состоящий при Саткинской пристани перевоз был во всей исправности, о том к Вам, горному начальнику Златоустовских заводов, сообщить, прося Вас о последующем уведомлении.

5-е. По получении от Земских исправников о начатии исправления дорог первых донесений, о командировании к лучшему наблюдению за устройством дорог губернских чиновников учинить в то же время особое постановление. О распоряжении же о сем г[осподину] Оренбургскому военному губернатору донести, а в Канцелярию г[осподина] Гражданского губернатора со статьи сего журнала передать список.

Подписал [коллежский] ассессор [Степан] Сплендоринский^{xii},
Скрепил [губернский] секретарь Головинский^{xiii},
Сверил губернский регистратор Попов^{xiv}.

№ 6

КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ ИЗ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ ГОРНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ЗЛАТОУСТОВСКИХ ЗАВОДОВ

г. Оренбург

14 августа 1824 г.

Оренбургский г[осподин] Военный губернатор и кавалер Петр Кириллович Эссен в предложении от 11 августа Губернскому управлению изъясняет, что из отношения к нему г[осподина] Начальника Главного штаба Его Императорского Величества известно, что Государь Император, назначив в течение сего лета путешествие по некоторым губерниям, удостоит своим посещением в будущем сентябре и здешний край. По сему в ожидании того счастливого случая, который доставит видеть в Оренбургской губернии Всемилостивейшего Государя нашего, хотя он, г[осподин] Военный губернатор, остается в полной уверенности, что чиновники, обязанные службою, дворянство, благонамеренные граждане, равно и каждый верноподданный и усердный сын Отечества не оставят пещись единодушно о возможном спокойствии Его Величества во время пребывания Его в здешней губернии; но, как опытом дознано, в течение семилетнего его здесь начальствования, что простолюдины, по невежеству своему или по видам корысти сочинителей, привыкли обременять Главное Начальство недельными, прихотливыми и с порядком и законом несовместными просьбами, не прося о своем деле нигде в установленных Нижних присутственных местах. То Его Высокопревосходительство нужным находит посредством градских и земских полиций опубликовать, что строго запрещается всякому классу людей обременять подобными жалобами Государя Императора, ни письменными, ни словесными, как в пути, так и на ночлеге, имеют же право жаловаться Его Императорскому Величеству собственно только на лицо г[осподина] Военного губернатора, если кто не получил в справедливом деле своем по просьбе его к Его Высокопревосходительству по данной законного удовлетворения; но и в сем случае должно

^{xii} Сплендоринский Степан — коллежский ассессор, личность установить не удалось.

^{xiii} Головинский — губернский секретарь, личность установить не удалось.

^{xiv} Попов — губернский регистратор, личность установить не удалось.

обращаться с письменными просьбами не иначе, как на ночлегах и чрез приближенных особ к Его Величеству, а не в собственные руки, дабы тем не обременять собою. Впрочем, если кто нарушит сей порядок, основанный на силе указов: 1714, 1718, 1765 1767 и 1799 года и прочих узаконений, кто как податель неосновательной жалобы, равно и сочинители оного, по тем же самым законам подвергнуты будут суду и наказанию, без малейшего послабления. О чем не оставить Губернское правление учредить надлежащее распоряжение сколь можно поспешнее и Его Высокопревосходительству об оном донести. Почему Губернское правление ПРИКАЗАЛИ: с прописанием сего предложения для точного и неременного по нему исполнения, предписать всем здешней губернии градским и земским полициям указами, а также дать знать по надлежащему г[осподам] Оренбургскому губернскому предводителю дворянства, управляющему Оренбургской уездной конторой и Главному начальнику Златоустовских заводов, о чем и г[осподину] Военному губернатору донести.

Подписал [коллежский] асессор Степан Сплендоринский.
Скрепил [губернский] секретарь Головинский.
Сверил столонячий Соколов.
С подлинным верно горный начальник [С. П.] Татаринов.

№ 7

СПИСОК С ПРЕДПИСАНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ^{xv} ОРЕНБУРГСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

г. Санкт-Петербург

26 июля 1824 г.

Г[осподин] Начальник Главного штаба Его Императорского Величества, препровождая ко мне маршрут предпринимаемого Государем Императором путешествия и расписание экипажей свиты Его Величества, сообщил мне по ВЫСОЧАЙШЕЙ воле:

1) Что Государю Императору не угодно никаких встреч, как со стороны начальников губернии, так и земских чиновников, коим также воспрещается и сопровождать Его Императорское Величество.

2) Чтобы употреблены были должные средства к исправлению дорог, гатей и мостов по тракту Его Величества.

3) На всех станциях, превышающих 25-верстное расстояние, равномерно и там, где дорога песчана или грязна для экипажей, того отделения, в коем изволит ехать Государь Император, нужны будут подставы на половине станции;

4) Экипажи свиты Его Величества разделены на три отделения, каждое отделение будет следовать за другим через 24 часа на тот конец, дабы лошади одного отделения могли служить и для другого, Его Величеству угодно, чтобы на станциях не было выставлено излишнее число лошадей против назначенного в расписании, для второго отделения, кроме некоторого числа запасных, и 6 лошадей для метрдотеля Миллера, не могущих служить для второго отделения, дабы не обременять слишком обывателей; ибо для 1-ого отделения потребно не более 16 лошадей, и потому для экипажей Его Величества оставаться будут всегда свежие лошади, кроме запасных.

Как Государь Император будет проезжать через вверенную Вам губернию, то о вышеизъявленной Монаршей воле я имею честь сообщить Вашему Превосходительству для точного оной исполнения и на сей конец, прилагая здесь принадлежащую до Оренбургской губернии выписку

^{xv} Ланской Василий Сергеевич (1754–1831) — действительный тайный советник, управляющий Министерством внутренних дел (с 1823 г.), председатель Сибирского комитета (с 1823 г.), председатель комиссии по строительству Исаакиевского собора (с 1824 г.). В 1767 г. зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1781 г. — подполковник Лейб-гренадерского полка, в 1783 г. — генерал-кригскомиссар. Участвовал в турецкой (1787–1791) и польской (1792–1794) кампаниях. В 1794 г. — действительный статский советник, саратовский наместник. В 1800 г. — тайный советник. В 1803 г. — гродненский губернатор. С 1809 г. — сенатор. В 1812 г. заведовал интендантским управлением действующей армии с возведением в очередной чин действительного тайного советника. С 1813 г. — генерал-губернатор Варшавского княжества. С 1815 г. — наместник Королевства Польского. С 1819 г. — председатель Комиссии по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых.

из помянутого маршрута и копию с расписания, прошу Вас озаботиться принятием мер, дабы ко времени путешествия Его Величества приготовленное было где следует, в помощь почтовым нужно количество добрых обывательских лошадей с благонадежными ямщиками и исправной упряжью: словом, чтобы в проезде Государя Императора не могло последовать какой-либо остановки, наблюдая, однако ж, чтобы и Высочайшая воля Его Величества о неотягощении обывателей нарядом лошадей была в точности исполнена.

Подписал управляющий министерством внутренних дел В.[С.] Ланской
Верно: начальник стола Андрей Словохотов^{xvi}.
С подлинным верно горный начальник С.[П.] Татаринов.

№ 8

РАСПИСАНИЕ ЭКИПАЖЕЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

г. Санкт-Петербург 1824 г.

1 отделение

		Число лошадей
№ 1	Коляска камердинера ^{xvii} Его Имп[ераторского] Вел[ичества]	6
[№] 2	[Коляска] метрдотеля [Ф. И.] Миллера ^{xviii}	6
[№] 3	[Коляска] Канцелярии начальника Главного штаба Его Величества	
		4
		Итого 16

2 отделение

		Число лошадей
№ 1	Коляска Его Импер[аторского] Величества	6
[№] 2	[Коляска] Полковника [А. Д.] Соломки ^{xix}	6
[№] 3	[Коляска] Камердинера Его Велич[ества]	6
[№] 4	[Коляска] Начальника главного штаба Его Величества ^{xx}	6
[№] 5	[Коляска] Лейб-медика [Я. В.] Вилье ^{xxi}	6
		Итого 30

3 отделение

		Число лошадей
№ 1	Коляска генерала-адъютанта Его Императорского Величества графа [А. П.] Ожаровского ^{xxii}	6
[№] 2	Запасной станок	6
[№] 3	Коляска фельдъегеря Плотницкого прогоны ^{xxiii}	4
		Итого 16

Подписал генерал-адъютант [И. И.] Дибич.
Верно: начальник стола Андрей Словохотов.
С подлинным верно: горный начальник [С. П.] Татаринов.

^{xvi} Словохотов Андрей — начальник стола, личность установить не удалось.

^{xvii} Егор Анисимов («Егорыч») — камердинер императора Александра I.

^{xviii} Миллер Федор Иванович (? — не ранее 1839) — метрдотель Александра I и Николая I.

^{xix} Соломка Афанасий Данилович (1787–1872) — с 1818 г. — обер-вагенмейстер (начальник обоза) Главного штаба Его Величества. Во время поездки на Урал Александр I поручил А. Д. Соломке рассмотреть дела о ссыльных и по его докладу возвратить из ссылки около 300 человек.

^{xx} Дибич Иван Иванович.

^{xxi} Вилье Яков Васильевич (1768–1854) — лейб-хирург Александра I. Президент Медико-хирургической академии.

^{xxii} Ожаровский Адам Петрович (1776–1855) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант Александра I.

^{xxiii} Так в документе, личность фельдъегеря Плотницкого установить не удалось.

№ 9

ВЫПИСКА ИЗ МАРШРУТА ПУТЕШЕСТВИЯ АЛЕКСАНДРА I ПО ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

1824 г.

	Число верст	Почтовых лошадей		Против показанного в сих маршрутах числа лошадей по дирекции Казанского почтамта действительно считать надлежит
С[лобода] Мочинская	33	12		12
[Слобода] Федоровка	25	12		12
Кр[епошь] Борская	34	12		12
Но: Мойка ^{xxiv}	16	12		12
Г[ород] Бузулук	31	12	9 сентября	12
			166	
Под[дворный] Ям	29	12		12
Кр[епошь] Тоцкая	17	12		12
[Крепость] Сорочинская	29	12		12
Воробьевский умет	21	12		12
Кр[епошь] Новосергиевская	26	12		12
Ред[ут] Полтавский	24	12	10 сентября	12
			146	
Кр[епошь] Переволоцкая	20	12		12
[Крепость] Татищевская	22	12		18
[Крепость] Чернореченская	33	12		12
Г[ород] Оренбург	28	28	11, 12, 13, 14 сентября	28
			103	
IV От Оренбурга до Екатеринбурга				
Сакмарский городок	30	24		24
Емангулово	23	12		12
Шерланский ям	25	12		12
Тогост[емирский] ям	18	12		12
Уральская	30	12		12
Мелеузова	22,5	12		12
Зирган	27	12	15 сентября	12
			175,5	
Аллагуватова	22	12		12
Г[ород] Стерлитамак	21	12		12
Ниж[ние] Месели	22	12		12
Толбазы	22	12		12
Бузовьязы	30	12		12
Камышлы	27	12		12
Г[ород] Уфа	22	36	16, 17, 18 сентября	36
			166	
Подымилова	20	7		14
Медведерова	24	7		14
Монастыр[ские] Дуванеи	28	9		18
Акбулатова	29	7		14

^{xxiv} Так в документе.

Арзаматова	23	7		14
Явгильдина	28,5	9		18
Бердяужский перевоз	32	6	19 сентября	12
			184,5	
Апрелова	20,5	6		12
Каирова	17,5	6		12
Тастуба	31,5	6		12
Масягутова	34	6		12
Верхние Киги	26	6		12
Айлина	25	6		12
Саткинский завод	29	12	20 сентября	12
			183,5	
Куваши	28	6		12
Златоустовский завод	15,5	12	21, 22 сентября	12
			43,5	
Сыростанский	20,5	12		12
Миасский завод	16,5	6		12
С[лобода] Кундравинская	22,5	10		10
Травники	22	6		6
Ям Туктубаевский	27	6		6
Полетаево	23	Назначить		
Г[ород] Челябинск	12	12	23 сентября	12
			143,5	
Долгая	19	Почтовых трактов нет		
Бигашева	15			
Сары	25,5			

На подлинной написано: верно: Начальник стола Андрей Словоходов.
Верно: Горный начальник [С. П.] Татаринов.

РГИА 37. Оп. 2. Д. 17. Л. 5–17 об., 78–85. Копии. Рукопись.

Reference

Imperator Aleksandr I na Urale [Emperor Alexander I in the Urals]. Chelyabinsk: Avtograf Publ., 2022. (In Russian).

Novikov I. A. [Alexander I in Zlatoust]. *Makhovik* [Flywheel], 1991, no. 5, pp. 66–72. (In Russian).

Novikov I. A. [Alexander I and the Reform of the Management System of Mining Factories in the Urals]. *Problemy sotsial'no-politicheskoy i etnicheskoy istorii Rossii XIV–XX vv.* [Problems of Socio-Political and Ethnic History of Russia in the 14th–20th Centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. un-t Publ., 1995, pp. 27–40. (In Russian).

Okuntsov Yu. P. *Zlatoustovskaya oruzheynaya fabrika* [Zlatoust Weapons Factory]. Moscow: Veche Publ., 2011. (In Russian).

Smilyanets K. V., Ustinov A. L. [Alexander I in the Urals. Events and Consequences]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy meditsinskoy nauki i zdravookhraneniya* [Current Issues of Modern Medical Science and Healthcare]. Ekaterinburg: Ural'skiy gos. med. un-t Publ., 2019, vol. 3, pp. 297–302. (In Russian).

УДК 930.2(47)“1956/1966”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-98-107

Холматов Темурмалик Комилджонович

к. и. н., старший преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-2975-1647

E-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

«В Историко-архивном институте историческая география еще не совсем исчезла»: письма О. М. Медушевской В. К. Яцунскому (1956–1966 гг.)

АННОТАЦИЯ. В публикацию включены письма О. М. Медушевской В. К. Яцунскому за 1956–1966 гг. Они представляют ценность для исследования начального этапа научно-педагогического пути О. М. Медушевской, который связан с исторической географией и историей географического знания. Основная тематика писем — работа О. М. Медушевской на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), подготовка к публикации лекций о картах XVII–XIX вв., консультация Э. Г. Истоминой (Гельман) по теме кандидатской диссертации (об исторической географии Новгородской губернии в XVIII в.). Публикуемые источники представляют отдельный интерес с точки зрения изучения межпоколенческой коммуникации В. К. Яцунского и О. М. Медушевской, взаимоотношений учителя и ученицы. Письма выявлены в личном фонде В. К. Яцунского (Ф. 1639) в Архиве Российской академии наук (РАН).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: О. М. Медушевская, В. К. Яцунский, Э. Г. Истомина, историческая география, советская историческая наука, письма, Архив РАН

UDC 930.2(47)“1956/1966”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-98-107

Temurmalik K. Kholmatov

Candidate of Historical Sciences, National Research University «Higher School of Economics» (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0002-2975-1647

E-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

**«In Institute for History and Archives Historical Geography Hasn't Disappeared Yet»:
The Letters of O. M. Medushevskaya to V. K. Yatsunskiy (1956–1966)**

ABSTRACT. The publication includes the letters by O. M. Medushevskaya to V. K. Yatsunskiy written in 1956–1966. They are of interest to the study of the beginning of O. M. Medushevskaya's research path, which is associated with historical geography and the history of geographical knowledge. The letters' main themes are — the work of O. M. Medushevskaya at the Department of Auxiliary Historical Disciplines of the Moscow State Institute for History and Archives, preparation for publication of the lectures on the 17th–19th centuries maps, consultation of E. G. Istomina (Gelman) on the topic of the candidate dissertation (about the historical geography of the Novgorod province in the 18th century). These published sources are of particular interest for studying intergenerational communication between V. K. Yatsunskiy and O. M. Medushevskaya, the relationship between the teacher and the student. The letters were found in the personal fund of V. K. Yatsunskiy in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

KEYWORDS: O. M. Medushevskaya, V. K. Yatsunskiy, E. G. Istomina, historical geography, Soviet historical science, letters, Archive of the Russian Academy of Sciences

Изучению научного наследия О. М. Медушевской¹ уделено немало внимания в историографии. Опубликованы не только обобщающие работы о научном пути выдающегося ученого², но также исследования о ее разработках по теории источниковедения, концепции когнитивной истории³. Для изучения интеллектуальной биографии О. М. Медушевской представляет интерес началь- ный этап ее научно-преподавательского пути, связанный с трудами по исторической географии⁴.

В становлении О. М. Медушевской как историка существенную роль сыграли ее наставники — А. И. Андреев⁵ и В. К. Яцунский⁶. В 1952 г. О. М. Медушевской была защищена кандидатская диссер- тация «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е — начало 80-х годов XVIII в.)»⁷. Вплоть до 1949 г. молодую исследовательницу к защите готовил А. И. Андреев, один из крупнейших советских специалистов середины XX в. по истории географического знания. В дальнейшем ее научным руководителем был В. К. Яцунский, благодаря которому в советской историографии были актуализированы проблемы исторической географии⁸. Обстоятельства смены руководителя и в целом работы над кандидатской диссертацией уже рассматривались в историографии⁹, в том числе в статье В. Г. Ананьева, которая посвящена изучению основных

¹ Медушевская Ольга Михайловна (1922–2007) — историк, профессор кафедры вспомогательных исторических дисциплин (с 1994 г. — кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) Московского государственного историко-архивного института (далее — МГИАИ) (с 1991 г. — Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета).

² Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // *Российская история*. 2009. № 1. С. 141–150; Медушевский А. Н. Ольга Михайловна Медушевская: вехи науч- ной биографии // *Отечественные архивы*. 2013. № 1. С. 11–20.

³ С учетом большого количества трудов выделю лишь некоторые: Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2009. № 4. С. 12–22; Она же. Феноменологическая концепция источниковедения в ин- терпретации Ольги Михайловны Медушевской. Статья вторая // *Там же*. 2010. № 7 (50). С. 11–27; Она же. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: приглашение к дискуссии // *Диалог со временем*. 2013. № 44. С. 5–15; Она же. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги/перспективы // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 6. С. 60–66; Алеврас Н. Н. Теория источни- ка и образ источниковедения в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // *Диалог со временем*. 2013. № 44. С. 79–88; Мининков Н. А. «История историка» в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // *Там же*. С. 104–111; Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2015. № 2. С. 17–27; Она же. Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании // *Вест- ник архивиста*. 2022. № 2. С. 584–596. Выделю также вводные статьи А. Н. Медушевского (написанные на основе более ранних публикаций) к собраниям сочинений О. М. Медушевской: Медушевский А. Н. Ольга Михайловна Меду- шевская: интеллектуальный портрет // *Медушевская О. М. Собрание сочинений в 4 т. М.; Берлин, 2017. Т. 1: Филосо- фия истории и теория исторического познания*. С. 10–55; Он же. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Медушевская О. М. Собрание сочинений в 4 т. М.; Берлин, 2017. Т. 2: Источниковедение: теория, история, метод*. С. 5–43; Он же. Теория О. М. Медушевской и смена парадигм в современном гуманитарном познании, образовании и педагогической деятельности // *Медушевская О. М. Собрание сочинений в 4 т. М.; Берлин, 2017. Т. 4: Научно-педагогическая школа*. С. 5–37.

⁴ Анализу ее трудов в этой области научного знания пока уделено существенно меньше внимания: Медушевский А. Н. Проблемы исторической географии и антропологии в научном творчестве О. М. Медушевской // *Медушевская О. М. Собрание сочинений в 4 т. М., Берлин, 2017. Т. 3: Историческая география и антропология*. С. 5–21; Холматов Т. К. Исто- рическая география в научном творчестве В. К. Яцунского и О. М. Медушевской // *Стены и мосты — VII. Междисципли- нарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? Сборник трудов Международной научной конференции. Москва, 24–25 мая 2018 г. М., 2019. С. 252–258.*

⁵ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) — историк, профессор, заведующий кафедрой вспомогательных истори- ческих дисциплин МГИАИ (1943–1949).

⁶ Яцунский Виктор Корнельевич (1893–1966) — историк, профессор кафедры вспомогательных исторических дисци- плин МГИАИ.

⁷ Медушевская О. М. *Пространство и время в науках о человеке. Избранные труды*. М., СПб, 2013. С. 87–278.

⁸ Подробнее о трудах В. К. Яцунского по исторической географии: Рыбаков Ю. Я. Вспомогательные исторические дис- циплины в работах В. К. Яцунского // *Археографический ежегодник за 1969 год*. М., 1971. С. 192–199; Холматов Т. К. «Если бы была более высокая степень, я был бы за то, чтобы дать ее ему, перешагнув через докторскую степень»: дис- сертационная история В. К. Яцунского // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2023. № 2. С. 171–180.

⁹ Медушевский А. Н. Проблемы исторической географии... С. 10–14. См. также об А. И. Андрееве в контексте идеологи- ческих кампаний в МГИАИ: Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). СПб, М., 2016. С. 250–254.

тем в письмах О. М. Медушевской 1946–1952 гг. А. И. Андрееву¹⁰. В статье показана весомая роль А. И. Андреева в работе над кандидатской диссертацией исследовательницы после вынужденной смены научного руководителя. Как видно из писем А. И. Андреева В. К. Яцунскому 1951–1952 гг., ученый продолжал интересоваться ходом работы над диссертацией своей ученицы, делился своими впечатлениями и размышлениями о результатах ее исследования¹¹.

В дальнейшем О. М. Медушевская посвятит своим учителям несколько докладов и публикаций, в которых будет дана характеристика их научного почерка, во многом свойственного и самой исследовательнице¹². Следует подчеркнуть, что в научном творчестве О. М. Медушевской, как и у А. И. Андреева и В. К. Яцунского, прослеживается тесная связь с преподавательской работой. Достаточно обратиться к списку ее трудов, в котором заметное (если не центральное) место занимают учебные пособия.

Тесное переплетение научной деятельности О. М. Медушевской с преподавательской прослеживается с самого начала ее творческого пути в 1950-е гг. В этот период стали публиковаться первые работы, в том числе учебные пособия, посвященные картографическим источникам XVII–XVIII вв. и первой половине XIX в.¹³ Помощь в разработке этих трудов, как видно в том числе из ее писем, оказывал В. К. Яцунский, работавший на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ в 1943–1958 гг. Вместе с тем В. К. Яцунский консультировал Э. Г. Истомина¹⁴, ученицу О. М. Медушевской, по теме кандидатской диссертации, посвященной исторической географии Новгородской губернии в XVIII в. (защита в 1969 г.)¹⁵. Таким образом, публикуемые письма представляют интерес с точки зрения анализа коммуникации ученых, причастных к развитию исторической географии и истории географического знания в МГИАИ в 1950–1960-е гг., изучения начала исследовательского пути не только О. М. Медушевской, но также Э. Г. Истоминой.

Письма О. М. Медушевской отложились в Архиве Российской академии наук (РАН), в фонде В. К. Яцунского (Ф. 1639). Хронологически они охватывают период 1956–1966 гг. Письма публикуются по автографам и машинописному тексту. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Часть писем датирована по содержанию. Опечатки исправлены и не оговариваются. Стилистические особенности писем сохранены. Сведения о дате написания писем приведены единообразно – справа в начале каждого письма (вне зависимости от расположения этой информации в самих письмах).

№ 1

4 февраля 1956 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнельевич!

Письмо Ваше получила, вернее, письмо и открытку. Надеюсь, что Вы сейчас хорошо себя чувствуете и вполне оправались после болезни.

Мне тем же не повезло, я заболела в каникулы и к 7 февраля, к началу занятий, не смогу еще быть.

¹⁰ Ананьев В. Г. Письма О. М. Медушевской А. И. Андрееву (по материалам Петербургского филиала Архива Российской академии наук) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 21 (101). С. 11–23.

¹¹ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 413. Л. 21об., 28об., 37–37об., 38, 50об.

¹² Медушевская О. М. В. К. Яцунский и преподавание исторической географии // История географии и историческая география. М., 1975. С. 10–11; Она же. К проблеме интеграции гуманитарного и естественно-научного знания: научное наследие В. К. Яцунского // Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 28–30 янв. 1993 г. М., 1993. С. 93–94; Она же. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 312–328.

¹³ Медушевская О. М. Историческая география. Программа курса. М., 1956. 24 с.; Она же. Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957. 28 с.; Ее же. Картографические источники первой половины XIX в. М., 1959. 48 с.

¹⁴ Истомина (Гельман) Энецца Георгиевна (1934–2023) — историк, профессор РГГУ, главный научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН.

¹⁵ Работа над кандидатской диссертацией Э. Г. Истоминой шла под руководством О. М. Медушевской, на что указывают не только публикуемые письма, но также автореферат диссертации: Истомина Э. Г. Новгородская губерния во второй половине XVIII в. (опыт историко-географического исследования): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 2. Следует отметить, что в справочной литературе Э. Г. Истомина упоминается как ученица В. К. Яцунского: Институт российской истории РАН: 1936–2021 гг. Очерк истории. Библиографический указатель. М., 2021. С. 272.

Вы спрашиваете относительно моих лекций. Лекция XVII век и лекция о картах XVIII века в прошлом году были подготовлены и обсуждены на кафедре¹. Эти две лекции и будут в этом году публиковаться, они включены в издательский план 1957 г.

Третья лекция — первая половина XIX века подготовлена позже, обсуждалась на кафедре в самом конце декабря прошлого года, когда Вы не смогли быть, и эта лекция послана Вам на отзыв^{II}. Она в текущем году может еще дорабатываться по замечаниям кафедры и Вашему отзыву, если он будет; в печать эта лекция (XIX век) в этом году не идет^{III}.

Вы спрашиваете, Виктор Корнельевич, должны ли Вы быть официальным редактором^{IV}; этого я не знаю, как только Александра Тимофеевна^V это выяснит, я Вам немедленно напишу, а пока не хочу задерживать это письмо.

Еще раз желаю Вам,
дорогой Виктор Корнельевич,
здоровья и хорошего отдыха.
О. Медушевская

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 534. Л. 1–2. Автограф. Чернила.

№ 2

[не ранее 1959 г. — не позднее 1960 г.]¹⁾

Глубокоуважаемый Виктор Корнельевич!

Получила сегодня номер журнала «История СССР» со своей небольшой статьей, и прежде всего мне захотелось поблагодарить Вас за помощь, доброту и внимание, без которых она не была бы никогда написана^{VI}.

В редакции ее сильно сократили и, к сожалению, выбросили сноску с перечислением всех изданий, о которых идет речь.

В институте особых перемен нет. На кафедре очень чувствуется Ваше отсутствие, а тут еще и после отмены совместительства и Зимин^{VII} и Якубовская^{VIII} остались пока на «часах», а что будет в будущем году — сказать трудно.

Сейчас печатается на стеклографе моя лекция (вводная) по исторической географии^{IX}. Как будет отпечатана, пришлю ее Вам в знак того, что в Историко-архивном институте историческая география еще не совсем исчезла^X.

Еще раз большое-большое спасибо Вам, дорогой Виктор Корнельевич, за Ваше доброе отношение ко мне, которое я всегда очень живо чувствую, когда встречаюсь и говорю с Вами.

От всего сердца желаю самых больших успехов.

О. Медушевская

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 534. Л. 3–4об. Автограф. Чернила.

¹ Речь идет о подготовке этой работы: Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв.

^{II} Работа вышла в 1959 г.: Медушевская О. М. Картографические источники первой половины XIX вв...

^{III} Подчеркнуто О. М. Медушевской.

^{IV} В. К. Яцунский выступил в качестве ответственного редактора трудов, которые упомянуты в письме.

^V Николаева Александра Тимофеевна (1908–1988) — историк, профессор, заведующая кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (1952–1960).

^{VI} Речь идет, по-видимому, о статье 1960 г.: Медушевская О. М. Некоторые вопросы исторической географии в трудах по истории народов СССР // История СССР. 1960. № 1. С. 163–167.

^{VII} Зимин Александр Александрович (1920–1980) — историк, профессор (с 1971 г.) кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (работал на кафедре до 1973 г.).

^{VIII} Якубовская Софья Иосифовна (1914–1988) — историк, доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (работала на кафедре до 1962 г.).

^{IX} Вероятно, речь идет о работе 1959 г.: Медушевская О. М. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина: учебное пособие. М., 1959. 21 с.

^X Курс исторической географии велся в МГИАИ после создания кафедры вспомогательных исторических дисциплин в 1939 г. (курс вел И. И. Полосин, затем В. К. Яцунский): Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. М., 1990. С. 12, 16–17. К началу 1960-х гг. курс по исторической географии был исключен из учебной программы МГИАИ: Гольденберг Л. А., Медушевская О. М. О методике издания картографических источников // Исторический архив. 1961. № 4. С. 203.

№ 3

23 марта 1966 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнельевич!

В Историко-архивном институте у нас на кафедре вспомогательных исторических дисциплин работает (под моим наблюдением) аспирантка тов[арищ] Гельман. Ее тема — историческая география Новгородской губернии в XVIII веке. Сама она — научный сотрудник Новгородского архива, очень много работает сейчас по архивам Москвы, Ленинграда и Новгорода, главным образом, в поле ее занятий — картографические материалы XVIII века о Новгородской губ[ернии]. В настоящее время ею подготовлена и принята к изданию в томе Трудов кафедры статья на тему «Картографические материалы как источник по исторической географии Новгородской губернии»^{xi}, написана также статья «Карты и планы «Водяных коммуникаций» XVIII века как источник по исторической географии»^{xii}, сейчас она изучает материалы экономических и топографических описаний применительно к своей теме.

На этой стадии работы ей очень нужен совет специалиста, может быть, обсуждение некоторых вопросов ее темы в кругу людей, занимающихся исторической географией. Мне кажется, что, со своей стороны, она могла бы быть в какой-то мере полезна в связи с той большой работой, которую ведут члены Вашей группы^{xiii} по сбору материалов для Исторического атласа СССР^{xiv}.

Ей очень хотелось бы побеседовать и проконсультироваться с Вами. Это наша большая просьба к Вам. Энесса Гельман смогла бы приехать в Институт истории в тот день, когда Вы там бываете, или в любое другое место. Она будет в Москве до 9 апреля, после чего должна выехать на работу в Новгород.

Мой адрес Москва, К-6 Среднекаретный пер. дом 1/2 кв. 11.
Телефон К 9-66-41 Ольга Мих[айловна] Медушевская

С уважением, О. Медушевская

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 534. Л. 6-6об. Машинопись. Подпись и дата — автограф.

№ 4

[не ранее 23 марта 1966 г. — не позднее 5 мая 1966 г.]²⁾

Глубокоуважаемый Виктор Корнельевич!

Разрешите от всего сердца поблагодарить Вас за помощь и добрый совет. Содержание работы, которую задумала и начала тов[арищ] Гельман, не вполне укладывалось в то название темы, которое Вы, вполне справедливо, находите узкой. Название и структуру работы мы с ней еще раз обсудили. Очень хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу плана и содержания работы. План и тему диссертации, воспользовавшись Вашим разрешением, посылаю в этом письме. Тема эта: «НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ»^{xv}.

Тема задумана как конкретное исследование по географии локального района. Однако она должна иметь и свой «второй план» — обобщение методики работы историка, занимающегося

^{xi} Гельман Э. Г. Картографические материалы как источник по исторической географии Новгородской губернии XVIII в. // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24: Вопросы источниковедения истории СССР. Вып. 2. С. 114–133.

^{xii} Гельман Э. Г. Карты и планы «водяных коммуникаций» XVIII в. как источник по исторической географии Новгородской губернии // Труды МГИАИ. М., 1967. Т. 23: Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. С. 261–278.

^{xiii} Очевидно, что речь идет о Группе исторической географии (далее — Группа), созданной в 1962 г. в Институте истории АН СССР. В 1968 г. Группа была преобразована в Сектор исторической географии (далее — Сектор).

^{xiv} Подробнее о подготовке исторического атласа СССР: Яцунский В. К. Исторический атлас СССР // История СССР. 1967. № 1. С. 219–228. Работа над историческим атласом СССР велась в 1960–1980-е гг. По-видимому, Э. Г. Истомина вошла в состав Сектора (основная деятельность которого была направлена на подготовку атласа) в начале 1970-х гг.: АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 454. Л. 1–4. К этому времени Сектор возглавлял Л. Г. Бескровный (1905–1980).

^{xv} Э. Г. Истомина защитила кандидатскую диссертацию (судя по автореферату) 10 июня 1969 г. (число и месяц указаны от руки, чернилами) в МГИАИ: Истомина Э. Г. Новгородская губерния... С. 2.

реконструкцией географии прошлого. При выработке структуры работы исходными были следующие положения:

1) Историческая география по своим методам исследования является дисциплиной исторической, основывается на анализе источников. Этап собирания источников, необходимых для последующей реконструкции географии района, является частью работы, так же как их характеристика, анализ, проверка. Поэтому работа должна иметь главы, отражающие этот этап исследования.

2) Глава, где дается реконструкция географии района, состоит из 1)^{xvi} описательной и 2)^{xvii} картографической частей. В последней (2)^{xviii} даются составленные исследователем исторические карты, отражающие различные аспекты политической и экономической географии района и их динамику в пределах изучаемого периода.

При таком понимании темы ее историография оказывается многоплановой, освещающая степень изученности различных сторон темы источниковедами, историками картографии и географии и т. д. и включая:

1) Источниковедческие исследования о картографических источниках вообще и применительно к Новгородскому краю в особенности (Л. А. Гольденберг^{xix}).

2) Источниковедческие и другие исследования о письменных источниках (экономические примечания, топографические описания, географические словари XVIII века, путешествия по губернии и др.).

3) Элементы реконструкции географии прошлого в исследованиях всероссийского охвата (Н. Л. Рубинштейн^{xx} «Сельское хозяйство XVIII в.»^{xxi}, Б. Б. Кафенгауз^{xxii} Внутренняя торговля России^{xxiii} и др.) и в локальных исследованиях (типа Пронштейн^{xxiv}).

4) Разработка приемов составления исторических карт и картографический метод исследования (И. А. Голубцов^{xxv}, Копанев^{xxvi}, Мешалин^{xxvii}, Витов^{xxviii}).

Исходя из этих положений и составлен настоящий план диссертации. Ваши критические замечания были бы очень важны и определили бы дальнейшие направления работы. И еще два вопроса:

1) Говоря о реконструкции, мы имеем в виду политическую (адм[министративную]) географию края и экономическую. Достаточно ли этого?

2) Можно ли, дав в источниковедческих главах обзор и анализ источников применительно ко ВСЕЙ территории края, затем давать реконструкции нескольких или одного уездов?

С самую горячую благодарностью,
О. Медушевская

^{xvi} Вставка от руки (чернила).

^{xvii} Вставка от руки (чернила).

^{xviii} Вставка от руки (чернила).

^{xix} Гольденберг Леонид Аркадьевич (1920–1989) — историк, работал в МГИАИ.

^{xx} Рубинштейн Николай Леонидович (1897–1963) — историк, профессор, работал в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), Московском государственном университете (МГУ) и Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской (МОПИ).

^{xxi} Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: историко-экономический очерк. М., 1957. 494 с.

^{xxii} Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969) — историк, профессор (с 1948 г.) МГУ, работал в Институте истории АН СССР.

^{xxiii} По-видимому, речь идет об этой работе: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М., 1958. 353 с.

^{xxiv} Пронштейн Александр Павлович (1919–1998) — историк, профессор Ростовского государственного университета.

^{xxv} Голубцов Иван Александрович (1887–1966) — историк, работал в Институте истории АН СССР.

^{xxvi} Копанев Александр Ильич (1915–1990) — историк, работал в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ) АН СССР.

^{xxvii} Вероятно, Мешалин Иван Васильевич (1901–1942) — историк, работал в ЛОИИ АН СССР.

^{xxviii} Витов Михаил Владимирович (1923–1968) — этнограф, антрополог, доцент Московского государственного университета, сотрудник Института истории АН СССР.

НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ВВЕДЕНИЕ Обоснование темы

Историография

Задачи работы

ГЛАВА I КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ исторической географии края в XVIII веке.

ГЛАВА II ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ о географии края в XVIII веке — топографические описания, экономические примечания, географические словари, путешествия по губернии.

ГЛАВА III. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ исторической географии края

а/ описание и анализ географии края.

б/ исторические карты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ Выводы: методика работы по реконструкции исторической географии края в XVIII веке.

Гельман

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 534. Л. 7–9. Машинопись. Незначительные вставки от руки (чернила).
Подписи О. М. Медушевской и Э. Г. Гельман — автографы.

№ 5

5 мая 1966 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнельевич!

Большое спасибо за Ваши подробные замечания и добрые советы по плану диссертации Э. Гельман, об исторической географии Новгородского края в XVIII веке. Эти замечания для нас очень важны и ценны. Постараемся учесть их в ходе работы над диссертацией.

От всего сердца желаю
больших успехов и много здоровья.
О. Медушевская

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 534. Л. 11. Автограф. Чернила.

1) Временной диапазон задан по работам, упомянутым в письме (учебное пособие 1959 г. и статья 1960 г. в журнале «История СССР»).

2) Датируется исходя из содержания писем № 3 и 5 (очевидно, что письмо № 4 было написано после № 3 и до № 5). Вероятно, письмо было отправлено после 9 апреля (если учесть, что Э. Г. Истомина, как указано в письме № 3, была до этого числа в Москве).

References

Alevras N. N. [The Theory of Source and the Image of Source Studies in the Concept of Cognitive History by Olga M. Medushevskaya]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2013, no. 44, pp. 79–88. (In Russian).

Ananiev V. G. [The Letters of O. M. Medushevskaya to A. I. Andreev (On the Materials of Saint-Petersburg Branch of the Institution of the Russian Academy of Sciences of the Archive RAS)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2012, no. 21 (101), pp. 11–23. (In Russian).

Gelman E. G. [Cartographic Materials as a Source on the Historical Geography of the Novgorod Province of the 18th Century]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Institute for History and Archives]. Moscow: S. n., 1966, vol. 24, iss. 2, pp. 114–133. (In Russian).

Gelman E. G. [Maps and Plans of the 18th Century “Water Communications” as a Source on the Historical Geography of the Novgorod Province]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Institute for History and Archives]. Moscow: S. n., 1967, vol. 23, pp. 261–278. (In Russian).

Goldenberg L. A., Medushevskaya O. M. [On the Methodology for Publishing Cartographic Sources]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1961, no. 4, pp. 193–203. (In Russian).

Institut rossiyskoy istorii RAN: 1936–2021 gg. Ocherk istorii. Biobibliograficheskiy ukazatel' [Institute of Russian History of the RAS: 1936–2021. Essay on History. Biobibliographic Index]. Moscow: IRI RAN Publ., 2021. (In Russian).

Istomina E. G. *Novgorodskaya guberniya vo vtoroy polovine XVIII v. (opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya): avtoref. kand. diss.* [The Novgorod Province in the Second Half of the 18th Century (Experience of Historical and Geographical Research): Abstr. Diss. Cand.]. Moscow: MGIAI, 1969. (In Russian).

Kafengauz B. B. *Ocherki vnutrennego rynka Rossii pervoy poloviny XVIII v.: (Po materialam vnutrennikh tamozhen)* [Essays on the Internal Market of Russia in the First Half of the 18th Century: (Based on Materials from Internal Customs)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1958. (In Russian).

Kazakov R. B., Rumiantseva M. F. [O. M. Medushevskaya and the Formation of the Russian School of Theoretical Source Studies]. *Rossiiskaia Istorii* [Russian History], 2009, no. 1, pp. 141–150. (In Russian).

Kholmatov T. K. [Historical Geography in the Scientific Work of V. K. Yatsunskiy and O. M. Medushevskaya]. *Steny i mosty — VII. Mezhdistsiplinarnost': chto ot istorika trebuyet, chto dayet i chego lishayet? Sbornik trudov Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 24–25 maya 2018 g.* [Walls and Bridges — VII. Interdisciplinarity: What Does It Require from a Historian, What Does It Give and What Does It Deprive? Collection of Proceedings of the International Sci. Conf. Moscow, May 24–25, 2018]. Moscow: RGGU Publ., 2019, pp. 252–258. (In Russian).

Kholmatov T. K. [“If There Was a Higher Degree, I Would Be in Favor of Giving it to Him, Stepping Over the Doctoral One”: Dissertation History of V. K. Yatsunskiy]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: An Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology], 2023, no. 2, pp. 171–180. (In Russian).

Medushevskaya O. M. *Kartograficheskiye istochniki XVII–XVIII vv.* [Cartographic Sources of the 17th–18th Centuries]. Moscow: S. n., 1957. (In Russian).

Medushevskaya O. M. *Istoricheskaya geografiya kak vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina: uchebnoye posobiye* [Historical Geography as an Auxiliary Historical Discipline: Textbook]. Moscow: S. n., 1959. (In Russian).

Medushevskaya O. M. *Kartograficheskiye istochniki pervoy poloviny XIX v.* [Cartographic Sources of the First Half of the 19th Century]. Moscow: S. n., 1959. (In Russian).

Medushevskaya O. M. [Some Questions of Historical Geography in Works on the History of the Peoples of the USSR]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1960, no. 1, pp. 163–167. (In Russian).

Medushevskaya O. M. [V. K. Yatsunskiy and the Teaching of Historical Geography]. *Istoriya geografii i istoricheskaya geografiya* [History of Geography and Historical Geography]. Moscow: Izd-vo MFGO Publ., 1975, pp. 10–11. (In Russian).

Medushevskaya O. M. [On the Problem of Integration of Humanitarian and Natural Science Knowledge: The Scientific Legacy of V. K. Yatsunskiy]. *Istochnikovedeniye XX stoletiya: tezisy dokladov i soobshcheniy nauch. konf., Moskva, 28–30 yanv. 1993 g.* [Source Study of the 20th Century: Abstracts of Reports and Reports of a Sci. Conf., Moscow, January 28–30, 1993]. Moscow: RGGU Publ., 1993, pp. 93–94. (In Russian).

Medushevskaya O. M. [History of the Science as a Dynamical Process (Aleksandr Ignatievich Andreyev's 120th Anniversary)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2008, no. 4, pp. 312–328. (In Russian).

Medushevskaya O. M. *Prostranstvo i vremya v naukakh o cheloveke. Izbrannyye trudy* [Space and Time in Human Sciences. Selected Works]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013. (In Russian).

Medushevsky A. N. [Olga Mikhailovna Medushevskaya: Milestones of Scientific Biography]. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic Archives], 2013, no. 1, pp. 11–20. (In Russian).

Medushevsky A. N. [Olga Mikhailovna Medushevskaya: An Intellectual Portrait]. *Medushevskaya O. M. Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Medushevskaya O. M. Collected Works in 4 Vols.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017, vol. 1, pp. 10–55. (In Russian).

Medushevsky A. N. [Cognitive-Information Theory in Modern Humanitarian Knowledge]. *Medushevskaya O. M. Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Medushevskaya O. M. Collected Works in 4 Vols.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017, vol. 2, pp. 5–43. (In Russian).

Medushevsky A. N. [Problems of Historical Geography and Anthropology in the Scientific Works of O. M. Medushevskaya]. *Medushevskaya O. M. Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Medushevskaya O. M. Collected Works in 4 Vols.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017, vol. 3, pp. 5–21. (In Russian).

Medushevsky A. N. [O. M. Medushevskaya's Theory and the Change of Paradigms in Modern Humanitarian Knowledge, Education and Pedagogical Activity]. *Medushevskaya O. M. Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Medushevskaya O. M. Collected Works in 4 Vols.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017, vol. 4, pp. 5–37. (In Russian).

Mininkov N. A. [The “History of a Historian” in the Concept of Cognitive History by Olga M. Medushevskaya]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2013, no. 44, pp. 104–111. (In Russian).

Prostovolosova L. N., Stanislavsky A. L. *Istoriya kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin: uchebnoye posobiye* [History of the Department of Auxiliary Historical Disciplines: Textbook]. Moscow: MGIAI Publ., 1990. (In Russian).

Roumyantseva M. F. [The Concept of Cognitive History by Olga M. Medushevskaya: An Invitation to Discussion]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2013, no. 44, pp. 5–15. (In Russian).

Rubinshtein N. L. *Sel'skoye khozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Agriculture in Russia in the Second Half of the 18th Century: Historical and Economic Essay]. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry Publ., 1957. (In Russian).

Rumyantseva M. F. [Phenomenological Concept in Source Studies as Interpreted by Olga Mikhailovna Medushevskaya]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2009, no. 4, pp. 12–22. (In Russian).

Rumyantseva M. F. [The Phenomenological Method in Source Studies: The Theory of Olga Mikhailovna Medushevskaya. The Second Part]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2010, no. 7 (50), pp. 11–27. (In Russian).

Rumyantseva M. F. [Olga Mikhailovna Medushevskaya's Concept of Cognitive History: Results/Prospects]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 6, pp. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808 (In Russian).

Rybakov Yu. Ya. [Auxiliary Historical Disciplines in the Works of V. K. Yatsunskiy]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1969 god* [Archaeographic Yearbook for 1969]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 192–199. (In Russian).

Sabennikova I. V. [Theory of O. M. Medushevskaya's Cognitive History: Precise Knowledge in Humanities and Professional Choice of Academic Community]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2015, no. 2, pp. 17–27. (In Russian).

Sabennikova I. V. [Research School of Olga Mikhailovna Medushevskaya: The Moment of Truth in the Russian Humanitarian Knowledge]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2022, no. 2, pp. 584–596. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-584-596 (In Russian).

Tikhonov V. V. *Ideologicheskiye kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (Mid-1940s — 1953)]. Saint Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2016. (In Russian).

Yatsunsky V. K. [Historical Atlas of the USSR]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1967, no. 1, pp. 219–228. (In Russian).

СООБЩЕНИЯ

УДК 528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-108-111

V Открытый доклад Центра исторической картографии и историко-пространственных исследований

26 октября 2023 г. в Институте востоковедения РАН состоялся V Открытый доклад Центра исторической картографии и пространственных исследований. Центр является объединением нескольких научных и образовательных структур, деятельность которых связана с проведением историко-картографических работ. Среди докладчиков были представители научной редакции исторической картографии «Большой Российской Энциклопедии», Лаборатории комплексных цифровых технологий Института востоковедения РАН, Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Белгородского государственного национального исследовательского университета. Общая продолжительность доклада, с учетом обсуждений и ответов на вопросы, составила свыше двух часов.

В соответствии с форматом уже состоявшихся аналогичных мероприятий, назначение V доклада состояло преимущественно в подведении главных итогов рабочего года в сегментах исторической географии, историко-картографических работ и пространственных исследований, которое сопровождалось объявлениями и планами на следующий год. Формат доклада была аналогичен конференции и предполагал вопросы к докладчикам и обсуждение представленных материалов.

Всего в рамках доклада было представлено 7 сообщений. В отличие от докладов прошлых лет, в этот раз было принято решение не группировать сообщения по разделам, так как большинство из них носили комплексный характер и охватывали одновременно методические вопросы исторической картографии, а также региональные и тематические ракурсы.

Первое — заглавное — сообщение по программе доклада было озвучено заведующим научной редакцией исторической картографии «Большой Российской Энциклопедии» Е. С. Гришиным; оно содержало общий обзор проведенных работ, включая создание региональных цифровых моделей в формате проектов геоинформационных систем, публикацию монографий и статей с картографическим сопровождением исторической тематики и т. п.

Среди публикаций отдельного упоминания заслуживает издание сборника переводов «Хроники королевства франков конца VII — начала X в.», подготовленного издательством «Русская панорама». Презентация книги состоялась в начале сентября 2023 г. В сборник вошли Лоршские, Бертинские, Фульдские, Мецские анналы и другие важнейшие нарративные источники Каролингского времени. Издание сопровождалось картографическим приложением в виде 6 авторских карт, которые были подготовлены Е. С. Гришиным и Д. А. Крутовым по материалам издававшихся источников и охватывали период с конца VII до конца IX в. Особо следует отметить, что некоторые карты, например, карта роста владений Пипинидов до 751 г., были подготовлены фактически впервые и не имеют аналогов даже в зарубежной историографии. Успешный результат работы над комплектом карт позволяет продолжить эту практику. Было объявлено, что следующее издание перевода источников («Хроника Регино Прюмского») также будет сопровождаться исчерпывающим картографическим приложением.

Особое внимание в первом сообщении уделено теме интерактивной публикации цифровых исторических карт. В завершающемся году были достигнуты заметные успехи в развитии авторской технологии представления карт в интерактивном режиме. Первые, тестовые варианты этой

технологии были представлены еще в рамках отчетов по IV докладу, однако за истекший год было проведено апробирование разработанного ресурса на различных материалах. Так, с помощью представленного сервиса интерактивных публикаций был сформирован и представлен в виде веб-ресурса атлас оборонительных линий Русского государства XVII в. Сложная по нагрузке и требованиям к картографической основе карта античной Греции наглядно показывает возможности сервиса: он позволяет сохранить вид классических карт — проекцию, семантику, градусную сетку, общий вид макета, но при этом дополняет их механизмами взаимодействия пользователя с объектами на карте: получение справок по ним, поиск и отбор объектов, доступ к атрибутивным таблицам, настройку отображения отдельных слоев, выделение объектов и многое другое. Кроме того, был реализован важный для карт исторической тематики механизм связей картографируемых объектов с источниками. На карте по раннесредневековой Испании имеется возможность при обращении к любому объекту из списка населенных пунктов получить не только атрибутивную справку по нему, но и полный список всех событий, ассоциируемых с ним и фигурирующих в нарративных источниках.

В ходе сообщения было объявлено о создании Научной историко-картографической студии «История в пространстве», которая фактически является организационным ядром Центра в отношении заявленных направлений: картографического сопровождения исторических исследований, разработки методики исторического картографирования, подготовки вспомогательных материалов и стандартов историко-картографических работ. Цель создания студии — взять на себя весь объем задач, которые не вписываются в функционал уже действующих структур — будь то редакция исторической картографии «БРЭ» или любое другое научное подразделение.

В русле продолжения темы интерактивной исторической картографии был представлен доклад, посвященный структуре ГИС «Белгородская черта в XVII–XVIII вв.» (докладчик — К. С. Кунавин). Хронологические рамки основных информационных компонентов ГИС определяются XVII — началом XVIII в. Географический же охват соответствует европейской части современной России и восточных территорий ее западных соседей в мелком масштабе и комплекса территорий Тамбовской, Липецкой, Орловской, Воронежской и Белгородской областей — в среднем и крупном масштабе.

Структура ГИС была охарактеризована в разрезе нескольких классификаций составных элементов: по первичности и вторичности относительно порядка обработки данных в ГИС; по характеру картографической нагрузки; по базовому масштабу элементов. В целом ГИС аккумулирует большой комплекс исторических картографических источников мелкого и условно-среднего масштабов, информацию ряда фискальных описей XVII — начала XVIII в. для узкого ряда территорий, а также крупномасштабную топографическую и среднемасштабную историческую нагрузку. В заключение были обозначены принципы интерактивной публикации данных и представлены отдельные примеры электронных карт, созданных на материалах ГИС.

Одно из сообщений доклада содержало характеристику работ над учебно-методическим пособием по исторической картографии. В сообщении раскрывались вопросы актуализации и адаптации картографической основы для построения исторических карт. Докладчиком выступила А. С. Авилова, ведущий редактор-картограф «Большой Российской Энциклопедии».

Согласно представленному сообщению, картографическая основа для исторической карты по сравнению с основой для географической карты имеет ряд особенностей. Так, основа для общегеографической карты включает в себя стандартные данные о рельефе, гидрографии, АД, населенных пунктах, путях сообщений, приведенные по состоянию на определенный момент времени. Основа для исторической карты также включает в себя перечисленные данные, однако если рельеф, по крайней мере, его базовая морфология, может считаться относительно стабильным структурирующим элементом общей географии, то гидрография уже требует актуализации на конкретный исторический период; населенные пункты, административно-территориальное деление и пути сообщений относятся к наиболее динамичным элементам исторической карты, которые нуждаются в проработке и уточнении их актуальности в хронологическом аспекте — соответственно отображаемому периоду и региону. Отсюда возникает потребность в разработке методов актуализации и адаптации исторической картографической основы.

Возможности актуализации картографической основы во многом зависят от наличия соответствующих источников и достаточного уровня изученности территории. При недостаточной изученности необходим пересмотр базового масштаба в сторону его уменьшения, что позволяет снизить

степень детализации основы. Соответственно, для каждого уровня масштабирования определяются отдельные рекомендации по отбору и детализации отдельных групп данных.

Адаптация заключается в переработке картографической основы под критерии содержания, задач, масштаба и тематической нагрузки карты: «разгрузке» от избыточной гидрографии, графической адаптации рельефа, указании точек высот, если они имеют собственную историческую значимость, топонимии, генерализации и т. п. Так, нагрузка и генерализация водных протоков могут варьироваться в зависимости от контекста и не иметь универсального критерия отображения, а карты путей сообщений определенно предусматривают включение в состав картографической основы объектов рельефа.

Историческая карта состоит из двух базовых блоков — общей топографической основы и основы конкретно-исторической. Их совмещение сопряжено с рядом трудностей. Часто на картах можно видеть несоответствие границ с географическими объектами, к которым они явным образом приурочены, — как, например, в случае с границами, проходящими вдоль реки или по самому водотоку. Поэтому были разработаны требования к картографической основе для исторической карты, а также уточнены принципы соответствия общей основы с конкретно-исторической. В ходе сообщения были представлены примеры удачных решений в части проработки картографических основ для карт исторической тематики.

Ж. А. Буряк, представительница Белгородского государственного национального исследовательского университета, выступила с сообщением по теме «Картографирование динамики расселения населения Крымского полуострова с конца XVIII в. и создание геоинформационной системы населенных пунктов». База данных населенных пунктов (НП) представлена в векторном формате, где каждому населенному пункту соответствует один точечный объект. Основой для картографирования населенных пунктов служил составленный авторами слой современных НП с актуальным местоположением и названием объектов, уточненным по сведениям Федеральной информационной адресной системы. Используя этот слой в качестве первичной основы, по доступным картографическим источникам, начиная с конца XVIII в., были добавлены исчезнувшие (или вошедшие в состав других) к настоящему времени НП. Каждой точке НП был присвоен уникальный номер ID, который также был занесен в строки таблицы с результатами переписи. Основная сложность заключалась в том, что большинство современных названий населенных пунктов (около 90 %) не соответствуют названиям в статистических справочниках довоенного периода, поскольку в 40-х гг. XX в., после депортации крымских татар и других народов, имело место несколько волн переименований НП. Для восстановления исторических названий использовались перечни НП из указов о переименованиях 1944–1948 гг. Варианты «исторических» названий заносились в базу данных. В случае, если местоположение НП точно установить не удавалось, для объекта в атрибутивной таблице делалась специальная пометка для учета при дальнейшем моделировании.

В результате была получена возможная для тиражирования для других регионов страны технология создания информационно-поисковой системы формирования системы расселения и трансформации ойконимов в зависимости от времени с помощью интерактивных карт. Создана полная база ойконимов всех населенных пунктов, существовавших с конца XVIII в., которая насчитывает порядка 12 тыс. вариантов наименований. Выполнено картографирование волн расселения на территории Крыма по 7 историческим срезам — с XVIII в. по начало XXI в., показана динамика количества и географического распространения населенных пунктов. С использованием методов пространственного анализа впервые были реконструированы границы административного деления: сельских поселений 1926 г. и татарских кадылыков 1784 г. Подготовленная ГИС интегрирует результаты комплексных междисциплинарных исследований по этнологии, демографии, топонимии, социальной и гуманитарной географии Крыма, включая пространственно-временной анализ процессов освоения региона и генезиса этнодемографических ландшафтов (от археологических культур до этнографической современности).

Разработанная информационно-поисковая система ойконимов с интерактивной картой и содержащиеся в ней материалы доступны широкому кругу пользователей и будут способствовать формированию исторической памяти населения региона. Эти данные применимы при поиске захоронений по названиям исчезнувших поселений, родственников — по месту жительства, при построении той или иной родословной схемы и генеалогического древа. Открываются большие

возможности для информационного обеспечения региональных программ по развитию познавательного туризма, краеведческих образовательных курсов в школах и вузах. Целевой аудиторией ГИС может выступать широкий круг пользователей (профильные ученые, преподаватели, учителя школ, аспиранты, студенты и школьники, краеведы).

М. В. Михеев (Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург) в своем сообщении охарактеризовал деятельность и основные достижения «Историко-географического журнала» за 2023 г. Были обозначены наиболее успешно пополняемые рубрики, преобладающая тематика статей, отмечен вклад отдельных членов редколлегии и постоянных авторов в работу журнала.

Н. И. Быстрицкий (ЛКЦТ, Институт востоковедения) осветил главные направления деятельности своей лаборатории в области историко-географических исследований. Основное место в них занимают совместные работы с коллегами из Крыма, в частности разработка темы византийского Крыма и подготовка концепции соответствующего атласа.

Завершил программу V Открытого доклада научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН Д. А. Крутов с сообщением по теме «Пространственный анализ историописания раннесредневековой Британии по материалам “Англосаксонской хроники”». В начале выступления докладчик охарактеризовал общую тенденцию развития англосаксонского раннесредневекового историописания, которая определялась постепенным переходом от христианской традиции «всемирных» историй к «официальной» придворной анналистике с акцентом на политическую борьбу англосаксонских королевств как между собой, так и против внешних завоевателей. Особое внимание в рамках доклада было уделено источниковедческому обзору «Англосаксонской хроники», из всех списков которой наибольший интерес для пространственного анализа реалий раннесредневековой Британии представляла «рукопись А», или «Паркерова хроника», составленная при дворе Альфреда Великого в 890-х гг. и охватывающая период с 60 г. до н. э. до 891 г. Подробно были освещены методы системного пространственного анализа, которые позволили определить степень информационной осведомленности хронистов и контуры стабильного географического кругозора рассматриваемого источника. В качестве основного результата исследования был представлен ряд составленных аналитических карт, в которых суммировались различные показатели упоминаемых пространственных объектов, демонстрирующие типологию и динамику роста географического охвата освещаемых событий в «Англосаксонской хронике». Представленные карты наглядно очертили контуры стабильного географического кругозора составителей «Англосаксонской хроники» в границах Уэссекского королевства. Пространственный анализ хроники через призму роста могущества Уэссекса в IX в. продемонстрировал четкую зависимость между военно-политической активностью его королей и охватом освещаемой территории в хронике. Так, Восточная Англия и Кент появляются в хронике только в контексте завоевательной политики короля Эгберта и далее равномерно освещаются во время нашествия данов (датчан). В то же время большинство событий политической (смена королей) и церковной (смена епископов) жизни, которые разворачивались на отдаленных территориях (например, в Нортумбрии), остаются в тени и не упоминаются в хронике. Границу осведомленности условно можно провести по среднему течению реки Темзы, севернее которого составители «Англосаксонской хроники», кроме Секинтона и Дора, ничего конкретного не упоминают. Во многом поэтому история гегемонии Мерсии во второй половине VIII в. является лишь слабым отголоском ее периферийных столкновений с Уэссекским королевством, распространение влияния которого определило в дальнейшем его главенствующую роль в противоборстве с данами и, как следствие, расширило территориальный охват освещения этой борьбы. Все эти наблюдения, при сопоставлении с показателями пространственного охвата других нарративных источников IX в., свидетельствуют о ярко выраженном региональном характере историописания раннесредневековой Британии, которое в условиях отсутствия стабильного политического центра отличалось низкой осведомленностью хронистов о событиях на отдаленных территориях, — что, в свою очередь, существенно ограничивало освещаемое ими пространство.

Научная историко-картографическая студия «История в пространстве»

УДК 069.9:711-1

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-112-115

Выставка «Все идет по плану. Город на картах и схемах»

В феврале – марте 2024 года в Кировском областном краеведческом музее им. П. В. Алабина с успехом прошла выставка «Все идет по плану. Город на картах и схемах». Выставочный проект был приурочен к 650-летию юбилею г. Кирова. Посредством карт, схем и планов XVIII–XX вв. было наглядно представлено формирование и изменение границ территории Вятского края и становление его региональной столицы — г. Хлынова (Вятки, Кирова). Знакомясь с экспозицией, посетители могли увидеть и понять, как постепенно, благодаря деятельности архитекторов и строителей, трансформировался исторический облик города, каким образом менялся тип планировки (от радиальной к регулярной) и как это влияло на развитие города в целом и на повседневную жизнь горожан.

Со времени основания и до конца XVII в. застройка Хлынова велась без определенного плана, и его планировочная схема была обусловлена в основном особенностями рельефа местности (сильно пересеченного) и естественно сложившимися транспортными магистралями, по которым шло сообщение с соседними землями. С юга развитие города ограничивал Засорный овраг, с севера — Раздерихинский, а на востоке город упирался в крутой берег р. Вятки. Все это предопределило прокладку дорог и улиц только в одном направлении — западном. Этими обстоятельствами определился и лучевой, или веерный, характер планировки города.

Среди экспонируемых на выставке редчайших, по существу, уникальных документов — карта Хлынова 1759 года. На выставке была представлена копия этой карты, помещенная в книге «Окружные межевые книги Вятской провинции города Хлынова 1759 года», изданной Вятской губернской типолитографией в 1917 г. Изображенный на карте 1759 г. план города позволяет представить Хлынов середины XVIII в. На плане показан кремль с остатками рва и крепостной стены. Через ров перекинута два моста: один вел на торговую площадь, другой — в сторону Воскресенской улицы. Юго-восточную часть посада, вблизи рва, занимала площадь, на которой стояли две каменные церкви — Воскресенская и Спасская. Недалеко от площади, окруженные застройкой, находились Покровская, Воскресенская и Казанская церкви. Рядом с Воскресенской церковью на плане отмечен каменный дом Вятской провинциальной канцелярии. Южнее Спасской церкви показан каменный питейный дом. В северо-западном углу торговой площади — группа построек, относящихся к воеводскому двору и его канцелярии (рис. 1).

В 1780 г. по указу императрицы Екатерины II город Хлынов — в связи с учреждением Вятского наместничества — был переименован в Вятку, а с 1797 г. стал административным центром Вятской губернии. В городе началось активное каменное строительство — как церковей, так и гражданских зданий. В 1784 г. по распоряжению Екатерины II был утвержден регулярный план, который определил планировку и застройку Вятки почти на полтора столетия, наметив развитие города преимущественно в меридиональном направлении. На выставке можно было видеть и сравнить как последнюю карту г. Вятки до регулярной застройки 1784 г., выполненную акварелью, так и составленный уже в 1784 г. проект перепланировки города. Реализация этого проекта легла на плечи первого губернского архитектора Филимона Меркурьевича Рослякова.

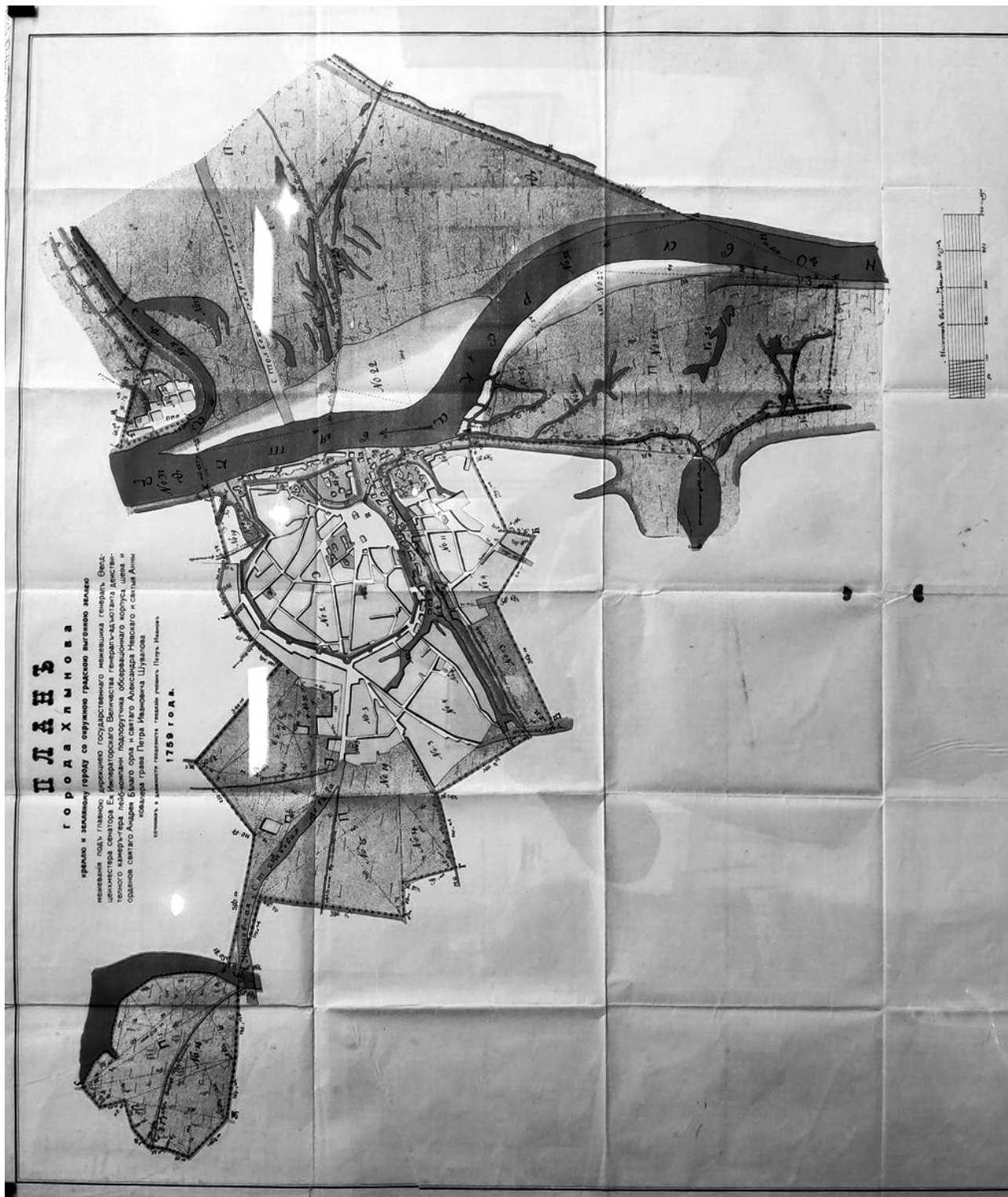

Рис. 1. Копия карты, изданная на Вятке в 1917 г. в книге «Окружные межевые книги Вятской провинции города Хлынова 1759 года»

Немалый интерес с исторической точки зрения представляют планы застройки города середины XIX в., а также карты города, относящиеся к 1920-м — 1930-м гг. Советскую эпоху открывает, например, план губернского города Вятки, изданный в 1920 г. Вятским горздравотделом. На данном плане поперечные улицы в основном имеют обезличенные «советские» названия — «1-я советская линия», «2-я советская линия», «3-я советская линия» и т. д. Исключением из этой сухой топонимии являются улицы Энгельса, Коммуны, Дрылевского и Горбачева. Содержательно более насыщенным и подробным является план города Вятки на 1933 г. (издание земельной части Вятского Горкомхоза, 1934 г.). На этом плане, помимо улиц, присутствуют изогипсы, отображающие рельеф городской территории с высотными точками.

Одним из примечательных экспонатов является газетная публикация 1940-х гг. с общим планом города Кирова и его разделением на три района: Ждановский, Сталинский и Молотовский. Позднее, 2 января 1957 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, Ждановский район г. Кирова был упразднен, а его территория передана в состав Молотовского и Сталинского районов. Эти укрупненные районы также подверглись переименованию: Молотовский стал Ленинским, Сталинский — Октябрьским.

Детализацию городской планировки и наиболее заметные изменения архитектурного облика города отражают планы и проекты по возведению и реконструкции отдельных зданий, а также по переустройству отдельных частей города. Одним из самых ранних является, например, план реконструкции Хлебной (современная Театральная) площади, разработанный в 1796 г. Ф. М. Росляковым. На выставке также широко представлены планы домов священнослужителей, расположенных на современных улицах — Казанской и Московской, планы реконструкции Архиерейского дома в разные исторические периоды.

Особую историческую ценность среди представленных экспонатов представляют созданный А. Л. Витбергом проект портика и решетки Александровского сада, планы реконструкции здания Вятского городского театра, разработанные Иваном Аполлоновичем Чарушиным, исполнявшим с 1896 г. должность вятского губернского архитектора. По экспонатам выставки — архивным фотографиям и оригинальным чертежам — может быть в целом воссоздана эволюция облика городского театра, как важнейшей доминанты культурной среды города, — от деревянного здания в русском стиле, возведенного в 1877 г. по проекту губернского архитектора Ивана Васильевича Нефедьева и перестроенного в 1909 г. И. А. Чарушиным, до каменного дворца в стиле «сталинский ампи́р», построенного в 1939 г. по проекту московских архитекторов А. К. Бурова и А. В. Федорова. Помимо реализованных архитектурных замыслов, на выставке нашел свое место интересный с исторической точки зрения проект реконструкции городского театра, который был предложен в 1924 г.

Рис. 2. Проект городского театра, датированный 1924 г.

архитектором Иваном Смирновым, но так и не нашел своего воплощения. Тем не менее само его появление в трудные 1920-е гг. говорит о том, как стремительно и с какой дальней перспективой начинал меняться облик губернского центра после революции 1917 г. (рис. 2).

Эстетически дополняют экспозицию картины Кировских художников, на которых запечатлены древний Хлынов и Хлыновский кремль, дореволюционная Вятка и современный город Киров. При этом представлены как картины художников 1930-х гг. (А. И. Деньшин), так и полотна современных живописцев (рис. 3).

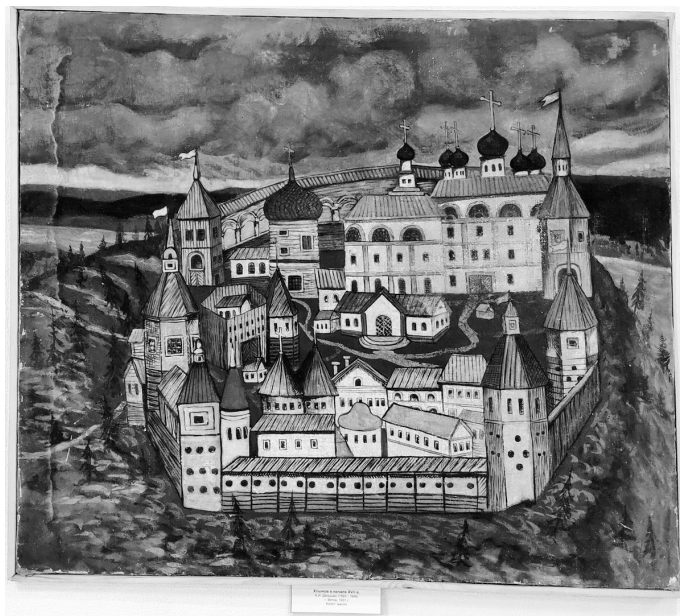

Рис. 3. Хлынов в XVII веке. Картина А. И. Деньшина

Как инструментальное дополнение, в витринах выставки представлены уникальные геодезические инструменты (астролябия, нивелир и ветрометр), которые использовались для съемки местности и составления карт. Все эти специальные экспонаты оживляют выставку, делая ее более разнообразной и широкой по тематическому охвату (рис. 4).

Рис. 4. Нивелир начала XX в.

УДК 314:005.745

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-116

Call for Papers: XII Международный симпозиум по исторической демографии в Сыктывкаре

Северная секция Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, Институт языка литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Отделение Российского исторического общества в Республике Коми объявляет о проведении 3–5 июля 2024 г. в Сыктывкаре XII Международного симпозиума по исторической демографии.

Основная тема симпозиума — влияние демографических процессов на освоение и развитие арктических и субарктических территорий России и других стран. Симпозиум — многофункциональная площадка для обсуждения различных вопросов, связанных с историческим опытом, современным состоянием и перспективами развития северных территорий.

Традиционно на симпозиуме обсуждаются проблемы источниковедения и историографии: типы источников по историко-демографическим процессам, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований, перспективы их развития и практическая значимость. Предполагается обсудить демографические процессы и факторы влияния на них в России и в других странах в различные исторические периоды и на современном этапе, а также актуальные вопросы историко-географических исследований и этнодемографических исследований.

Для участия в работе симпозиума необходимо до 15 июня 2024 г. сообщить темы докладов и анкетные данные (фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты), форма участия (очно, заочно, онлайн) и прислать доклад до 1 июля в Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН ответственному секретарю оргкомитета симпозиума Вишняковой Дарье Викторовне по электронному адресу vishnyakova_dari@mail.ru

Доклады участников симпозиума будут опубликованы в научном журнале списка ВАК «Известия Коми научного центра УрО РАН», серия «Историческая демография», в 2024 г. (№ 2) и в 2025 г. (№ 1, 2). Тексты докладов необходимо оформить по правилам для авторов статей¹. Оргкомитет просит строго соблюдать правила оформления статей. Предполагается очное, заочное и онлайн участие.

Оргкомитет

¹ Правила для авторов и требования к оформлению материалов: Известия Коми научного центра УрО РАН. URL: <https://izvestia.komisc.ru/index.php/ru/dlya-avtorov-2> (дата обращения: 05.03.2024).

Сокращения

АРАН — Архив Российской академии наук
ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России
ГСМ — Горюче-смазочные материалы
ИРИ РАН — Институт российской истории РАН
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории
МОПИ — Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской
МПС — Министерство путей сообщения
МФГО — Московский филиал Географического общества
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
РАН МАЭ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
РГАМВФ — Российский государственный архив военно-морского флота
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РУДН — Российский университет дружбы народов
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
ТГИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
Тюм. НЦ СО РАН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЧМЗ ЧМК — Челябинский металлургический комбинат
ЭБЗ — Эталонная база знаков

Научное издание
Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 1

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций

В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 9,94. Усл. печ. л. 13,72

Тираж 150 экз. Заказ № _____

Дата выхода в свет 26.04.2024 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

ГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

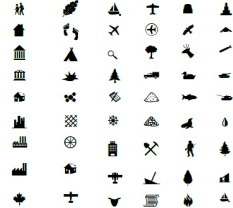
ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ИХ КОМБИНАЦИИ

СИМВОЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

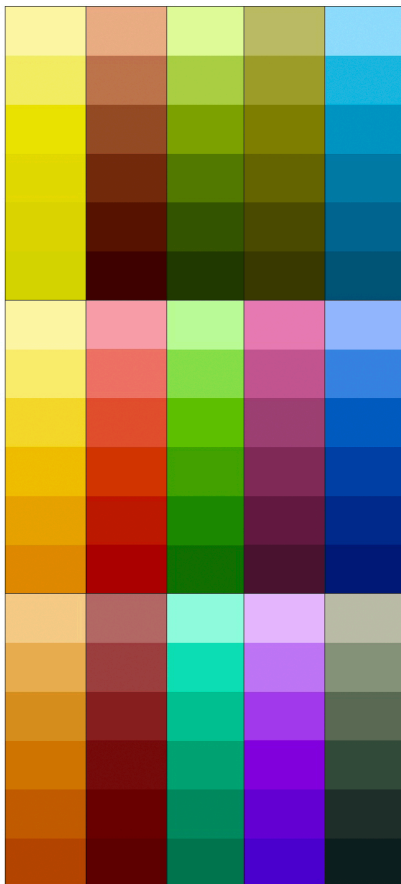
МАРКЕРЫ ВЕКТОРОВ

ТЕКСТОВО-ЧИСЛОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

НАБОРЫ ЦВЕТОВ

ПАТТЕРНЫ ШТРИХОВОК

Отношение характеристик

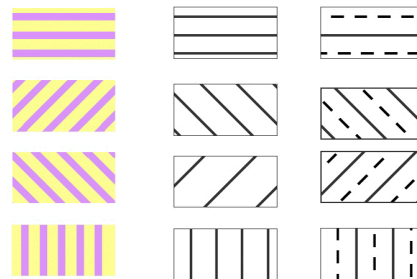

Баланс характеристик

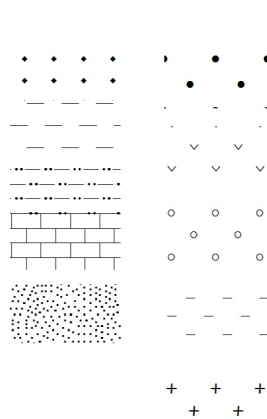
Преобладание базовой характеристики

Подавление базовой характеристики

Виды штриховок

ПАТТЕРНЫ КРАПА

ПАТТЕРНЫ ЛИНИЙ

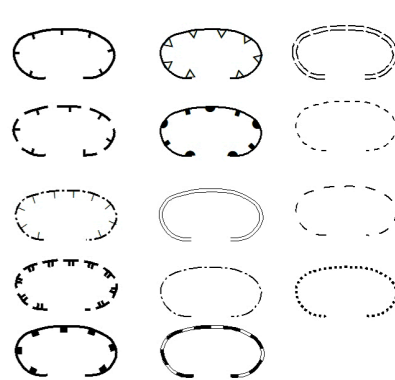

Рис. 1. Графические переменные для формирования условных обозначений

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ КАРТ МАТЕРИАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

1. ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

- селище
- городище
- грунтовый могильник
- курганный могильник
- группа курганных могильников
- стоянка
- Горная выработка (шахта, каменоломня, рудник)
- клад
- монетные клады и находки отдельных монет
- святилище
- пещеры
- дольмены
- памятники эпиграфики
- остатки отдельных жилищ
- объекты пластики, каменные статуи
- свайные постройки
- фортификационные сооружения, башни
- археологический комплекс, групповой археологический памятник

цвет знака соответствует принадлежности археологической культуре;
рядом со знаком указывается название или номер объекта по перечню, прилагаемому к карте

 вали, стен, фортификационные сооружения

 древние дороги

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

2.1 ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

- Культуры палеолита и мезолита
- Культуры неолита
- Культуры энеолита (медного века)
- Культуры бронзового века
- Культуры железного века
- Культуры античной эпохи
- Культуры раннего Средневековья
- Ареалы материальных культур позднего Средневековья и раннего Нового времени

2.2 ЛОКАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

 Установленные границы археологических культур

 Предполагаемые границы археологических культур

 Зона контакта археологических культур с преобладанием одной из них

 Зона контакта археологических культур без выраженного преобладания одной из них

Рис. 2. Условные обозначения для карт материальных культур

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ КАРТ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ИХ ДОБЫЧИ

1. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

1.1 РУДЫ МЕТАЛЛОВ

алюминиевые	редкоземельные
вольфрамовые	ртутные
железные	полиметаллические (свинцовые, цинковые)
золотые, золото-серебряные	серебряные
марганцевые	титановые
медные	хромитовые
медно-никелевые	
оловянные	
платиноидные	

1.2 ГОРНО-ХИМИЧЕСКОЕ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ СЫРЬЕ

апатиты	слюда	каменная, поваренная соль
фосфориты	тальк	калийные соли
сера	графит	йод, бром
флюорит	магнезит	
бор	гипс	
асбест	кальцит оптический	

1.3 НЕРУДНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

доломит	кварциты
мрамор	глины огнеупорные
гранит	цементное сырьё
кварциты	

1.4 ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МИНЕРАЛЬНОЕ СЫРЬЕ

нефть	урановые руды
нефть и газ	торф
природный газ	сланцы горючие
бурый уголь	битумы и асфальт
каменный уголь	

1.5 ДРАГОЦЕННЫЕ И ПОДЕЛОЧНЫЕ КАМНИ

янтарь	яшма
алмазы	обсидиан
лазурит	изумруд
нефрит	прочие драгоценные камни

1.6 ПРОЧИЕ ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

минеральные воды	перламутровые раковины
термальные воды	жемчужные раковины
ценные виды леса	
папирус	

1.7 ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ В МАСШТАБЕ

нефтегазоносные области
угленосные бассейны
железнорудные бассейны
районы золотоносности

2. ДОБЫЧА И ТРАНСПОРТИРОВКА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

подземные горные выработки (шахты)	1820	эксплуатируемое месторождение; под знаком - дата начала эксплуатации
открытые горные выработки (карьеры)		основные пути перевозки ресурсов; толщина линии соответствует объемам перевозок
скважины		указатель направления перевозок;
газопроводы		
нефтепроводы		
железные дороги		

Рис. 3. Условные обозначения для карт природных ресурсов и их добычи

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ КАРТ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ И ЦЕРКОВНЫХ ИНСТИТУТОВ

1. ГРАНИЦЫ ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

	Границы митрополий или аналогичных церковно-административных единиц
	Границы епархий или аналогичных церковно-административных единиц

2. ОПОРНЫЕ ОБЪЕКТЫ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

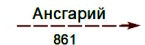
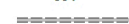

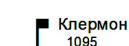
2.1 ЦЕНТРЫ ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ

	РЕЙМС	центры митрополий или аналогичных церковно-административных единиц
	Орлеан	центры епархий или аналогичных церковно-административных единиц

2.2 КУЛЬТОВЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕНТРЫ

	Сен-Дени (бенедикт.)	аббатство; в скобках под названием указывается принадлежность к монашескому ордену; на тематических картах, посвящённых распространению орденов, принадлежность указывается цветом знака
	Ярроу 882	монастыри; для карт развития церковных институтов и вероучений под названием указывается дата основания
	Апостольская церковь Кельн	локальные культовые центры, храмы; приводятся на специальных картах; под названием указывается принадлежность к населённому пункту
	Католический университет Лилля	религиозные и церковные учебные учреждения

3. РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВЫЕ СВЯЗИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИЙ

	Области зарождения и первичного распространения религий и вероучений; цвет применяется из цветовой шкалы религий
	Основные направления распространения религиозных течений
	Маршруты действий миссионеров; над линией - имя субъекта; под линией - дата маршрута
	Линии основных маршрутов движения паломников
	Области беспорядков и вооружённых столкновений, вызванных конфликтами религиозного характера; внутри области - даты актуальности
	Области распространения еретических вероучений и борьбы с ними; внутри - название течения
	Очаги беспорядков и вооружённых столкновений религиозного происхождения; под названием - дата события
	Проведение церковных соборов; возле знака - название населённого пункта; ниже - дата проведения собора

4. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К РЕЛИГИОЗНЫМ ТЕЧЕНИЯМ

 христиане	 ислам	 индуисты
 католики	 шииты	 конфуцианцы
 протестантизм	 сунниты	 даосисты
 лютеране	 ибадиты	 синтоисты
 кальвинисты	 иудеи	 приверженцы местных корейских верований
 англикане	 буддисты	 приверженцы местных традиционных верований
 православные	 махаянисты	 данные отсутствуют
 древневосточные церкви	 ламаисты	
	 тхеравадины	

4.1 СООТНОШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ РЕЛИГИЙ И ВЕРОУЧЕНИЙ НА ОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

	отсутствие выраженного преобладания одной из религий; совмещение двух или более религий на одной территории
	преобладание одной из религий

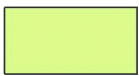

Рис. 4. Условные обозначения для карт религиозных учений и церковных институтов

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ КАРТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГИОНОВ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

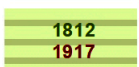
1. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАНГ ГРАНИЦЫ

	Границы государственных образований (I-го порядка)
	Границы административных единиц II-го порядка
	Границы административных единиц III-го порядка
	Границы административных единиц IV-го порядка

2. ТЕРРИТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

	Территория основного административного региона или государственного образования
	Территории соседних административных регионов
	Территории соседних государственных образований

2.2 ОБЩАЯ ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

	Территории, присоединённые к картографируемому региону; внутри - дата присоединения
	Территории, отчуждённые от картографируемого региона; внутри - дата отчуждения
	Территории переменного присоединения и отчуждения в отношении картографируемого региона; внутри - даты присоединения и отчуждения

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

название государственных образований

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

название административных регионов I порядка

БРОННИЦКИЙ УЕЗД

название административных регионов II порядка

3. НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ

●	МОСКВА	Города столичного значения
●	ВЛАДИМИР	Административные центры I-го порядка
●	Ковров	Административные центры II порядка
◎	Унск	Города без административного статуса
◉	Ширшяминский	Посёлки, местечки, слободы, пригороды
◊	Яренга	Сельские поселения
•	Кордон	Прочие малые объекты с различным характером населённости

Рис. 5. Условные обозначения для карт административных регионов, государственных и политических образований

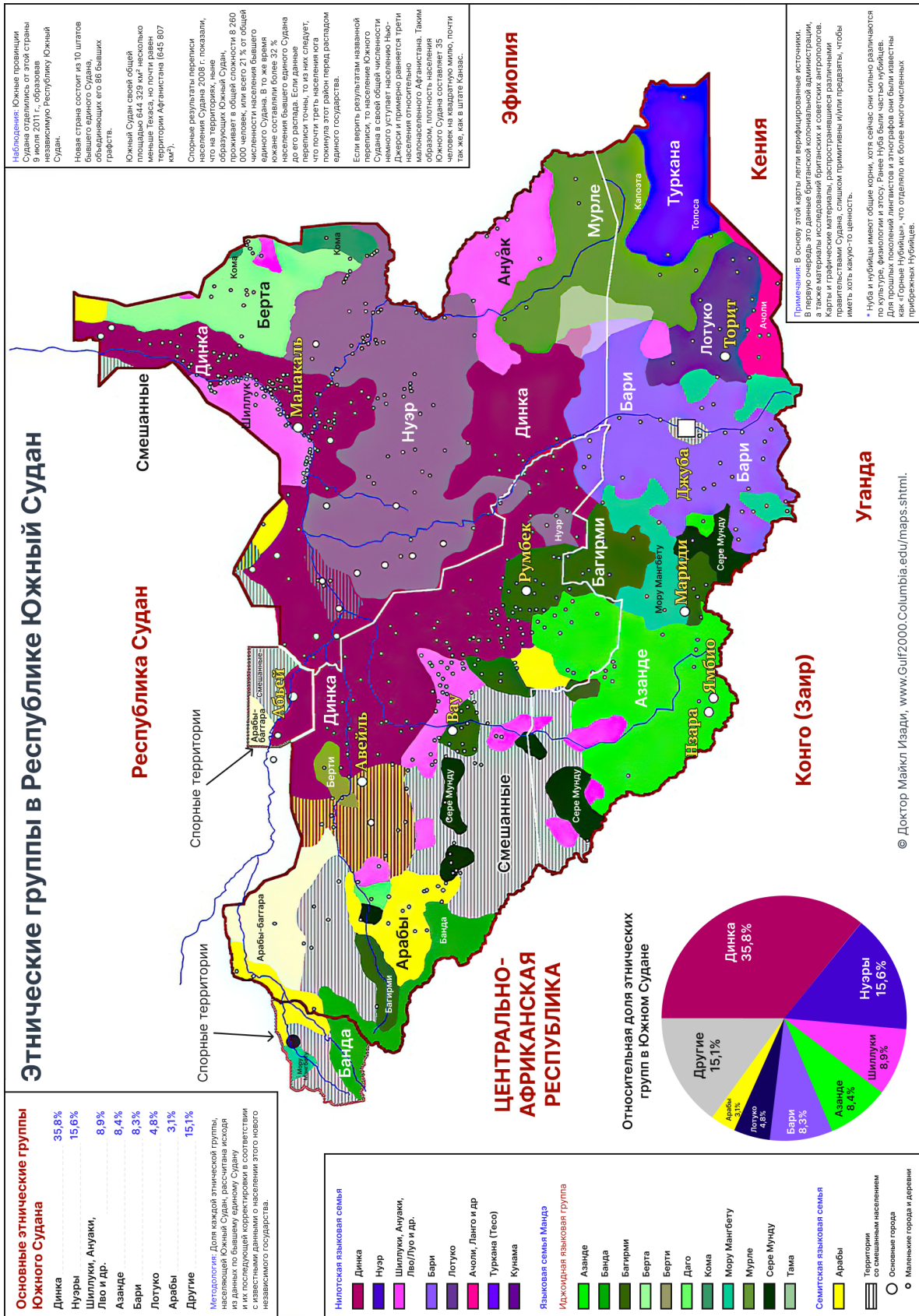

Рис. 6. Этнический состав населения Южного Судана

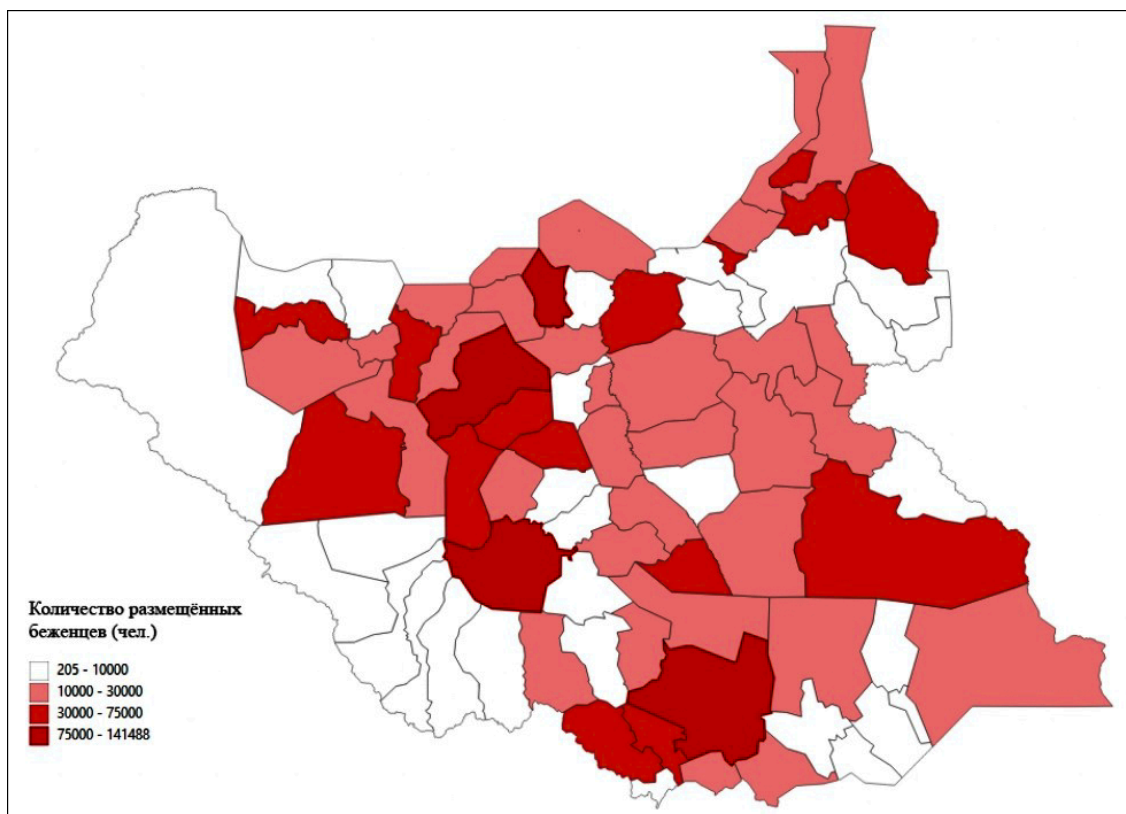

Рис. 7. Количество размещённых беженцев в районах Южного Судана

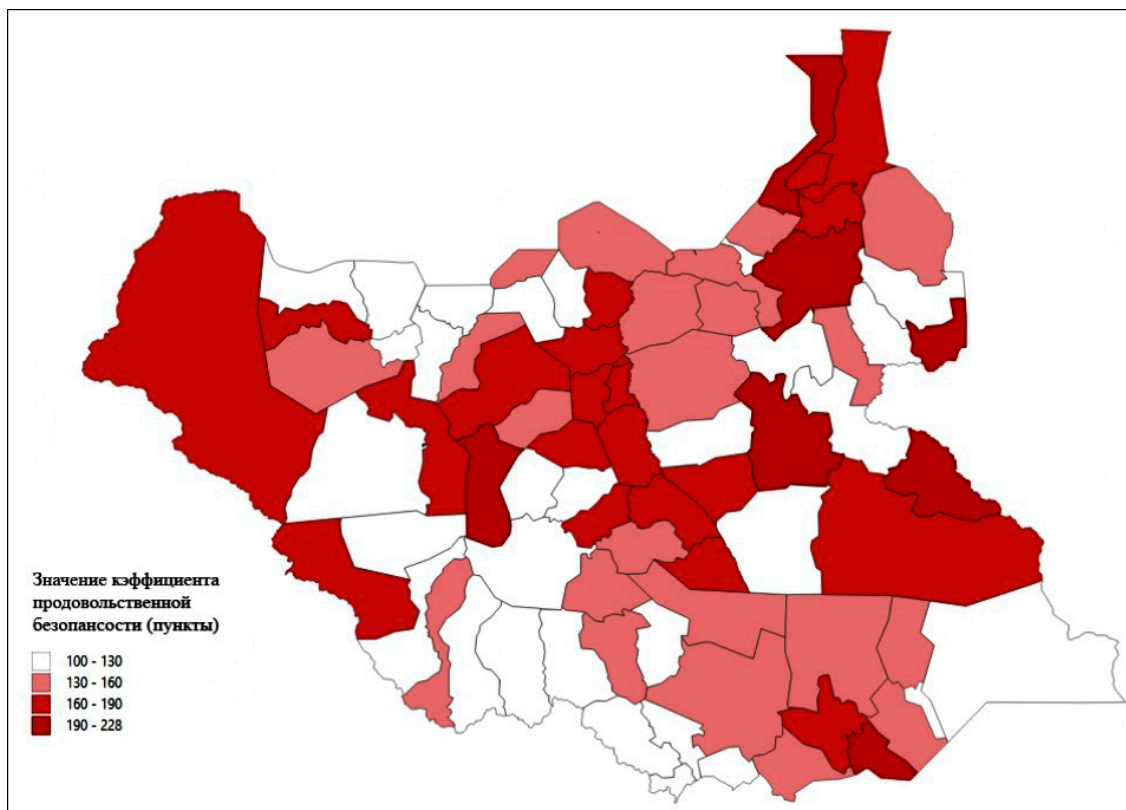

Рис. 8. Индекс продовольственной безопасности населения Судана

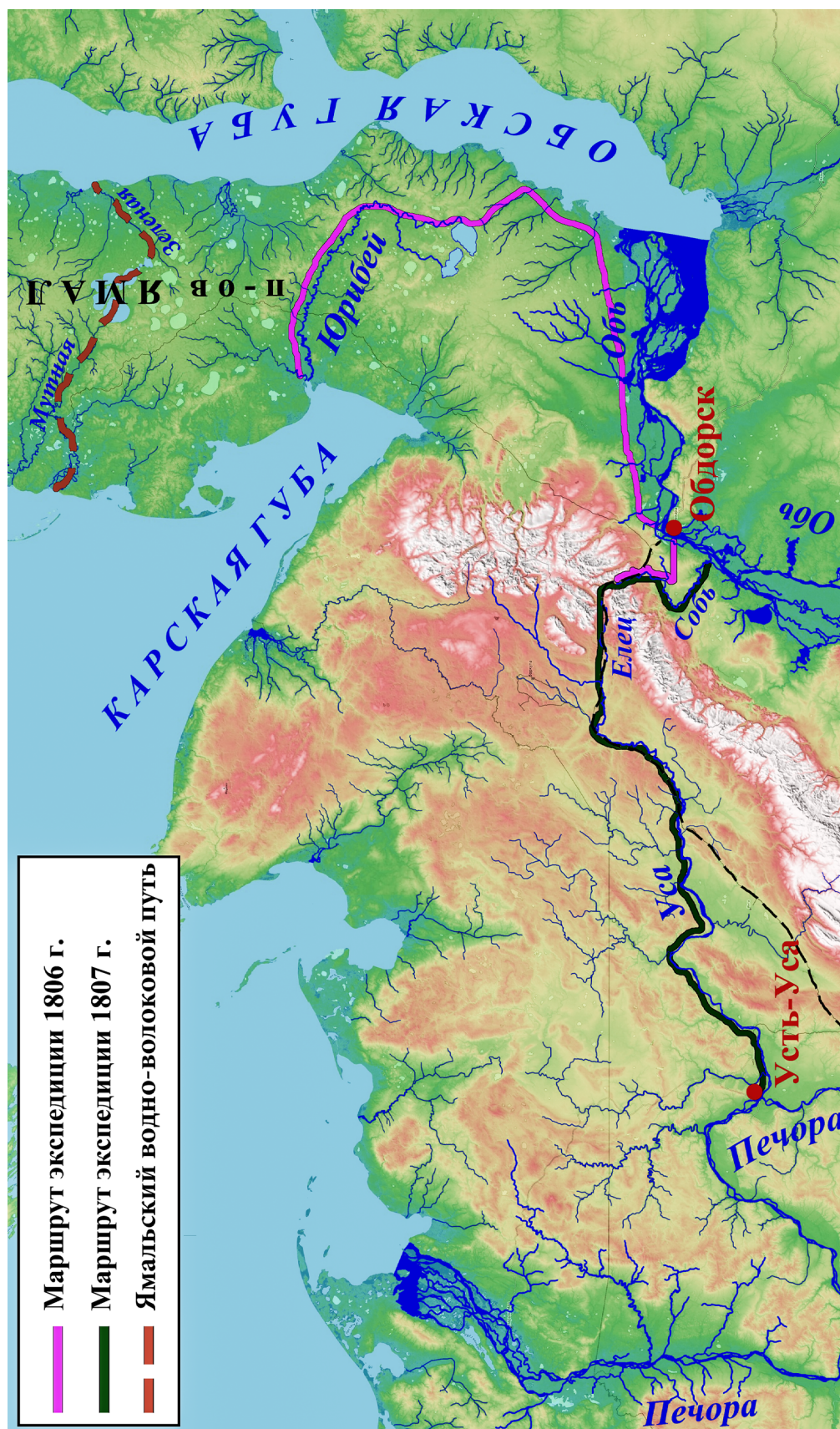

Рис. 9. Маршруты экспедиции Попова в 1806–1807 гг.

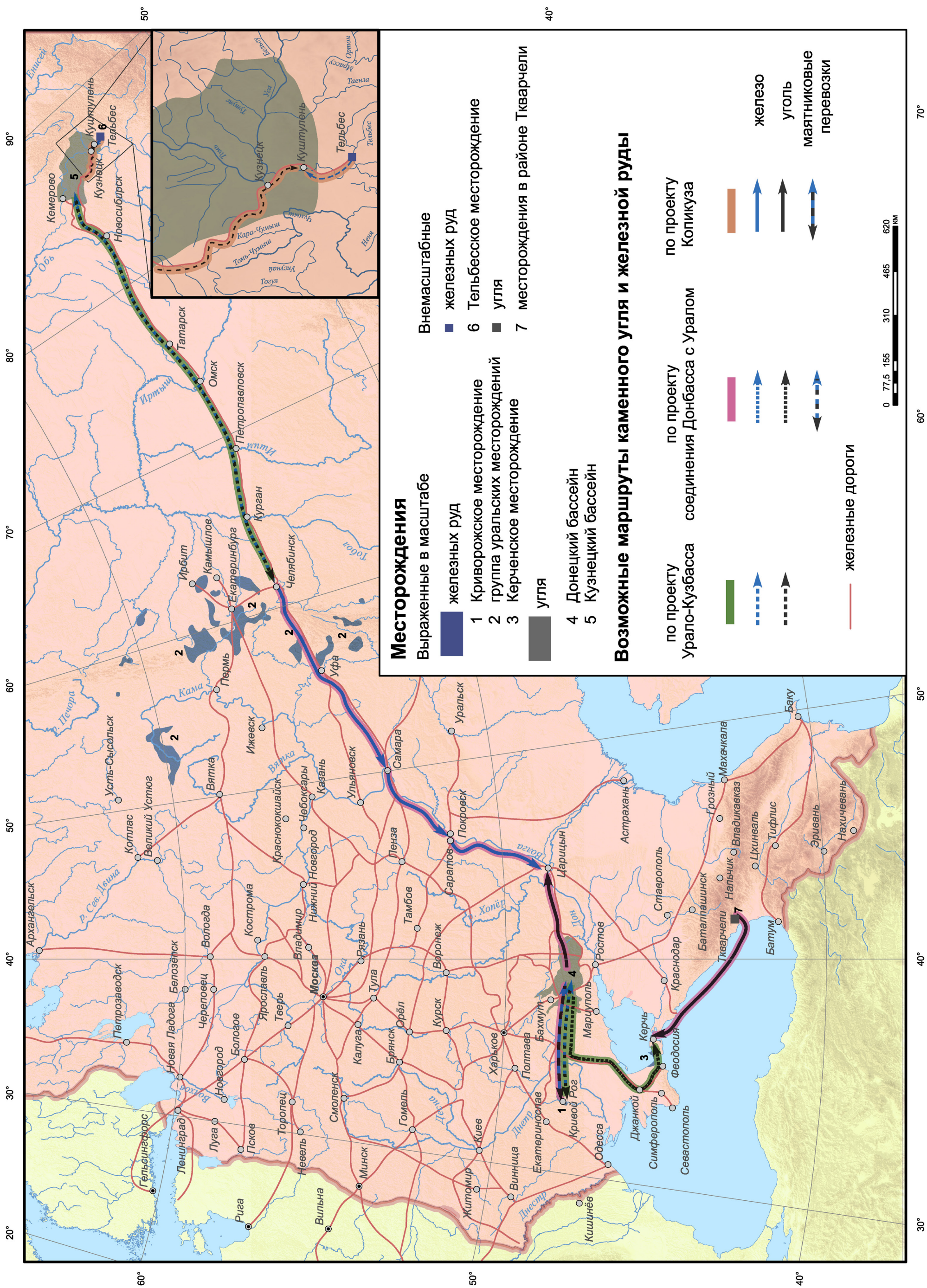

Рис. 10. Проекты территориальной организации металлургической промышленности России/СССР 1890-х — 1920-х гг. Карта выполнена Е. С. Гришиным